

МУАРРИХ

ИСТОРИК

№ 4

Душанбе
2015

ББК 63.3 (2 рус) + 74.263.1
К -78

Главный редактор
доктор исторических наук З.И.Акрами

Основатель и научный редактор журнала
академик Масов Рахим Масович

Члены редакционной коллегии:

*Б. Кабилова, С. Бобомуллоев, А. Гафуров, Л. Додхудоева,
В. Дубовицкий, Х. Пирумшоев, Х. Камол (отв. секретарь), А. Раджабов,
А.О. Чубарьян (Россия), Франсис Ришар (Франция),
Анри-Поль Франктор (Франция), В Фролов (отв. секретарь)*

Корректор *М. Хасанова*

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры
Республики Таджикистан № 0228/МЧ от 14 апреля 2015 г.

Учредитель:

Институт истории, археологии и этнографии
им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан

ISBN 978-99947-278-10
ISSN 2789294-8

©Институт истории, археологии и
этнографии им. А. Дониша АН РТ, 2015

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДОБРОВОЛЬНОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ ГОРНОГО БАДАХШАНА К РОССИИ (История, современность, перспективы)

Р.МАСОВ,

доктор исторических наук, профессор, академик
Академии наук Республики Таджикистан,
директор Национального музея древностей Таджикистана

В.ДУБОВИЦКИЙ,

доктор исторических наук, заведующий отделом истории
науки и техники Института истории, археологии и этнографии им.
А.Дониша Академии наук Республики Таджикистан

Судьба Горного Бадахшана и Памира неразрывно связана с историей таджикского народа. Трагическим этапом истории этого региона стала его оккупация в 1883г. Афганистаном. Присоединение Памира и Горного Бадахшана к России стало спасением для жителей и дало новый импульс развитию региона.

Создание в 1925г. ГБАО стало важным шагом в истории края, давшего возможность коренного развития этой труднодоступной части Таджикистана.

Ключевые слова: *Горный Бадахшан, Памир, присоединение, Россия, историческая судьба.*

Регион Средней Азии расположен не только в центре Старого Света, но и на перекрестке происходивших важнейших в истории человечества событий. Именно здесь находилась колыбель многих цивилизаций, давших миру десятки государств. Именно здесь зародились религии, которые исповедуют многие миллионы и миллионы людей. Сотни поколений людей живших в них исповедовали в разное время самые разные религии, от анимистических культов, до великих мировых – христианства и ислама. По этой земле прокатывались грандиозные нашествия, жестокие войны, на ней же были сделаны великие научные открытия. В ряду всех этих бесчисленных событий - немало судьбоносных, как для народов Азии, так и Европы. Среди них выделяется произошедшее сто лет назад добровольное присоединение Горного Бадахшана (Памира) к России.

Последние двадцать пять лет истории Таджикистана наполнены различными, подчас драматическими и даже трагическими, событиями. Республика обрела в этот период государственную независимость, пережила раскол среди населения, приведший к жестокой межтаджикской вооруженной борьбе и до настоящего времени находится в сложном экономическом положении. Учёным – историкам, экономистам, политологам – еще предстоит оценить все тяжелые последствия этих событий, их истоки и негативные результаты в будущем.

Предстоит оценить и еще один фактор в становлении независимости Республики Таджикистан – роль различных государств в этом процессе. Деклараций о поддержке государства таджиков в период обретения независимости было предостаточно: в них звучало и упоминание об этнической и религиозной близости и напоминание об общем многовековом культурном единстве и уверения в помощи на пути к истинной демократии. Однако быстро выяснилось, что за каждой из таких деклараций стояли вполне определенные эгоистические цели, ведущие к экономическому и политическому подчинению страны таджиков.

Именно в этот сложный, подчас трагический, период истории со всей очевидностью проявилась истинность народной мудрости: «Старый друг - лучше новых двух». Именно в эти дни таджики поняли правильность решений своих предков, сделавших выбор в направлении союза с Россией. Для таджиков отношения с Россией имеют глубинный исторический смысл: являясь на среднеазиатской территории единственным коренным народом индоарийского происхождения, носителем древнейшей культуры региона, они издавна испытывали притяжение к русской цивилизации.

Первые контакты русского и таджикского народов приходятся на исторический период, имеющий для них важное значение, а именно – на X век, время расцвета Государства Саманидов в Средней Азии, первого таджикского государства в регионе и одновременно - на момент крещения Руси, давшего русскому народу новую духовную культуру в контексте евразийской цивилизации. Именно поэтому в событиях, произошедших на Памире сто лет назад, прослеживается не малозначительная случайность, а цепь последовательных исторических движений, важнейших вех в судьбах не только населения горного края, но всего таджикского народа, а также народов России.

Эти события имеют свою, весьма длительную и поучительную предысторию. Впервые так называемый «памирский вопрос» в русской внешней политике проявился в 1876 году, в период присоединения к России Кокандского ханства. Феодалная группировка кочевников-кипчаков, захватившая власть в Коканде, потребовала восстановления территории ханства в прежних (до 1853 года) границах и начала набега на юго-восточные пределы России, входившие в то время в Туркестанское генерал-губернаторство. Царские власти ответили мощным контрнаступлением, в результате чего в 1876г. Кокандское ханство было ликвидировано, а на его месте образована Ферганская область. Исходя из норм международного права того времени, вся территория побеждённого государства вошла в состав России в его границах на последний момент. Однако в отличие от равнинной части ханства, расположенной в Ферганской долине, территория Памира с прилегающей к нему Алайской долиной, населенной киргизами, фактически целых четырнадцать лет, т.е. до 1891 года, не имела российского административного управления. Причиной тому была удалённость территории от Ташкента, малочисленность администрации России на местах и малонаселённость ре-

гиона.

Вместе с тем, население Памира, Горного Бадахшана, да и всего Таджикистана, уже с конца 60-х годов XIX века вошло в орбиту российской государственности: Северный Таджикистан - благодаря включению в состав Туркестанского генерал-губернаторства; южная часть - посредством тысяч и тысяч рабочих-отходников, ежегодно отправлявшихся из горных долин Восточной Бухары и Памира в промышленные центры Ферганы, Ташкента, Семиречья. Эти люди знакомились с новыми государственными порядками, социально-экономическими и культурными реалиями, привнесенными в регион российским государством. Не следует идеализировать деятельности официального русского чиновничества в Средней Азии, среди его представителей немало было и так называемых «господ ташкентцев», людей случайных, а часто отправлявшихся на окраины государства за «длинным рублём» и полностью безразличных к «туземцам», их нуждам, культуре и истории. Эта социальная «накипь» не может умалить заслуг основной части русских людей, отправлявшихся на далёкую юго-восточную окраину России для ее изучения, защиты и обустройства. Этим нелёгким делом во все времена занимались, в основном, энтузиасты и патриоты, искренне преданные своему делу. Именно благодаря их усилиям у местных жителей создавался образ великой имперской державы, несшей в регион не только экономическое развитие, но и животворные принципы русской культуры, сформированной на основе православия.

Немаловажен тот факт, что появившаяся не позднее XI века на Памире и в Горном Бадахшане религиозная секта исмаилитского (шиитского) направления «Дини пяндж тани» («Религия пяти святых ислама»)¹, последователями которой было большинство проживавшего там таджикского населения, резко дистанцировалась от традиционного суннитского ислама ханифатского толка, который исповедовали и в Бухарском ханстве, и в Афганистане. Более того, по утверждению некоторых русских востоковедов, все книги «пяндж тани» носят в этическом плане заметные следы учения Христа. Первое правило, рекомендуемое «пяндж тани» к сведению и руководству, - «не делай другому того, чего ты не желаешь, чтобы другие делали тебе». Правило - нельзя отвечать злом на зло – содержится также в Евангелии.

Фактор исповедования «пяндж тани», без сомнения, психологически отделял все население Горного Бадахшана, независимо от социального положения, как от влияния афганских (пуштунских) беков с юга, так и политической и духовной власти мангитской Бухары. В этой ситуации население Горного Бадахшана видело для себя наиболее естественным выходом находиться под покровительством власти соседнего христианского государства, духовной основой которого было восточное православие.

Население Памира не представляло для себя ничего другого - ни с

---

¹ Раскрытая человеческая ладонь - десница Аллаха и пять пальцев, символизирующие имена пяти особ - Мухаммеда, Али, Фатимы, Хасана, Хусейна.

социально-экономической, ни с духовной, ни наконец с историко-этнической позиции - кроме как добровольного вхождения в состав Российской империи. Оно надеялось в составе или под протекторатом России обрести защиту от административно-чиновничьего произвола Бухарского эмирата и постоянных набегов и грабежей афганских и китайских приграничных правителей, князьков, царьков и беков.

Однако в конце 80-х - начале 90-х годов XIX века Памир вновь привлек к себе внимание европейской политики. Произошло это в связи с тем, что на его территорию начали предъявлять свои права соседние Китай и Афганистан. Официально китайские власти формально не представляли таких претензий, но они начали постоянно вмешиваться в дела памирских киргизов, назначать беков по своему усмотрению из их числа. Не ограничиваясь этим, китайские власти потребовали ежегодного приезда киргизских беков в Кашгарию для отчета, изъявления своей покорности, получения указаний. Согласно китайским источникам, для управления Памиром назначались беки Шаиму и Кулумэга на должность мэнбаси («начальника тысячи дворов») с постоянным пребыванием в Мургабе. Кроме того, была установлена должность «начальника ста дворов», который осуществлял управление киргизским населением в Ихули, Аличуре, Мургабе, Аису, Хеличи и других местах. Для руководства таджикскими территориями Сарыкола и прилегающих местностей был назначен «чиновник пятой категории» Айлибу.

Под давлением Англии в 1883 году территориальные претензии на Памир заявил и Афганистан, войска которого вторглись в Вахан, Горан, Шугнан и другие территории Горного Бадахшана. В этот период эмир Афганистана Абдурахманхан проводил агрессивную политику по присоединению к государству полунезависимых территорий на севере от пуштунского государства, по левобережью Пянджа и Амударьи, и захват земель Горного Бадахшана, не находящихся под покровительством ни одной из великих держав, вполне укладывался в его экспансионистские планы.

Правителю Вахана Шо-Али-Мардону удалось заблаговременно проведать о планах афганцев, и он созвал совещание родовых старейшин в своем главном селении Калаи-Пяндже. Было принято решение всем жителям бежать из страны, поскольку отобразить ожидаемое нападение не было возможности. Так начался малоизвестный эпизод истории Горного Бадахшана - исход ваханцев со своей родины во главе с Шо-Али-Мардоном. Старейшины быстро передали сообщение покинуть Вахан в самые дальние кишлаки. Все без исключения, ваханцы изъявили желание последовать за своим правителем. Было решено собраться в местечке Ак-Таш, откуда Шо-Али-Мардон намеревался направить их в различные местности. Сам же он временно обосновался в Таш-кургане (Сарыколе), а затем перебрался в Ишкамол, в провинцию Чатрат, откуда обратился к русскому правительству за разрешением переселиться в Россию.

Осенью 1883 года в Шугнани вспыхнуло восстание жителей про-

тив гнета интервентов, или как записано в архивных документах, против «непосильных налогов, а также использования людей для работ вместо лошадей и ишаков при доставке провианта». Перебив наиболее жестоких сборщиков налогов, восставшие бежали в Рушан, где, укрепившись на труднодоступных высотах, вышли с ходатайством о помощи в Туркестанское генерал-губернаторство. Делегация во главе с прогрессивно настроенными представителями Горного Бадахшана, в том числе поэтом Фаррух-шо, Мухаммадназарбеком, Манзаршо из Рушана, Миравзбеком из Сучана, поэтом Назаршо из Ишкашима прибыло в феврале 1884 года в Новый Маргелан (ныне город Фергана). Посланцы видели в присоединении своей родины к России единственный путь освобождения от дикой тирании афганцев. Они доставили с собой обращение жителей Шугнана, в котором говорилось, что те «зимой бросили свои дома и скитаются по степи. Единственное спасение находят они в лице Белого Царя и прибегают к его покровительству и защите».

Жизнь таджиков Горного Бадахшана в этот период можно было описать только в самых мрачных красках: настоящее существование в рабстве; поборы, доводящие целые семьи до голодной смерти; продажа людей в Афганистан; ежедневные убийства и насилия на всей территории - от Язгулема до Вахана.

В августе-сентябре 1889 года вооруженная борьба таджиков Горного Бадахшана против афганского вторжения достигла апогея. Именно к этому периоду относится послание правителя Шугнана Сеида Акбаршо подполковнику царской армии Б.Л. Громбчевскому. В нем говорилось: «Завоевателю мира, подобному орлу, великому господину. Да будет Вам, властителю Вселенной, оказывающему помощь, известно, что до настоящего времени я страну мою считал входящею в состав владений Великого Белого Царя, теперь же явились сюда воры-грабители и овладели половиною моих владений. Раньше этого времени о положении моем я отправил донесение к слугам Великого Государя, но ответа еще не получил. Докладывая Вам о положении дел, высказываю надежду, что страна моя будет принята под покровительство Великого Белого Царя, воры же убегут и перестанут разорять мою Родину. О последующих событиях буду извещать Вас своевременно. Пока Рушан находится в моих руках, считайте эту провинцию своими владениями».

Находясь в поистине трагическом, безвыходном положении, все население Горного Бадахшана видело единственное свое спасение в немедленном присоединении к России.

В августе 1889 года подполковник Б.Л. Громбчевский встретил огромные толпы беженцев из Шугнана, двигавшихся к границе Туркестанского генерал-губернаторства. Он так описывал это: «Спустившись в долину р. Мургаб, мы в продолжении трех дней по дороге встречали сплошные толпы шугнанцев, направлявшихся в пределы России, впереди шло около 20 семейств родственников Юсуфа Алишо, главного сподвижника Сеида Акбаршо. За головы многих из них была назначена афганцами денежная премия, а все остальные объявлены вне закона, т.е.

каждый мог убить или ограбить беглеца, не подвергаясь никакому наказанию. Беглецы шли быстро, бросая по дороге уставший скот и имущество, старались уйти по возможности дальше от афганцев. Узнав во мне русского, они бросались на колени, целовали одежду и молили защитить их от преследования. Бедствия этих несчастных не поддаются описанию. Все в рубищах, с котомками за плечами, несли на себе, кроме домашнего скарба, грудных и маленьких детей. Тут же гнался домашний скот, половина которого подохла в дороге или же была разграблена памирскими киргизами. Дорога буквально была устлана трупами животных, которые, разлагаясь на солнце, заражали воздух невыносимым зловонием. За каждым табором тянулась длинная вереница больных и отставших, преимущественно стариков и женщин с детьми. Столь ужасную картину народного бедствия воображение европейца вряд ли может себе представить. Такие картины возможны только в Азии, где властелин, завоевывающая страну другого, поголовно вырезает население занятой страны, обращая, вместе с тем, ее в пустыню. Зная, что беглецы идут прямо в руки союзника афганцев Сахиб-Назара и что лучшее, что их ожидает, - это ограбление, захват женщин и продажа многих в рабство, я пытался уговорить несчастных вернуться обратно в Шугнан. «Вы не знаете афганцев, - говорили мне беглецы, - это лютые звери. Они сожгли наши дома, разграбили наше имущество и назначили цену за наши головы! Жен наших они насилуют на наших глазах, издеваясь и заставляя смотреть на это посрамление». Из скудных запасов экспедиции беглецам оказывалась посильная помощь. Раздавались мука, вареное мясо, лекарства, перевязывались раненые, а на ночлегах варилась горячая пища для спешивших мимо беглецов. Но бедствие было таких размеров, что помощь наша уподоблялась капле в море. В селении Сарез я был приятно удивлен симпатией населения к русским. Жители называли себя не иначе как поданными Белого Царя и новое занятие Рушана афганским войсками объясняли тем, что русские войска не могли подоспеть вовремя, чтобы прогнать этих дуздов (воров). Чрезвычайно интересен факт, что местное население считает себя русскими поданными на основании какого-то договора, по которому русские отдали будто бы афганцам все земли по левую сторону реки Пянджа и оставили за собой земли правого берега, а, следовательно, и Рушан. Вера в этот договор непоколебима».

В 1891 году правительством России, наконец, было принято решение о нормализации управления территориями на Памире. С этой целью в период 1891-1893 гг. из Ферганы были направлены отряды русских войск, которыми были созданы первые пограничные посты: в Шаджане (1892г.), Мургабе (пост Памирский) - в 1893 г.

Однако уже в 1895 году, в результате англо-русско-афганских переговоров, территория Горного Бадахшана оказалась в составе Бухарского эмирата: она была передана Бухаре в качестве компенсации за потерю ею Запянджского Дарваза, отошедшего Афганистану. Учитывая последствия жестокой афганской оккупации, разоренному населению

была обещана трехлетняя отсрочка в сборе налогов.

Так неожиданно для себя таджики Горного Бадахшана после двенадцати лет изнурительной борьбы с афганцами и китайцами оказались под дланью «Бухорои Шариф» (Священной Бухары), одного из деспотичных государств Востока того времени. Предупреждение некоторых русских востоковедов и военных относительно разницы в вероисповедании основной массы населения Бухарского ханства и бадахшанцев, а также происходивших на этой почве негативных проявлениях не было принято во внимание как малозначительная этнографическая деталь. Однако это обстоятельство при «всей своей малости» привело к трагическим последствиям для бадахшанцев.

Власть Бухары над таджиками Горного Бадахшана начала осуществляться во всех изошренных формах феодальной азиатской деспотии, о которых сохранились свидетельства классика таджикской литературы С.Айни, других его современников. Во время сбора множества налогов людей не просто избивали, но подвергали истязаниям, применяя пытки, достойные средневековой инквизиции.

В Горном Бадахшане эмирскими чиновниками была восстановлена практика их афганских предшественников по насильственной отправке в гаремы молодых женщин и мальчиков. Все это переполняло чашу терпения населения, вызывая взрыв гнева против присутствия представителей «Священной Бухары» в Горном Бадахшане. Возмущение населения Памира было понято русскими военными властями на Памире и в Фергане, отвечавшими за спокойствие и стабильность государственной границы. Несколько раз, чтобы предотвратить кровавую расправу над эмирскими чиновниками со стороны местного населения, русским пограничным чинам приходилось под конвоем высылать представителей «Священной Бухары» из Горного Бадахшана. Русские пограничные отряды, хорошо знакомые с истинным положением дел в горном крае, неизменно выступали за отторжение Горного Бадахшана от эмирской власти и передачу его полностью под управление России. Однако такие докладные записки с обоснованием ситуации долгое время оставались без внимания, как в Ташкенте, так и в Петербурге. Перемене положения послужили события в Вахане в 1896 году, когда его жители заявили, что они «столько вытерпели от афганцев вовсе не для того, чтобы попасть в руки к новым деспотам мангитского эмира - бухарцам», и что готовы полностью переселиться на территорию Британской Индии, в случае если не будут взяты под покровительство русской администрации. В результате этого, а также многих других обращений местного населения к русским властям территория Горного Бадахшана в 1903 году была переведена под управление русских военных властей, представленных Хорогским погранотрядом.

Таким образом, произошло событие огромной исторической важности - фактическое присоединение территории Памира и Горного Бадахшана к России. Этим актом было наконец осуществлено многолетнее стремление таджиков Горного Бадахшана к установлению братских от-

ношений с русским народом.

Дальнейшие исторические события, произошедшие через несколько лет на территории Российской империи, позволили сохранить Горный Бадахшан в составе Советского Союза. Горно-Бадахшанская автономная область была включена в Таджикскую Республику, и экономическая, политическая и культурная жизнь населения Памира получила новое развитие. Образование Советского Таджикистана имело огромное историческое значение для Горного Бадахшана. Созданием в Средней Азии такого государственного образования таджики были спасены как нация, они получили возможность развивать свою культуру, науку, иметь все условия для создания государственной инфраструктуры. Много позже, в 1991 году, у таджиков всего Востока появилось национально-государственное образование, позволившее перейти на новый, полный уровень суверенности.

Однако Республике Таджикистан, пришлось выдержать тяжелейшее испытание вооруженного противостояния, последствия которого не преодолены до сих пор. И в этих сложных условиях таджики вновь осознали, чем для них является Россия, насколько прочные и многообразные узы связывают два государства, насколько необходимы они друг другу и сегодня и завтра. Двадцать четыре года независимого существования Таджикистана показали всем бывшим республикам СССР всю глубину исторической интеграции, которая выдержала тяжелейшее испытание трагических событий 90-х годов прошлого века. И эти взаимосвязь и взаимная необходимость осознаются теперь не только в Таджикистане, но в равной степени и в России. Свидетельство тому - мощный процесс интеграции, происходящий на просторах СНГ, а именно создание Таможенного Союза, Евразийского Экономического Союза, снятие границ между Россией и Белоруссией, заключение договора о совместной обороне - ОДКБ. Это, наконец, принятие документа под названием «Стратегический курс России с государствами - участниками Содружества независимых государств», призванного упорядочить и конкретизировать политику Российской Федерации на пространстве СНГ.

Россия все больше осознает себя не просто европейской державой, но и великой евразийской державой и в этой связи яснее понимает свои интересы в Центральной Азии. Для таджиков все это представляется особо отрадным явлением, так как интересы России в центральноазиатском регионе исторически и геополитически более естественны, чем у США, Китая и других стран.

Понятно, что самой России сейчас непросто: идут грандиозные экономические реформы, становление нового демократического строя, борьба сложного спектра политических сил внутри государства. России нелегко и в области проведения внешней политики: кризис на Балканах, события в Афганистане, Ираке и других регионах ясно показали, что в мире есть силы, которые хотели бы сбросить Россию со счетов как великую державу, окончательно «задвинуть» ее на задворки истории, как некий политический анахронизм, недостойный внимания. В этом ключе

можно только приветствовать решение российского руководства по началу проведения с 30 сентября 2015 года операции силами её военно-космических сил в Сирии, которая уже привела к кардинальному изменению обстановки на Ближнем и Среднем Востоке.

В то же время можно отметить, что возможности состояния современной геополитики России позволяют ей ответить на любой вызов, и ответ этот может быть необязательно в Европе, но и далеко в глубинах Азии. Россия имеет здесь мощные позиции и верных союзников, которые осознают общие с ней интересы.

В этой связи хочется выразить надежду, Республика Таджикистан в ближайшее время примет решение о вхождении в Евразийское экономическое пространство, что, несомненно, откроет новые возможности для политической и экономической интеграции двух братских стран. Этот шаг решил бы большую часть экономических проблем и трудностей, стоящих перед Таджикистаном. Одновременно такая акция способствовала бы и полноценному существованию ГБАО.

Свой 120-летний юбилей присоединения к России, а также 90-летие создания ГБАО Горный Бадахшан встречает в сложных условиях. В годы Советской власти Горно-Бадахшанская автономная область (Памир) находилась на дотации, то есть была в составе Советского Союза дотационной территорией. Область обеспечивалась продовольствием: мукой, маслом, консервно-колбасными продуктами. Всё это досрочно завозилось в ГБАО до зимних холодов, закрытия перевалов многометровым снежным покровом. В настоящее время Таджикистан уже не имеет таких возможностей. Единственным выходом остается возрождение отечественной индустрии, промышленных предприятий, а также сельского хозяйства республики.

Но древняя и многострадальная история научила таджиков не отчаиваться в любых обстоятельствах: упорный труд и надежда во все времена помогала им в национальном развитии. Отсюда задача – делать всегда правильные выводы и упорно двигаться к поставленной цели.

R. Masov, V. Dubovitsky

HISTORICAL IMPORTANCE OF THE VOLUNTARY ACCESSION OF MOUNTAIN BADAKHSAN TO RUSSIA (history, modernity, perspectives)

Historical destiny of Mountain Badakhshan connected to the history of the Tajik nation. The occupation of this region by the Afghanistan in 1883 became the tragic epoch for it. Vvoluntary accession of Mountain Badakhshan to Russia became the rescue for its habitants and gave new impulse for development of this region. Formation of Mountain Badakhshan Autonomic Region in 1925 became one important moment in the history of this district that gave a chance for development of this inaccessible part of Tajikistan.

К ВОПРОСУ О ТАДЖИКСКО - МОЛДАВСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ

Л.ДОДХУДОЕВА

доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии
Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша
Академии наук Республики Таджикистан, пр. Рудаки, 33-
734025, г. Душанбе, Республика Таджикистан
эл. почта lorasdodo@ Rambler.ru, тел. (+992) 221 37 42

Статья посвящена творчеству Штефана Русу, известного мастера современного искусства Молдовы и Румынии. Его судьба тесно переплелась с культурой Востока. В начале своей карьеры он пытался интерпретировать исторические события, связанные с завоеванием Европы монголами средствами новой визуальной культуры. С 2012г. он живет и работает в Таджикистане, где пытается актуализировать собственный опыт в области и современного искусства в новой культурной среде.

Ключевые слова: искусство, скульптура, визуальность, вторжение, Молдова, Румыния, Монголия, Таджикистан, эксперимент, проект, вовлеченность.

Не Восток или Запад? - а Восток и Запад!

Д. Мережковский

Неисчерпаемая историческая проблематика кросс-культурных влияний, диалога и межкультурного взаимодействия, как отмечено исследователями, имеет свои закономерности. В личных судьбах художников конфигурация этих закономерностей прослеживается не столь явно и складывается из сложных переплетений судеб, политических и социальных вызовов времени, случайного совпадения различных интересов, новых творческих замыслов и даже непредвиденных или обычных событий повседневной жизни.

Именно из таких порой самых неожиданных ситуаций выстраивалось паломничество на Восток известного молдавского художника, куратора, арт-менеджера, публициста, режиссера и издателя Штефана Русу. Он не рассматривал Восток так как великая художница русского авангарда Наталья Гончарова, считавшая его первоисточником искусств. Напротив, он впервые обратил свой взор на древнюю культуру Азии для того, чтобы сквозь временные пласты истории молдавского народа прощупать основы идентичности своего этноса.

Произошло это в сентябре 2001г., когда в Молдавии в местечке Старый Орхей (около села Бутучены) был развернут международный художественный проект актуального искусства «Invasion» (англ. invasion-

вторжение), куратором которого стал Штефан Русу. В нем участвовали представители тех стран, которые, как это было сказано в каталоге, подверглись в средневековый период монгольскому нашествию. Причем акцент был сделан на распространенном общем, характерном для вторжения, а не на экзотической физической форме. Каждый из участников, отказавшись от пафосного настроения и используя обыденные предметы, пытался собственными средствами и методами представить значимость инвазии в широком смысле, следуя или же не следуя хронологии исторических событий и доведя временный диапазон до Второй мировой войны, богатой на различного рода вторжения.

Необходимо отметить, что вторжения на территорию Молдовы с IУ в. до н.э. до окончания Второй мировой войны, представлены на страницах каталога в хронологической последовательности и проходят лейтмотивом через весь книжный блок. Помимо этого, публикация снабжена серией исторических эссе видных ученых, посвященных различным аспектам воздействия монгольского нашествия на культуру Молдовы и Румынии, сохранившимся архитектурным памятникам и артефактам той эпохи. Словом, этот неординарный по своему авангардному решению арт-проект строился на добротной исторической базе и развивался в сотрудничестве с музеями этнографии и археологии, а также истории Республики Молдовы.

Русу представил свой проект «The Unknown Mongolian» («Неизвестный Монгол»). Синописис его собственной работы основывался на исторических фактах и памятниках, сохранившихся на берегах рек Раут, Нистру и Прут. Здесь автор дополнил традиционные пейзажные виды собственными некими психофизическими аномалиями в виде материальных объектов из гравия и мусора, напоминающими курганы азиатских степей. Это в полной мере соответствовало задачам проекта, пытавшегося раскрыть многообразное значение инвазии. Словом, нечто иное, неизведанное, оставшееся до сих пор на «маргиналиях», на обочине современных событий и внимания, вновь всплыло и заставило задуматься об идентичности собственного этноса.

Штефан Русу оказался одним из немногих, кто попытался интерпретировать сохранившийся средневековый культурный слой территории Золотой Орды и именно на его основе как бы выявить коды такого явления, как вторжение, которое при тщательном рассмотрении проступает через различные слои исторических и научных текстов, артефактов, обнаруживая свою многослойность.

Хорошее знание истории вообще присуще Русу, что позволяет ему счастливо сочетать научные знания с актуальной ментальностью. Сам он считает, что транзитные 90-е годы XX века с их мучительными проблемами этнической идентичности, определенной долей национализма, кризисными явлениями активизировало интерес общества к изучению сопоставительности культур и их различию.

Средневековые явления читаются четче через современную народную культуру. Эта закономерность в проекте была представлена музыкальными этно-фольклорными группами Молдовы «Таранкута» и Монголии «Темурджин», которые сформировались одновременно в 1990г. Фрагменты истории, связанные со многими явлениями инвазии и запечатленные в традиционном исполнении музыкантов из Улан-батора, позвали Русу на Восток подпитываться эманациями, возможно, утраченной сакральности.

Родившийся в семье советского архитектора (род. 1964г., село Кыйету, Молдова) и воспитывавшийся в рядах Советской Армии, в академическом Институте архитектуры, скульптуры и живописи им. И.Е. Репина в Санкт-Петербурге (скульптурная мастерская В.Пинчука, 1986-1990), он принимает решение ехать на буддийский Восток с его «нормативной избыточностью».

Уже однажды Русу подверг деконструкции советские идеологические доктрины под влиянием андеграунда Санкт-Петербурга на волне рок-культуры. Затем он погрузился, по его собственному выражению, «в крутой идеологический водоворот» во время учебы в Художественной академии Бухареста (факультет скульптуры, 1990-1995), после которого даже устроил персональную выставку деревянной монументальной пластики. Здесь же, в столице Румынии, он наблюдал за работой Центра современного искусства (1992г.), а через три года подобный центр KSAK появился и в Кишиневе, с которым он начал сотрудничать.

Со временем KSAK выработал собственную стратегию, нацеленную на развитие форм культуры и художественных практик, отражающих динамику социальных, политических и экономических трансформаций общества. В 2004 г. Русу получил степень магистра-менеджера в области культуры в Белградском университете искусств, в 2005-2006 гг. закончил программу тренинга кураторов в центре современного искусства Stichting De Appel, в Амстердаме. Многочисленные стажировки, семинары и резиденции в различных центрах мира сформировали его как художника и куратора актуального искусства. Его идеалом в студенческие годы был непревзойденный Бранкузи. Затем он стал увлекаться творчеством Дж.Бойса, К. Мельникова, Гордона Матта Кларка и других столпов современной визуальной культуры.

Особенно важны его самостоятельные кураторские проекты выставок, которые он ведет с 2001г. в различных странах мира. С 1997г. он стал активно публиковать свои собственные исследования в области современного искусства, совместных проектов на основе различных кросс-культурных влияний. Одновременно он пробует себя в качестве редактора многих изданий, посвященных проблемам актуальной визуальной культуры Молдовы и Европы.

В семье Русу было принято много читать, и с детства Штефан стал увлекаться литературой. Его отец Михаил Русу был студентом первого

выпуска Политехнического института Молдовы, в котором он обучался у знаменитого Валентина Войцеховского, широко известного своими архитектурными проектами в Кишиневе.

Служба Русу в рядах Советской армии в Одесском военном округе была связана не только со строевой подготовкой. Здесь он работал художником, где в процессе самостоятельной работы приобретал практические знания и умения в области пластического искусства. При содействии своего отца, который помог ему подготовить эскиз с учетом архитектурных требований, Русу изготовил для своей военной части стелу с фигурой бегущего связиста. Сослуживцы из Молдовы и работники Художественного фонда в Одессе помогли ему перевести задуманное в материал - бетон. Это был его первый проект, который он выполнил самостоятельно и с большим рвением. По собственному признанию Русу, этот армейский артефакт сформировал его как художника и стал как бы его юношеским ответом академическому искусству, основы которого столь последовательно воплощал в своей Лениниане его петербургский преподаватель В. Пинчук.

Проект «Инвазия» 2001г. стал первым кураторским проектом Штефана Русу, значимость которого попытался выразить в предисловии к каталогу выставки Владимир Булат. Собственно последнего терзали сомнения относительно необходимости и органичности прививки авангардного искусства к постсоветской среде. Он считал, что «мультинациональный империализм» (термин известного философа Ф. Джемисона) просто экспортирует в страны, находящиеся под его контролем, свои формы культуры, институциональные дискурсы, что приводит к «гегемонии капитала».

В актуальном искусстве постсоветского периода, по его утверждению, традиция как изначальная точка, должна иметь статус конфликта, напряжения, динамики, а сам западный авангард непременно должен быть «посажен» на традицию, взрасти на ней, поскольку она развита многими поколениями, воплотивших в ней свою этническую и культурную самоидентификацию.

По мнению В.Булата, проблема состоит в самом художнике, его внутренней проблематике. В начале миллениума, было совершенно неясно сможет ли советский художник, которого обучали академическим методам работы с мольбертом и кистью, решиться использовать новые формы выражения или же просто выйти в открытое поле и представить перформанс.

Булату казалось, что только эмигранты и люди без корней способны активно работать в современном искусстве, не заботясь о своем зрителе и публике. В отличие от советских мастеров западные художники воплощали свои идеологические проекты без поддержки фонда Сороса, который организовывал центры современного искусства повсюду на обширном постсоветском пространстве. Его мучил единственный во-

прос, которым он и закончил свою статью: как будет выглядеть в скором будущем интеллектуальный гибрид традиционной культуры восточных стран Европы после инвазии «мультинационального империализма»? Представлялось, что дальнейшее развитие актуального искусства на всем постсоветском пространстве является лучшим ответом на этот вопрос.

В личной судьбе Русу проект “Invasion” оказался началом не только самостоятельной кураторской деятельности, но и отправной точкой его путешествия на Восток. После окончания акции он в качестве ответного визита посетил Монголию, где пробыл несколько недель. В 2004г. он решил на более длительное пребывание в культурной среде, в прошлом кочевого народа. Полтора месяца Стефан Русу прожил в Улан-Баторе, где вел свое исследование, интересовался культурным производством, художественными канонами, знаками, символами, пытался разгадать духовную связь номадов с духами. Он посещал Научно-исследовательский институт буддизма, музей алфавита, который создал Занабазар в XV веке.

Русу увлекся дзен-буддизмом, начал осваивать новое понимание мира, несвойственное европейским народам. Возможно, в различиях «своего» и «чужого» он искал некую опору для определения самобытности молдавского этноса. Он нуждался в широком культурологическом взгляде на бурные события начала XX века, ведь базисные идеи современной культуры требовали некой обобщающей идеи, модели и новой по духу их интерпретации.

Кажется, первые странствия Штефана Русу на Востоке позволили ему в полной мере понять широко известное определение выдающегося ученого-китаиста В.М. Алексеева. Он назвал культуру Востока «горизонтальной», а культуру Запада - «вертикальной» в силу того, что, по его мнению, несходство в образе жизни между западными странами не столь разительно, как на Востоке. Возможно, именно поэтому его путешествие на Восток не ограничилось только Внутренней Азией. Путь кочевников привел его в Центральную Азию, сначала к народам, которые в прошлом были номадами, а затем и к автохтонному оседлому этносу - таджикам.

Совместные международные проекты позволили ему развернуть широкую творческую деятельность в регионе в сотрудничестве с известными мастерами современного искусства Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, объездить большую территорию «пыльной Азии сердца». Особенно его притягивало духовное состояние дервишей, свободных в своих действиях вольнодумцев. Все его коллеги, как и он сам, были детьми соросовских центров современного искусства, который в Центральной Азии обосновался в Алматы.

Совершенно неизведанными оставались для Штефана Русу Таджикистан и Туркменистан. Увлечение персидско-таджикской поэзией, книгой Р. Фриша о выдающемся проповеднике и персидско-таджикском

поэте-суфии Джалаладдине Руми (1207-1273) подспудно подготовили его к встрече с таджикской культурой.

Впервые он приехал в Душанбе в ноябре 2012г., а через год он уже провел свою первую презентацию в неправительственной организации «Душанбе Арт Граунд»(создана в 2012 г.), миссия которой заключается в пропаганде и развитии практик современного искусства в Таджикистане. Тогда Русу представил менеджерские и кураторские инициативы Центра KSAK с 2004 по 2012 гг., а также свои идеи и планы, связанные с будущей деятельностью «Душанбе Арт Граунд», с которой намеревался, по его собственному признанию, в будущем сотрудничать.

Публику особенно интересовали его арт-проекты «Invasion» и «Вернуть право на город» (оригинальное название «Reclaimingthecity»). Последний фильм был создан в 2012году по заказу 7-ой Берлинской биеннале. Его сопродюсером выступил Центр современного искусства KSAK (Кишинёв) при поддержке GoetheInstitute (Берлин), фонда ERSTE(Вена) и Romanian Cultura Institute (Бухарест).

Фильм в жанре аналитической документалистики был основан на базе архивных материалов, бесед, интервью, личных зарисовок автора. Он выявил противоречия, возникающие в процессе трансформации урбанистической среды Берлина в конце XX- начале XXI веков. Стратегия и усилия властей по реконструкции, облагораживанию (гентрификации) сложившегося урбанистического ландшафта, обновление строений нефешенебельных кварталов часто вызывает утрату социумом своей культурной памяти и национальной идентичности, а, следовательно, и протесты общественности. Трансформация так называемого публичного пространства, роль арт-сообщества в этих процессах и отношение к рециркуляции профессионалов и управляющих различного ранга, капитала и обычных жителей стали основными при обсуждении.

Собственно эта проблема нашла самый живой отклик у слушателей в Душанбе, «модернизация» урбанистической среды которого ведет к подобным же разрушающим результатам в области культурной памяти и традиций, а в итоге и к утрате «гения места» *genius loci*, ревностно оберегающего неповторимые дух и состояние конкретной территории. Все это требует сохранения традиций, неважно новых или древних, так как без сбережения наследия, рушится самоидентификация этноса.

Эти положения прозвучали на презентации Штефана Русу, но более всего публику волновал вопрос: почему в актуальном искусстве Молдовы и совместных европейских проектах редко читаются конкретные национальные черты народа, наглядно свидетельствующие о его самобытности, например, в костюме или же аксессуарах, атрибутах быта, присущих именно молдаванам, немцам и т.д. Этого почти невозможно было выявить в образцах и примерах, представленных художником.

В Таджикистане, где актуальное искусство родилось только в 2004г., благодаря опять же проектам Сороса, все же главный акцент де-

лался на знаковом наследии, на том, что отличало оседлое население от культуры кочевников. В отличие от других стран Центральной Азии, сохранивших в своей исторической памяти степной гуманизм, что ясно видно в мистериях, связанных с шаманизмом, древними тюрко-монгольскими верованиями, художники Таджикистана больше стремились показать микрокосм оазиса, в котором сплавлены крайности.

Национальный мир представляется таджикским мастерам большей частью как единый космос, в котором слиты человек и исторически сложившаяся его среда, влияющая на социальную психологию этноса. Словом, все западные идеи в традиционном обществе, как правило, всегда «ориентализировались». Поэтому участникам презентации трудно было понять искусство европейских стран, в котором не было ничего глубоко «национального» в визуальном ряде.

По мнению Русу, в европейском контексте проблема этничности не существует как таковая, поскольку она уже сформировалась и обрела форму устоев, не требующих подтверждения и аргументации. Само же общество находится на ином интеллектуальном уровне, нежели постсоветское.

Если всплеск творческой активности, связанный с формированием актуального искусства, в Молдове наблюдался в 1987-1989 годы, а в других государствах Центральной Азии в 90-е годы. XXв., то в Таджикистане в силу реальных обстоятельств, связанных с военным конфликтом после развала СССР и восстановлением республики, он произошел почти на пятнадцать лет позже, чем в Кишиневе. Однако проблемы оставались одни и те же, а опыт, приобретенный в процессе становления нового искусства, во многом тождественным.

Волновало то, что «все мы были устремлены на Запад, все мы, перепрыгивая через границы друг друга, т.е. преодолевая Восток, осваивали западный контекст. Именно там искали мы культурных партнеров, именно там рассчитывали получить ответ на собственные вопросы, именно там рассчитывали обрести перспективу». Однако западная научная мысль особо требовала привязки культурного развития «периферийных стран» к собственным, изначально присущим им ценностям и наследию. В противном случае их искусство воспринималось как подражание западной культуре.

Несомненно Штефан Русу, который с 2014г. живет в Душанбе, владея большим опытом имплементации различных мобильных проектов в Европе, стремится активно реализовать в Таджикистане достаточно сложные и комплексные модели актуального искусства. При его участии как куратора и арт-менеджера весьма успешно были проведены такие масштабные проекты, как «Переосмысление нового человека /Практика гражданской ответственности через социальные и визуальные медиа/», а также «Публичное пространство в действии. Картография, активация, переосмысление статуса общественных мест в Центральноази-

атском контексте» 2014 г. Последняя акция включала в себя мобильную мастерскую, лабораторию по работе с городским пространством, теоретические семинары и презентацию проектов в городской среде. Оба проекта прошли успешно, а их культурные продукты были представлены в Таджикистане и за рубежом.

Первая акция «Переосмысливая нового человека /Практика гражданской ответственности через социальные и визуальные медиа/» была направлена, по утверждению Стефана Русу, на исследование постсоциалистического контекста и условий современного Таджикистана, сформировавшихся в советский период и столкнувшихся с реалиями свободного рынка и капиталистическими принципами после распада СССР. Участникам необходимо было проанализировать и критически осмыслить гражданскую ответственность, практику участия в развитии сообществ и передачи знаний через социальные и визуальные медиа в современном Таджикистане.

Экспертами мастерской кинематографии в этом проекте выступили известные медиахудожники и кинематографисты из США: Джон Дэвис и Марк Босвел. Сама мастерская ставила своей целью вовлечение художников в критическое осмысление постсоветских обществ, в исследование эстетики документального кино и цифровых технологий в процессе определения роли гражданина, его гражданских обязанностей и вовлеченности в развитие сообществ.

Базовым принципом, на котором должны были основываться фильмы участников, стал принцип нового использования и реконтекстуализации архивных источников, включая фильмы пропаганды и другие материалы социалистического периода, фрагменты современных документальных видеоматериалов, домашних и частных архивов, телевидения и Интернета. Практическая секция служила площадкой для определения роли гражданина и гражданской ответственности в обществе и, в частности, в урбанистическом контексте.

Проблема второго проекта, связанная с публичным пространством, частично уже была затронута местными художниками в контексте анализа существования искусства в общественном пространстве и его креативного вторжения в городскую среду (вернисаж «Идеальная среда или Public art» 2011г., куратор Д.Холиков). Ей предшествовал семинар, проведенный Кендалом Генри (СЕСА Artllinks, проект Global Art Lab), после которого последовала акция 2009 г. Она поднимала важные для города проблемы посредством искусства улицы (street art). В уличное пространство внедрялись неординарные артефакты, ставились перформансы, что делало его непривычным и, несомненно, заставляло прохожего осмыслить представившийся его взору объект в контексте существующей урбанистической среды.

В 2011г. душанбинская публика вновь получила возможность встретить социально значимые арт-объекты на улицах Душанбе. В фор-

мате проекта «Сити арт» Габриель Рис из США и Евгений Макшаков из Кыргызстана провели мастер-классы и сами участвовали в них как авторы отдельных композиций. Двадцать добровольцев старались преобразовать улицы и скучные стены столицы в значимые концептуальные манифесты и яркие визуальные плоскости.

Однако то, что предложил Русу своим таджикским коллегам, было совершенно другим. По сути дела были поставлены конкретные проблемы: вопросы гражданской ответственности через социальные и визуальные медиа. Проект был направлен на то, чтобы понять и проанализировать процессы, происходящие за трансформацией городской среды, преобразованием публичного пространства, общественных мест в пост-социалистическом контексте и исследовать их статус в Центральной Азии.

Ряд международных кураторов из Грузии, Китая и Польши делились своим опытом в области исследования и активации общественного пространства посредством новых подходов и стратегии. Для того, чтобы понять динамику трансформаций общественных мест в регионе, в Душанбе была организована мобильная мастерская по исследованию урбанистической среды, которая позволяла исследовать процессы, происходящие за трансформацией, картографированием, планированием, использованием и коммерциализацией общественного пространства в настоящее время.

Посредством исследовательской платформы были изучены и выявлены структурные детерминанты общественного пространства и то, как они соотносятся с доминирующей деятельностью государственных, общественных учреждений, интересами бизнеса и коммерции, частных лиц в современном капиталистическом обществе «азиатского» типа.

Привлеченная в качестве базы проекта теоретическая секция была шире привычной и включала в себя интерактивные семинары, лекции, выезд участников на места.

Два последних проекта Штефана Русу в Таджикистане значительно отличаются от тех, что имели место в предшествующем периоде истории таджикского актуального искусства. Проведенные акции стали масштабнее, более социально значимыми и своевременными. Они опирались на более мощную, чем прежде, теоретическую и практическую базы, имели кинематографические мастерские и мобильные площадки. Словом, в контекст современного искусства Таджикистана были внедрены новые идеи, методы и средства воплощения замысла с опорой на местное наследие. И здесь опять проявилась одна из характерных особенностей стиля Штефана Русу - вживание нового видения в традиционный контекст.

Советский период в развитии таджикского искусства был достаточно плодотворен и богат на различные имена и достижения. Однако вину местным мастерам всегда вменялось полное отсутствие социально-

го характера, некоего критического аспекта в представлении замысла. Власть всегда заботила асоциальность произведений таджикских коллег. Такой характер творчества во многом был унаследован и актуальным искусством Таджикистана, где художники редко обращаются к критике. Нельзя сказать, что в этом проявляется некий тревожный момент нигилизма социальных вопросов или же все проблемы рассматриваются как пассивный фон. Но в целом в новом визуальном искусстве страны преобладает яркое мифологическое иносказание. В этом смысле гражданские по характеру акции Русу призваны как бы сформировать новое видение и позиции в таджикском актуальном искусстве, которое может послужить для них благодатной почвой.

В тоже время нельзя отрицать, что до сих пор современное искусство Таджикистана находится в определенной изоляции: о нем мало знают, оно лишь в незначительной степени имплементировано в мировой культурный поток. Да и отряд представителей нового искусства достаточно малочисленен, отсутствует и динамизм в выставочной деятельности, художественной жизни, интенсивность в процессе культурного обмена. И Русу увлечен идеей сделать его достоянием широкого круга своих зарубежных коллег, участие которых в местных проектах имеет и чисто образовательную функцию. В этом также прослеживаются особые черты путешествия художника на Восток.

С 1989 г. основной областью интересов Русу были процессы трансформации в постсоветских странах. С первого своего проекта «Инвазия» художник пытается обнаружить некую многослойность явления, когда все его пласты внедряются в общую канву сплошных разрывов, неисчислимых наслоений, каких-то эффектов стирания, но непременно с опорой на традицию, которая может и не быть выражена в конкретном национальном образе. Эти же процессы инвазии, но, вероятно, более глубинного характера из-за традиционности всего социума он увидел и в Таджикистане. Здесь культурное нашествие новых идеалов, кодов, ценностей создает фронтальную конфронтацию аутентичного и привнесенного, средневековых реликвий и постмодернистских конструкций.

Штефан Русу продолжает сосредотачивать свои стратегии на интервенции в неизведанные места Востока. Вот и сейчас он думает о таджикском Памире как о замечательной площадке для нового проекта. Имея дело с исследованием социально-культурных аспектов Востока и Запада он готов к установлению долгосрочного сотрудничества между художественными инициативами двух регионов. Возможно, он будет согласен с утверждением Ж.Бодрийера, который утверждал, что путешествие было и остается выходом из обычной рутины, своего рода вызовом повседневности, которая в любую эпоху предъявляет человеку права на устройство его миропорядка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Invasion.-OrheiulVechi/Moldova, 2002,p.47.

¹Invasion.....,p. 46-47.

¹Интервью со Стефаном Русу состоялось у автора статьи в ноябре 2014г.

¹Bulat V. Different kinds of invasion// Invasion...p.7-9.

¹См.подробно <<http://www.berlinbiennale.de/blog/en/events/reclaiming-the-city-a-film-by-stefan-rusu>>.

¹Додхудоева Л. Первая выставка актуального искусства Таджикистана «Параллель»//Выставка современного искусства «Параллель».- Душанбе, 2006.,с.18.

¹ Художественный журнал. Moscowartmagazine.-№22,1998.

<<http://xz.gif.ru/numbers/22/intro/>>.

¹Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. –Москва, 2009, с.68.

TO THE QUESTION OF TAJIK-MOLDOVIAN CULTURAL CONTACTS

L. Dodkhudoeva,

Doctor of Arts, Doctor of History, Head of Ethnographic department
A Donish Institute of History, archaeology, ethnography, Academy of
Sciences of the Republic of Tajikistan

33 Rudaki av., 734025 Dushanbe, Republic Tajikistan

E-mail : lorasdodo@rambler.ru, phone(+992) 221 37 42

The article presents a creative way of the famous master of modern art of Moldova and Romania Stefan Rusu, whose fate is closely intertwined with the culture of the East. Early in his career, he was trying to interpret historical events connected with the Mongol invasion of Europe by the new means of visual culture. Since 2012, he lives and works in Tajikistan, where much actualized its experience in the field of contemporary art in the new cultural environment. *Key words:* art, sculpture, visuality, invasion, Moldova, Romania, Mongolia, Tajikistan, experiment, project, involvemen

ИЗ ИСТОРИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ф. АБДУРАШИТОВ,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан.

Эл.почта: fozil-62@mail.ru, тел: 935 70 02 05

В статье рассматриваются вопросы миграции населения Европы и Азии во время второй мировой войны. Особое внимание уделяется процессам переселения немцев из стран Восточной Европы в Германию до начала войны, их депортации из зон боевых действий и репатриации военнопленных после завершения второй мировой войны. В статье освещены проблемы депортации, переселения и эвакуации народов внутри СССР.

Ключевые слова: *переселение, миграция, депортация, вторая мировая война, военнопленные, репатриация.*

В этом году прогрессивное человечество широко отметило 70-летие победы над гитлеровским фашизмом во второй мировой войне, которая унесла жизнь миллионов ни в чем не повинных людей. Во второй мировой войне участвовало 61 страна с населением свыше 1 миллиарда 891 миллиона человек. Было мобилизовано 127 953 371 солдат. Потери в боях составили с учетом всех причин 25 542 786, мирных жителей – 46 733 062. А число раненых в этой войне было -37 477 418 человек. За весь период второй мировой войны было пленено 46 733 062 человека.[1] Такой глубокий след в истории человечества и неизлечимые раны в памяти народов оставила эта война.

Вторая мировая война, стала причиной новых и массовых миграционных процессов для стран Европы, Азии. Произошли значительные сдвиги населения, связанные с бегством и эвакуацией мирного населения из районов военных действий, принудительной вербовкой рабочих в Германию и т. д.

В истории и цивилизации народов мира важное значение имела появившаяся в период второй мировой войны и продолжавшаяся в послевоенные годы миграция значительных групп населения из одной страны в другую. В этой связи необходимо обратить внимание, прежде всего, на движение немецкого населения. Перед началом войны в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, вне современных границ Германии, главным образом на территории Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Югославии, находилось свыше 12 млн. немцев [2]. Часть этого населения после разгрома Германии ушла с отступающими немецкими войсками, а основная масса была переселена в Германию и отчасти

в Австрию в соответствии с решениями Потсдамской конференции 1945 г. о послевоенном устройстве стран Восточной Европы.

Переселение немцев в Германию из других стран было завершено в основном в 1947 г., однако некоторые группы мигрантов продолжали прибывать туда из Польши и в последующие годы. Преобладающая масса немецких переселенцев сразу же направилась в западные зоны Германии, где впоследствии была образована ФРГ, и куда стали переселяться значительные группы немцев, осевших ранее в восточной зоне Германии, а также часть ее местных уроженцев.

Тех, кто не вернулся в Германию вместе с отступающими немецкими войсками, в годы после второй мировой войны переселили в Германию по решениям Потсдамской конференции 1945 г. Многие страны Восточной Европы также провели обмен национальными меньшинствами – опять же в силу изменения по итогам войны границ государств.

Вторая мировая война привела к новому усилению также межконтинентальных миграций. В частности, в ходе репатриации японцев из Китая, Кореи, а также других районов Азии в Японию было переселено около 6,3 млн. человек.

Среди мигрантов значительное число составляли военнопленные. В разгар второй мировой войны большая часть военнопленных была вывезена на принудительные работы в ряд стран, главным образом, в западные зоны Германии и в Австрию. А во Франции, Италии и других странах оставались многочисленные группы так называемых беженцев и перемещенных лиц. Всего численность военнопленных в странах Европы составляло свыше 1,5 млн. человек. Это были уроженцы Восточной Европы и СССР - поляки, украинцы, евреи, югославы, латыши и др., попавшие под влияние реакционной пропаганды, а нередко и насильственно удерживаемые западными властями от репатриации на родину. Основной контингент военных мигрантов в послевоенные годы был переселен в другие части света, преимущественно в США, Австралию, Палестину - Израиль, Канаду и другие страны. В страны Западной Европы - Великобританию, Францию, Бельгию и другие эмигрировало около 200 тыс. человек.

В период второй мировой войны миграционные процессы были разнородными. Так, во многих странах Восточной Европы произошли переселенческие процессы в виде обмена национальными меньшинствами. Подобная тенденция обмена населением была связана, в основном, с установлением между государствами новых границ. Этому свидетельствуют исторические факты обмена населением между Болгарией и Румынией, Польшей и СССР, Чехословакией и СССР, Югославией и Италией. Кроме того, со стремлением государств достичь большей однородности своего национального состава были произведены обмены населением между Венгрией и Чехословакией, Венгрией и Югославией.

Массовый характер носила депортация славянских народов с территории СССР в Германию во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Первый крупный миграционный поток немцев охватил территории, включённые в состав СССР в 1939—1940 гг. Ещё до советизации Прибалтики правительства Эстонии и Латвии заключили соглашения с Германией, предоставлявшие балтийским немцам право на отъезд в Германию. После установления Советской власти в этих государствах действие данного соглашения было подтверждено и распространено также на Литву. После заключения Пакта Молотова - Риббентропа география соглашения расширилась и охватила другие территории, вошедшие в состав СССР.

Население Эстонии за период 1940 – 1941 гг. потеряло 104 тыс. человек. Эта цифра включает в себя репатриацию немцев, первую депортацию 1941 г. и тех, кто был эвакуирован в начале второй мировой войны в другие регионы СССР. Эмиграция на запад была наиболее многочисленной в 1944 г. и оценивается в 70 тыс. человек. К 1945 г. население Эстонии сократилось на 207 100 человек, что составляло 18,5% от его общей численности. По некоторым оценкам около 32 тыс. из них в последующем вернулись в Эстонию. Вторая волна депортации (1949 г.) затронула около 53-57 тыс. человек [3]. Негативное влияние на демографическое развитие Прибалтики оказали и действия военного характера. Кроме потерь военнослужащих, человеческие жертвы несло и гражданское население.

Часть мигрантов из Прибалтики, которая оказалась в Германии, после её разгрома смогла вернуться на родину. По-иному сложилась судьба тех жителей Прибалтики, которые после войны оказались в лагерях «для перемещенных лиц» в западной Германии. В 1946 г. состав латышских эмигрантов в Германии был следующим - это чиновники, офицеры, полицейские. Среди них представители интеллигенции составляли 82%, крестьяне - 12%, рабочие - 3%. Аналогичным оказался социальный состав эстонской и литовской эмиграции: бывшие предприниматели - 20,3%, чиновники и представители интеллигенции - 22,1%, домохозяйки - 33,3%, рабочие, мелкие служащие и крестьяне - 24,3% [4].

За годы немецко-фашистской оккупации на территории Литовской ССР было уничтожено около 700 тыс. гражданских лиц и военнопленных, кроме того, отсюда были вывезены в Германию более 36 тыс. советских граждан. На территории Латвийской ССР были уничтожены свыше 600 тыс. гражданских лиц и военнопленных и вывезены в Германию свыше 280 тыс. человек. На территории Эстонии жертвами нацистского террора стали свыше 125 тыс. мирных граждан и военнопленных [5] (69, с.40).

Еще до начала Великой Отечественной войны в Германию мигрировало 406 тыс. немцев, в том числе 131,2 тыс. — из стран Балтии; из бывших польских земель — 134,2 тыс.; из Бессарабии и Северной Буковины — 137,2 тыс.[6] Таким образом, общее число переселившихся даже превысило расчётную оценку предвоенной численности немцев на присоединённых к СССР территориях. По всей видимости, это превышение достигнуто за счёт членов смешанных семей, а также германизированных представителей автохтонного населения присоединённых территорий. Таким образом, события 1939—1940 гг. привели к практически полному исчезновению весьма многочисленной немецкой диаспоры из западных районов СССР.

В годы второй мировой войны пострадали от депортаций миллионы собственно советских граждан. В истории миграции народов России и СССР никогда еще такое количество населения не оказывалось одновременно за границей как в годы войны. Между тем, все это происходило в большинстве случаев не только вопреки воле государства, но и вопреки собственной воле депортируемых лиц.

Приблизительно 5,45 млн. гражданских лиц так или иначе были перемещены с территорий, принадлежавших до войны СССР, на территории, принадлежавшие или контролировавшиеся до войны Третьим рейхом или его союзниками. С учетом 3,25 млн. военнопленных, общее число депортированных советских граждан вовне СССР составляло около 8,7 млн. чел.[7]

В Германии немецкие репатрианты были расселены, в основном, на западно-польских землях, захваченных гитлеровскими фашистами и оккупации Польши в сентябре 1939 г. Одновременно с этих территорий производилось широкомасштабное выселение польского и еврейского населения.

Что касается миграционных процессов внутри СССР, то еще 29 декабря 1939 г. СНК утвердил «Положение о спецпоселении и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР». Для их трудоустройства предполагалось создать подведомственные Наркомлесу спецпоселения в районах лесных разработок — преимущественно на севере европейской части, на Урале и в Сибири. Спецпоселенцы были размещены также, в частности, в Коми АССР, в Кировской, Пермской, Вологодской, Архангельской, Ивановской, Ярославской, Свердловской и Омской областях, в Алтайском и Красноярском краях. Членов их семей, членов семей военнопленных, проституток, а также беженцев, оказавшихся на территории восточной Польши после 1 сентября 1939 г. и изъявивших желание выехать на территорию, оккупированную немцами, но принять которых Германия отказалась, также надлежало выселить вглубь СССР. 10 апреля 1940 г. с целью правового урегулирования вопросов спецпереселения было принято Постановление СНК и выпущена инструкция о порядке проведения выселения

семей репрессированных и военнопленных, согласно этим документам спецпереселенцы направлялись на 10 лет в Казахскую ССР и Узбекскую ССР.

Важнейшим основанием осуществления в 1939-1944 гг. принудительных миграций был этнический признак, который в целом соответствовал как карательной, так и национальной политике советского государства. В частности, одной из официально декларированных причин депортаций после начала Великой Отечественной войны являлась возможность предательства или же «наказание» народа в целом за действия, совершённые его отдельными представителями.

На территории внутри СССР в 1943-1944 гг. были проведены массовые депортации калмыков ингушей, чеченцев, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, ногайцев, турок-месхетинцев, понтийских греков, болгар, крымских цыган, курдов, в основном, по обвинению в коллаборационизме, распространённом на всех представителей этих народов. Были ликвидированы (если они существовали) автономии этих народов. Всего в годы Великой Отечественной войны подверглись переселению народы и группы населения 61 национальности [8], и общее число депортированных из западных областей СССР достигало около 380–390 тысяч человек [9]. Регионами вселения стали север Европейской части СССР, Урал, Западная и Восточная Сибирь, Казахстан, Таджикистан и Узбекистан.

Во время второй мировой войны из районов СССР, находившихся вблизи линии фронта, было вывезено в Финляндию большое количество представителей родственных финнам народностей. Самую большую группу составили ингерманландцы, проживавшие на территориях, оккупированных германскими войсками. Численность ингерманландцев, переселённых в 1943–1944 гг. в Финляндию по решению финляндских и германских властей, составила более 63 000 человек [10]. В основном это были женщины и дети.

Наряду с ингерманландцами, в Финляндию были вывезены приблизительно 3 тысячи человек с оккупированных территорий Восточной Карелии. Помимо этого, во время второй мировой войны в страну прибыли около 7 тысяч эстонцев, большая часть которых продолжила путь в Швецию. Общее число прибывших в 1941–1944 гг. в Финляндию составило более 70 000 человек. Переселенцы были размещены в основном в западной и южной Финляндии.

Большинство граждан СССР, находившихся в Финляндии, добровольно вернулись на родину. Самую большую группу возвращенцев – около 55 000 человек - составили ингерманландцы, 4 тысячи из которых пожелали остаться в Финляндии [11] и столько же ушли в Швецию. Оставшимся ингерманландам в Финляндии присваивалось финское гражданство.

Таким образом, депортации 1939-1945 гг. можно разделить на две группы: превентивные депортации 1939-1941 гг. и депортации «возмездия» - с конца 1943 г. Те и другие проводились исходя из стратегических задач каждого государства. Их причины представляются многофакторным явлением, включающим в себя, помимо политических, также и решение экономических проблем в предвоенное и военное время.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арнтц Г. Людские потери во второй мировой войне. В кн. Итоги мировой войны. М. Издательство иностранной литературы.1957, стр. 593-604.

2. <http://lib7.com/evropa/683-migracija-euroa>. Миграция населения Зарубежной Европы в XIX—XX веках.

3. Emits E., Pogenikud sojaaegsel Saksamaal 1966. P.57.

4. Штейнберг В.А., Вейш Я.Я., Гайднс А.А., Найденков В.А., Раевская Ф.С., Прикулис Ю.И., Пуделс Б.Я. Прибалтийская реакционная эмиграция сегодня, Рига. 1979.

5. Рыбаковский Л.Л. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве. <http://rybakovsky.ru>

6. Полян П.М. История и география принудительных миграций в СССР. -М., 2001.-С. 47.

7. Полян П.М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и гастербайтеров на чужбине и на родине / Предисл. Д. Гранина. М.: РОССПЭН, 2002. (Изд. 2-е, перераб. и доп.), с.135-136.

8. Николай Бугай. Депортация народов (рус.), Научно-просветительский журнал «Скепсис».

9. Павел Полян в монографии «Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР». РИА Новости <http://ria.ru/society/>

10. Flink, Toivo (2010), Kotiin karkotettavaksi. Inkeriläisen siirtoväen palautukset Suomesta Neuvostoliitton vuosina 1944-1955, Historiallisia Tutkimuksia 251 / Arkistolaitoksen toimituksia 10. Helsinki: Suomalaisen

11. Roiko-Jokela, Heikki (1999), Oikeutta moraalin kustannuksella? Neuvostoliiton kansalaisten luovutukset Suomessa 1944-1955. *Studia Historica Jyväskyläensis* 58. Jyväskylä: Jyväskylän yliopist.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коллектив авторов. Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооружённых Сил / Г. Ф. Кривошеев. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. — 608 с.

2. Гурвич И.С. К вопросу о влиянии Отечественной Войны 1941-1945 гг. на ход этнических процессов в СССР // Советская этнография. 1976 .№1

3. Зайончковская Ж.А., Межреспубликанская миграция населения в СССР. //Проблемы прогнозирования . 1991,3.

4. Иммиграционная политика западных стран. М. 2002.

5. Казьмина О.Е. Динамика этнического состава населения Литвы, Латвии и Эстонии в XX в.: (этнодемографическое исследование), автореф. канд. дисс. М. 1991

6. Народонаселение. Энциклопедический словарь. Большая Российская энциклопедия, 1994

7. Поляков Л.Е. Цена войны. Демографический аспект. М., 1985

8. Рыбаковский Л.Л Миграция населения: вопросы теории. М.,2003

9. Рыбаковский Л.Л Региональный анализ миграций. М.,1973

10. Рыбаковский Л.Л., Тарасова Н.В. Миграционные процессы в СССР: Новые явления//Социологические исследования.1990. №7.

FROM THE HISTORY OF MIGRATION PROCESSES During World War II

The article discusses the migration of populations in Europe and Asia during the Second World War. Particular attention is paid to the process of resettlement of Germans from Eastern Europe to Germany before the war, their deportation from combat zones and repatriation of prisoners of war after the Second World War. The article also highlights the problem of deportation, displacement and evacuation of the peoples within the USSR.

Keywords: relocation, migration, deportation, the Second World War, prisoners of war, repatriation

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ В АРХИТЕКТУРЕ ИНЖЕНЕРНЫХ СООРУЖЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРНОГО БАДАХШАНА

Р.МУКИМОВ,

доктор архитектуры, профессор, главный научный сотрудник отдела истории искусств Института истории, археологии и этнографии им.

А.Дониша Академии наук Республики Таджикистан

В статье приводятся сведения о древних традициях строительства дорог, перевалов и горных троп в Горном Бадахшане, делается сравнительный анализ с подобными транспортными коммуникациями и инженерными сооружениями в странах Центральной Азии, и приводятся примеры использования этих традиций в современных условиях ГБАО и других сопредельных стран.

Ключевые слова: горные тропы, дороги, перевалы, овринги, архитектурные традиции, строительные материалы и конструкции, инженерные сооружения, мосты, акведуки.

Пути сообщения по характеру и типу входят в инженерные типы сооружений. Сюда можно отнести пешеходные дороги и тропы, горные перевалы, мосты, акведуки, плотины, водоотделители и др. Поскольку Горный Бадахшан в XVIII-XIX вв. входил в Бухарское ханство, представим некоторые сведения о нем, ориентируясь на доступные письменные источники (1).

Колесных дорог в Бухарском ханстве было немного, и те группировались, главным образом, в его северной и северо-западной частях. Колесное сообщение производилось на арбах - двухколесных телегах на высоких колёсах и с широким ходом, прекрасно приспособленных к путям сообщения того времени. Сообщение и перевозка грузов по караванным путям происходили с помощью верблюдов, по горным дорогам, грузы перевозились на ослах и выючных лошадях.

В качестве примера путей сообщения можно привести инженерные сооружения в верховьях Зеравшана. Дороги и горные перевалы здесь издавна являлись единственной связью горных селений с окружающим миром – городами, торговыми и политическими центрами. На крутых склонах в Верхнем Зеравшане дороги прокладывали путем подрезания части горы и сооружения подпорных стенок из камня. Так строились дороги во всех горных районах Средней Азии, Закавказья и Востока, в том числе в Горном Бадахшане (2). В наиболее обрывистых местах устраивали овринги или рафаквори, представляющие собой консольные выносы бревен, закрепленных в скале, с настилом из хвороста и земли (3).

Одним из широко распространенных инженерных сооружений были мосты, почти не сохранившиеся в настоящее время. Они возводились в горных районах Таджикистана и Узбекистана (4), из дерева путем

постепенного напуска бревен в один пролет без промежуточных опор.

При необходимости переброски воды через горные речки сооружались *акведуки*, которые в Таджикистане выполнялись в виде деревянных желобов на каменных или деревянных стойках (5). Устройство деревянных, иногда и каменных, акведуков было характерно и для горных районов Узбекистана (6), а в Армении и Дагестане в большинстве случаев при сооружении акведуков использовались арочные конструкции (7).

Так как в горной части Зерафшана, где ввиду того, что вода текущей в глубоком каньоне реки, была недоступна для использования, с глубокой древности практиковались *ирригационные каналы*, свидетельствующие о высокой строительной технике местных таджиков. Как сообщает М.А.Хамиджанова, в Старой Матче имеется несколько каналов весьма древнего происхождения – Муговод в Палдораке, канал Охуна в Кабутбунде, канал Баходура, которые приписывались определенным лицам (8). Строительство каналов-водоводов всегда было сопряжено с трудностями, особенно в тех случаях, когда головные сооружения находились высоко в горах и в глубине ущелий. Такие каналы можно узнать по ровной темной полосе зелени на сером фоне склона горы.

Гиссарский хребет разделял пути сообщения Бухарского ханства на две части. К северу и северо-западу от него сообщение и транспортировка грузов происходили на арбах и отчасти на вьюках, к югу - исключительно вьючным способом, что, с одной стороны, объяснялось низкой культурой населения этой местности, а с другой - плохими дорогами, представляющими по большей части труднопроходимые горные тропы. Почти все главнейшие пути в ханстве начинались от города Бухары и служили для сообщения как с различными центрами в ханстве, так и с соседями. Важнейшие из них:

1) Из Бухары в Карши, Гузар, Денау, Гиссар до Бальджуана - 612 верст,

2) через Карши и Ходжа-Салех в Балх - 390 вёрст,

3) через Керки и Андхой в Меймене - 530 вёрст,

4) из Карши через Джам в Самарканд - 143 версты.

Кратчайшая дорога из Русского Туркестана к Аму-Дарье вела через Джам в Келиф - 346 вёрст, причём сообщение производилось на арбах (местами с трудом); у Келифа была переправа через Аму-Дарью, имеющую здесь небольшую ширину (167 сажень), но большую глубину и весьма значительную скорость течения. Из других переправ примечательны - у Чушка-Гузара и Шир-Оба, ведущие в Балх, Мазари Шериф и Кабул. Кроме того сообщение по Аму-Дарье производилось на пароходах Аму-Дарьинской флотилии и лодках (каиках). Аму-Дарьинская флотилия состояла из двух пароходов, в 530 индикаторных сил каждый, и двух железных барж, поднимающих до 10 тыс. пудов груза. Сообщение между Петро-Александровском, Чарджуем и Керки, поддерживаемое этими пароходами было неудовлетворительным; слишком большая

осадка пароходов (2½ фута), переменчивый фарватер Аму-Дарьи, быстрое её течение и т.п. обусловили медленность сообщения, а иногда даже его полную невозможность. Каюки - туземные лодки, поднимающие от 300 до 1000 пудов груза, двигались вниз по реке на веслах и наплывом, а вверх - бечевой, причём проходя около 20 вёрст в сутки. Самаркандский участок Закаспийской железной дороги, имеющий протяжение в 345 вёрст, почти целиком находился в пределах Бухарского ханства, что весьма благотворно влияло на развитие его торговых сношений с Россией и Персией.

В настоящее время такие пути сообщения и инженерные сооружения служат образцом для преимущества традиций с учетом современных реалий жизни и уровня науки и техники. Однако использование прежних традиций происходит не в Таджикистане, а в соседнем Китае или в развитых европейских странах, где труднопроходимые тропы используются для привлечения туристов, любящих экстремальные виды путешествий.

Так, недалеко от города Сиань в китайской провинции Шэньси находится священная гора Хуашань (в переводе - Цветочная гора, имеющая форму лепестка). Здесь проложено немало интересных туристических маршрутов – на них есть и подъемы на канатной дороге, и пешие восхождения. Любопытные путешественники при желании могут добраться до каждого из пяти пиков Хуашаня – Южного, Северного, Западного, Восточного и Центрального.

Именно в таком плане следует использовать древние традиции использования горных троп – оврингов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. - Том I. СПб., 1911; Лукницкий П. Путешествия по Памиру. – М.: Молодая гвардия, 1955; Памир //Под ред. М.С.Асимова. – И.: Изд. «Планета», 1987; Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир в период Присоединения Средней Азии к России. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960. – 214 с.; Памир - "Крыша Мира". - Сборник произведений и фотографий о Памире. /Составитель: Мина Мингалеева; и др.
2. Хан-Магомедов С.О. Лезгинское народное зодчество. – М., 1969; Назилов Д.А. Инженерные сооружения в горных районах. Узбекистан//САУ. -№3. – Ташкент.С.29; The important north south trade route in Arun Gorge near Sempung Mount Everest. – London, 1963; Derula Murhu. The waiting land. Aspellin Nepal, 1967.
3. Кисляков Н.А. Географический очерк // Таджики Каратегина и Дарваза. – Вып. 1. – Душанбе, 1966.
4. Воронина В.Л. Жилище Ванча и Язгулема // Архитектура республик Средней Азии. – М., 1951; Назилов Д.А. Инженерные сооружения в горных районах Узбекистана // САУ. - № 3. – Ташкент. -С.28.

5. Рахимов М.Р. Сельское хозяйство // Таджики Каратегина и Дарваза. – Вып. 1. – Душанбе, 1966.
6. Назилов Д.А. Инженерные сооружения в горных районах. -С. 28.
7. Халпахчян О.Х. Инженерные сооружения Армении // АН. – Вып. 17. – М., 1964; Хан-Магомедов С.О. Архитектура Цахуров // АН. – Вып. 13. – М., 1961; и др.
8. Хамиджанова М. А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли. – Душанбе: Изд. «Дониш», 1974, с.

**TRADITIONS AND PRESENT IN ARCHITECTURE
ENGINEERING STRUCTURES ON THE TERRITORY
GORNO-BADAKHSHAN**

R.MUKIMOV,

Doctor of Architecture, Professor, Chief Researcher at the Department of Art History Institute of History, Archeology and Ethnography. A.Donisha Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan

The article gives the information on the ancient traditions of the construction of roads, mountain passes and mountain paths in Gorno-Badakhshan, gives the comparative analysis with similar transport communications and engineering constructions in the countries of the Central Asia, and provides examples of the use of these traditions in modern conditions of GBAR and other neighboring countries.

СВЕДЕНИЯ МАХМУДА ИБН ВАЛИ ОБ ОТНОШЕНИЯХ БУХАРСКОГО ХАНСТВА С ИНДИЕЙ И ИРАНОМ

А. САИДОВ,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН Республики Таджикистан
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. академиков Раджабовых, 7; Тел.: (+992) 919134184; Saidov.45@mail.ru

ФАРРОХЯР ХОССЕЙН НАСРОЛЛАХ,

соискатель отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии Академии наук Республики Таджикистан
734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33

В статье рассматриваются отношения Бухарского ханства с Индией и Ираном, основанные на материалах автора XVII века Махмуда ибн Вали. Несмотря на сложную политическую ситуацию и напряженность в отношениях между Бухарским ханством с Индией и Ираном, стороны обменялись дипломатическими миссиями и проводили мирные переговоры.

Ключевые слова: *Бухара, Балх, Индия, Иран, Надирмухаммад-хан, Шах-Джахан, Мансур-хаджа, дадха, посольство, Аштарханиды, Сефевиды, поход, войско.*

В труде балхского автора XVII в. Махмуда ибн Вали «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» («Море тайн относительно доблестей благородных») содержится много ценных материалов о взаимоотношениях Бухарского ханства с Ираном и Индией. Период первой половины XVII в. характеризовался борьбой Балха с Ираном и Индией, которые стремились завладеть этим важным регионом. Махмуд ибн Вали приводит важные сведения о политических и торгово-дипломатических отношениях Балха с этими странами. Особенно много материалов касающихся связей Балха с Тимуридами Индии.

Согласно сведениям Махмуда ибн Вали, в 1637 г. Надир-Мухаммад направил из Балха в Агру своего посла Мавлана Абд ал-Гаффара, в обязанности которого входила разведка намерений индийского правителя в отношении Центрального и Северного Хорасана. Посланец находился в Агре год, и вернувшись сообщил Надирмухаммад-хану, что Шах-Джахан стягивает крупные силы к Кабулу под предлогом наказания кызылбашей. Надирмухаммад-хан для окончательного оформления договора с Индией отправил туда посольство во главе с Мансур-ходжи. Посольство было снабжено богатыми подарками, сумма которых измерялась в 700 тыс. хани [1. Л. 260б-261б]. Мансур-ходжа, не

доехав до Агры, встретился с Шах-Джаханом под Кабулом, куда последний перенес свою ставку. Перенос ставки и подход большой индийской армии к границам Балха вызвали тревогу у Аштарханидов. Надирмухаммад-хан, опасаясь этих событий, отправил к Шах-Джахану своего нового представителя - посла эмира Абд ар-Рахмана. Однако он был задержан под Кабулом сыном Шах-Джахана Шуджаъмизрой и не был допущен к Шах-Джахану.

Отношения между Аштарханидами и Тимуридами Индии предотвратили поражение последних в Хазараджате и подход большого аштарханидского войска к перевалам Гиндукуша. Шах-Джахан был вынужден заключить мир с Аштарханидами и продолжить переговоры о разделе сфер влияния. В Балх к Надир-Мухаммаду было отправлено с богатыми дарами посольство под началом Хатам Бу-л-Хайра и Музаффар-Хусайна. Несмотря на это, индийская армия продолжала оставаться на своих позициях до лета 1639 г. [1. Л. 260б-261б; 2. 191].

Об отправке посольства Мансур-ходжи к Шах Джахану Мухаммад Юсуф Мунши сообщил так: «После того послали к Шах-Джахану в качестве посла Мансур-хаджи дадху. Смысл этого посольства заключался в следующем: «Издrevле между нашими и вашими отцами и дедами установились добрососедские и мирные отношения, и ни с той, ни с другой стороны (до сих пор) не было проявлено никакого вреда и беспокойства. Если же вы, считая прежние обязательства как бы несуществующими, замените добрые отношения на враждебные, то мы, два брата, выступим (вам) навстречу и посмотрим, чье желание исполнит Удовлетворяющий желания. Послу же сказали: «Если Шах-Джахан вернется (из Кабула) обратно, то ты, сопроводив его на три остановки, возвращайся назад, в противном же случае немедленно посылай (к нам) нарочного».... Посол (прибыл в Кабул и) был принят шахом, которому вручил письма и сообщил о цели своего посольства. Шах-Джахан, раскаявшись в своем намерении, объяснил (свое выступление из Индостана) предлогом посетить Кабул. Он сказал: «Мы пришли посмотреть свои владения, и если это обстоятельство нарушило спокойствие братьев, то мы ведь отправимся (обратно) в свою столицу». И приказал, чтобы в тот же день все его силы со всем снаряжением выступили обратно в Индостан» [3. С. 91-92].

По сведениям Махмуда ибн Вали, эти события вызвали тревогу Надирмухаммад-хана, и он обратился за помощью к своему брату Имам-Кули-хану, который находился в Карши. Тот с тридцатитысячным войском направился к Келифу, а Бекоглы аталык с ополченцами из Самарканда, Хуъзара и Хисара переправился через Амударью у Термеза. В субботу 18 раби'аввал 1049/20 июля 1639 г. обе части вступили в пределы Балхской области. На следующий день был дан приказ о сборе войска из округов самого Балха. В короткий срок было собрано многочисленное войско, однако продолжить поход ханам не пришлось. Перед самым вы-

ступлением из Дерезе вернулся из Кабула Мансур-ходжа и сообщил ханам, что индийские части, направленные в Хазареджат, разгромлены; армию Шах-Джахана охватило смятение; три тысячи воинов лишились своих лошадей, мулов и слонов, двенадцать тысяч побросали оружие вещи и рассеялись. Прибывший вместе с Мансур-ходжой индийский посол Шади-хан подтвердил это сообщение и передал обещание Шах-Джахана увести войска за пределы Балха [1. Л. 266а-267а].

Ханы согласились на мир и в середине сентября 1639 г. отозвали свои войска из Кахмерда. Только тогда индийские послы Хатам Булхайр и Музаффар Хусайн получили разрешение вернуться на родину. Что же касается Шади-хана, то он был задержан и отпущен лишь спустя восемь месяцев - 10 зу-л-хиджра 1049/5 апреля 1640 г. [1. Л. 269а; 2. 191-192].

Сведения Махмуда ибн Вали свидетельствуют, что между Аштарханидами и Бабуридами мирные отношения постепенно превратились во враждебные. Часто бывали случаи, когда Надир-Мухаммад и Шах-Джахан укрывали в своем дворе беглецов. Так, в месяце рабиъаввал 1048/июль-август 1638 г. ханские есаулы организовав побег Баки-султана из Балха, доставили его в крепость Барбар и послали гонца в Агру с извещением о том, что султан ждет здесь помощи [1. Л. 236б-237а]. Осенью 1640 г. в Бадахшане был задержан лазутчик Бабуридов Мурад-Бахша, который, переодевшись в купца, подкупал влиятельных лиц [1. Л. 273а-273б].

Точно так же действовали Бабуриды по отношению к бухарцам и балхцам. Махмуд ибн Вали сообщает, что после смерти Джахангира в государстве Тимуридов Индии вспыхнули междоусобицы, и султан Байсункур, внук Бабурида Акбара, направился в Балх, а затем в Бадахшан, где занимался сбором своих единомышленников. Надир-Мухаммад был осведомлен об этом, но не принял никаких мер, сделав вид, что ничего не заметил. Он рассчитывал, что при благополучном исходе его предприятия он будет иметь в соседнем Кабуле своего человека. Прибыв в Кабул, Байсункур развернул энергичную деятельность против Шах-Джахана. Об этих действиях стало известно Шах-Джахану, и Байсункур был вынужден покинуть Кабул [1. Л. 275б-276а].

В труде Махмуда ибн Вали «Бахр ал-асрар» также имеются ценные сообщения о взаимоотношениях Аштарханидов с Сефевидами.

После прихода к власти Вали-Мухаммад-хана Сефевиды хотели вернуть в свое подчинение область Балх, и с этой целью они провели интенсивную подготовку. Шах Аббас собрал сорокатысячную армию, в которой были десять тысяч ополченцев из Хорасана и Ирака, 300 повозок с пушками и, выступив в начале 1001 / 1592 года из Мешхеда, двинулся на Хорасан. Тем временем кызылбашские конники совершили набег на окрестности Чечекту и Меймене, разграбив улусы аймаков, а гонцы Джехангир-султана, которого шах прочил в ханы Балха, объездили все улусы ко-

чевых племен, пытаясь склонить их на сторону нового ставленника Сефевидов. Карачкай-бек был назначен командующим артиллерией, а правитель Герата Хусейн-хан Шамлу стал командующим передовыми частями армии. Закончив приготовления, шах двинулся на Меручак и вскоре достиг Чечекту [4. С. 619-620.]. Вали-Мухаммад направил к брату в Мавераннахр гонца с известием об этом, и Баки-Мухаммад-хан в августе 1602 года выступил к берегам Амударьи. Между двумя войсками произошло ожесточенное столкновение, в решающем сражении в Пул-и хатабе Сефевиды потерпели поражение, а шах Аббас спасся бегством в Иран [1. Л. 66б, 67а-68б].

По сведениям Искандар-беки Туркмона, при приближении к городу Андхуду шах Аббас, не прислушавшись к советам своих эмиров, начал осаду этой крепости и открыл стрельбу по ней из 300 пушек. Правитель города Муьмин-бий, охваченный страхом, направил к шаху своих гонцов о капитуляции. Таким образом, Сефевиды овладели городом Андхуд и шах отправил Муьмин-бия в Балх к Баки-Мухаммад-хану с требованием, чтобы Балх и подвластные ему земли, которые по закону принадлежат двум шахским царевичам – Джахангир-хану и Салим-султану, были им возвращены. Шах, пожаловав Андхуд Салим-султану, оставил ему отряд из 150 человек и направил свои войска к Балху. Погода была очень жаркая, не хватало питьевой воды и съестных припасов, поэтому войска двигались очень медленно и лишь через 20 суток достигли окрестностей Балха [4. С. 620-622].

По сведениям Махмуда ибн Вали, основной причиной медленного продвижения Сефевидов к Балху явились частые набеги кочевников [1. Л. 67а - 67б].

Как свидетельствует Искандер Мунши, шах систематически посылал гонцов с ярлыком Джахангир-хана к кочевым племенам, но они не поддержали шахского ставленника, и это явилось причиной поражения шаха.

Сефевиды более месяца стояли под Балхом. Против них упорно сражались: с одной стороны, защитники самой крепости, а с другой - из чарбага Сийахджерда выступил Баки-Мухаммад-хан со своим войском. Шах потерял треть своего войска и вынужден был покинуть Балх. Под ударами узбекских конников он с большим трудом и лишениями добрался до Баламургаба и оттуда в Герат. Отступая, Сефевиды до основания разрушили крепости Андхуд и Чечекту [4. С. 624-632].

Мухаммад Юсуф Мунши так же подтверждает поражение Сефевидов под Балхом в 1602 г. [3. С. 77-78].

По сведениям Махмуда ибн Вали, спустя три года, в 1605 г., шах Аббас снова захотел посадить на балхский престол Джахангир-хана, который в указанный год уже завладел Гарчистаном и частью Хазареджата и обосновался в Убехе и Шафелане [1. Л. 82а, 173 б]. Далее Махмуд ибн Вали сообщает, что в 1606 г. шах Аббас, собрав войско из горцев Хазареджата, в сопровождении сефевидского отряда вновь вторгся в пределы Балха. Шахбек-Кукелташ, правитель Балха, и местные правители Меймене, Шебергана, Гурзувана и других мест укрепили свои крепости и извес-

тили об опасности Вали-Мухаммад-хана, который после смерти своего брата Баки-Мухаммад-хана стал правителем Бухары. Вали-Мухаммад-хан отправил к ним на помощь значительное войско под начальством Хаджи-бия. В это время Джехангир-хан и Салим-султан, подойдя к Мургабу, переправились через него, а в Меручаке к ним присоединились ополчения катаганов. В местности Алмар произошло кровопролитное сражение, в котором оба войска понесли большие потери. В конечном итоге победа досталась бухарцам, а Джехангир-хан и Салим-султан бежали Гарчистан, но не смогли закрепиться там и были выбиты преследовавшим их по пятам бухарским войском [1. Л. 174а; 2. 201].

По сведениям Махмуда ибн Вали, в начале 1015 / середине 1606 года иранские войска снова появились в пределах Чекекту и Гурзувана. Надир-мухаммад-хан, только что назначенный правителем Балха, послал против них армию, однако обнаружить никого не удалось [1. Л. 175а].

В последующие годы попытки Сефевидов овладеть Балхом продолжались, однако все они не увенчались успехом. После бегства Вали-Мухаммад-хана из Бухары в Иран, туда же бежал его сын Рустам-султан, которому Сефевиды оказали помощь и поддержку. По сведениям Махмуда ибн Вали, правитель Хорасана Хусайн-хан после прибытия к нему Рустам-султана передал в его распоряжение Убех и Шафелан, откуда тот совершал частые набеги на Балх и его окрестности [1. Л. 184б]. Так, в 1612 году, во время отсутствия Надир-мухаммад-хана в Балхе, Рустам-султан и Хусейн-хан Шамлу вторглись в пределы Балха и, разбив отряд стоявший в местности Куррат-шейх (Фарйаб), пошли на Балх и окружили город со всех сторон, но взять его они не смогли. Более того, потерпев поражение, они бежали в Герат [1. Л. 190б-191б].

Эти сведения подтверждает и автор «Таърихи аламарайи Аббаси» Искандарбеки Туркмон [4. С. 857].

Махмуд ибн Вали сообщает, что Рустам-султан в 1029 / конец 1620 г. при поддержке Сефевидов снова напал на Балх. Надир-мухаммад-хан направил против них часть своей армии, которая преследовала конницу Рустам-султана до селения Дигли, но самого султана там не обнаружила. Один из его воинов попал в плен, и при его допросе выяснилось, что Рустам-султан и кызылбаши стоят в Катнаме. Надир-мухаммад-хан спешно выступил туда. В конечном итоге Рустам-султан и Сефевиды были разгромлены и снова бежали в сторону Герата [1. Л. 192а-194б].

Об этих событиях Искандарбеки Туркмон сообщает, что в 1620 г. Рустам-хан при поддержке Сефевидов с двух-трехтысячным отрядом снова появился в Андхуде и Шибиргане и, разграбив их, принес много разрухи [4. С. 961].

Активизация Рустам-султана и кызылбашей на границах Балха вынудила Надир-мухаммад-хана объединить большие силы в пограничных округах. К тому же из-за постоянных набегов казахских султанов на Мавераннахр ему пришлось отправить туда в помощь старшему брату значительную часть армии. Но вести борьбу одновременно на два фронта Надир-

мухаммад-хан не мог и поэтому он вступил в переговоры с шахом Аббасом I для нормализации отношений между обоими государствами [2. С. 203-204; 1. Л. 111б; С. 961-962].

По сведениям Искадарбеки Туркмона, Надир-мухаммад-хан с целью улучшения отношений с Сефевидами в 1621г. отправил в Исфахан с богатыми дарами своего посла Пайанда-мирзу. С аналогичным визитом в Балх был направлен иранский представитель Мухаммад Салих-бек, бывший везир Ширвана [4. С. 962-964].

Однако этот «мирный» шаг шаха оказался дипломатической уловкой с целью изоляции балхского правительства накануне большого похода Сефевидов на Кандагар, к которому он усиленно готовился [2. С. 204].

Как сообщает Махмуд ибн Вали, Надир-мухаммад-хан намеревался навсегда покончить с беспокоившим его очагом беспорядков и осенью 1623 года направил в сторону Бала-мургаба многочисленное войско под общим командованием Йалангтуш-бия. С приближением балхской армии Рустам-султан и Хусейн-мирза бежали в Герат, оставив в крепости Убех все свои силы во главе с Назар-бий туркменом. Йалангтуш-бий переправился через Мургаб и осадил Убех. Назар-бий туркмен, не выдержав сопротивления, на четвертые сутки ночью покинул Убех и бежал в сторону Герата [1. Л. 195б-198б]. Надир-мухаммад-хан направил в Иран своего представителя и потребовал, чтобы ему выдали Рустам-султана [1. Л. 199а-199б]. Однако шах не сделал этого. Затем Надир-мухаммад-хан направил в Иран новое посольство во главе с Пайанда Мирза чухра-агаси, которому пришлось вести с шахом продолжительные переговоры сначала в Кандагаре, а затем в Исфахане. В итоге шах Аббас удовлетворил требование Надир-мухаммад-хана и, вызвав Рустам-султана, направил его в Джазрайн. Надир-мухаммад-хан, в свою очередь, уступил шаху округ Бала-Мургаб [1. Л. 199б; 2. С. 205].

Об отправке посольства Пайанда Мирза чухра-агаси в Иран сообщают также Искандарбеки Туркмон [4. С. 983] и Ходжамкули-бек Балхи [5. Л. 199б], сведения, которых идентичны.

Согласно Махмуду ибн Вали, в 1631 г. Рустам-султан вновь появился в Убехе и вторгся в юго-западные районы Балхской области. Он жестоко обращался с населением и подверг ограблению окрестные районы Меручака, Меймене и Джузджана. Весной 1632 г. соединившись с Зейн ал-ханом и Хусейнкули-ханом, правителями Герата и Мешхеда, он повторил этот набег, а затем, опасаясь преследователей Йалангтуш аталыка, Баки-бия диванбеги и других, укрылся в мощной пограничной крепости Меручак. Абд ал-Азиз-султан осадил крепость, однако овладеть ею не смог. Абд ал-Азиз-султан и Йалангтуш-бий, заключив мир с осажденными при условии, что Рустам-султан и его союзники возвратят награбленное добро и своевременно будут посылать в Балх харадж, сняли осаду и вернулись в Шеберган [1. Л. 206б-209б].

В 1632-1637 гг. Абд ал-Азиз-султан неоднократно совершал набеги на Хорасан, грабил районы Герата и окрестности Мешхеда и в 1637 г. даже подверг осаде Герат. Что касается Сефевидов, то они продолжали поддержи-

вать Рустам-султана, который обосновался с 1630 г. в Мешхеде [1. Л. 222б-226а].

Таким образом, анализ вышеприведенных материалов и их сопоставление с другими письменными источниками свидетельствуют о том, что сведения Махмуда ибн Вали о связи Аштарханидов с Индией и Ираном являются достоверными и многие его сообщения являются уникальными, поскольку отсутствуют в других источниках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. Рук. Индия Офис, № 575.
2. Ахмедов Б. А. История Балха (XVI-первая половина XVIII в.). Ташкент, 1982.
3. Мухаммад Юсуф Мунши. Муким-ханская история / пер. с тадж., примеч. и указ. А.А. Семенова. Ташкент, 1956.
4. Искандарбеки Туркмон. Таърихи аламараи Аббаси. Т. II. Тегеран, 1387 г.х.
5. Ходжамкули-бек Балхи. Таърихи Кипчак-хани. Фотокопия рук. Бодлеянской библиотеки № 117.

RECORDS OF MAHMUD IBN WALI ABOUT RELATIONS OF BUKHARA KHANATE WITH INDIA AND IRAN

A.SAIDOV

доктор of historical sciences, Chief researcher of the history sciences, department old age, middle age and new history of Institute histories, archaeologies, and ethnography by. A.Donish Academy science
Republic of Tajikistan.

Republic of Tajikistan, 734025, Dushanbe, acad.Radzhabovs 7
Ph.: (+92) 919134184; Saidov.45@mail.ru

F. Nasrollah

Researcher of Department of ancient, medieval and modern history of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Science of Republic of Tajikistan
734025, Dushanbe, Rudaki ave., 33

The article discusses the relations of the Bukhara Khanate with India and Iran based on the materials of author of XVII century Mahmud ibn Wali. Despite complex political situation and tension between Bukhara Khanate with India and Iran, the parties exchanged diplomatic missions and conducted peace talks.

Key words: Bukhara, Balkh, India, Iran, Nadirmuhammadkhan, Shah Jahan, Mansoor Khaja Dadha, embassy, Ashtarkhanids, Sefevids, crusade, army.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВКИ ГОРНЫХ СЕЛЕНИЙ ТАДЖИКИСТАНА

С. МУКИМОВА,

доктор архитектуры, старший научный сотрудник отдела истории искусств Института истории археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Академии наук Республики Таджикистана.
Тел.: 907 72 19 06. E-mail: msayora72@mail.ru

М. ШЕРМАТОВ,

кандидат наук, заведующий кафедрой «Архитектура и дизайн» Таджикского технического университета имени академика М.С. Осими.
Тел.: 900 83 33 99

В статье раскрываются прогрессивные черты планировки горных поселений, сформированные за десятки веков. Выявлением положительных особенностей народного зодчества Таджикистана занимались многие ученые республик Средней Азии. Обращается внимание на взаимодействие поселений с горным ландшафтом, зонирование территорий и т.д..

Ключевые слова: *архитектура, градостроительство, горный ландшафт, архитектурно-художественная деятельность, горный регион, солнечная радиация, традиция, национальное своеобразие.*

Выявление прогрессивных особенностей планировки традиционных горных селений на территории Таджикистана в настоящее время представляет особые трудности. Это связано, в основном, с всеохватывающей урбанизацией всех сторон народного хозяйства, в том числе сельского строительства в горном Таджикистане. Постепенная замена сельских жилищ на новые приводит к потере традиционности и переходу ее на более совершенные и более комфортабельные по условиям жизни типы жилищного строительства. Постепенно народные мастера (а они остались только в отдаленных сельских местностях) забывают традиционные методы строительного производства, использования местных строительных материалов, создания благоприятной среды обитания в специфических условиях горного Таджикистана. В связи с этим при поиске прогрессивных черт приходится, в основном, ориентироваться на проведенные ранее исследования историков архитектуры (В.Л.Ворониной, Д.А.Назилова, Р.С.Мукимова, С.М.Мамаджановой и многих других), этнографов (А.К.Писарчик, А.С.Давыдова, М.А.Хамиджановой и др.) и археологов (Н.Н.Негматова, Ю.Я.Якубова, М.А.Бубновой и др.)[1].

В связи с необходимостью обеспечения сельских жителей, особенно в горных территориях, благоустроенными и комфортабельными индивидуальными домами, сегодня обращают на себя особое внимание

проблемы застройки поселений в сложных условиях орографии, солнечной радиации, высокой сейсмичности, просадочности грунтов и т.д. Эти проблемы появились ещё в период советской государственности в горных районах юга СССР в частности, в Таджикской ССР. [2] Чрезвычайная солнечная радиация, сложный рельеф, ограниченность водных ресурсов создают в горном Таджикистане дополнительные трудности при организации селитебного образования. Изучение опыта народного зодчества в республике, где основой формирования национальных традиций служили природно-климатические факторы, может оказаться очень полезным для выработки основных положений по взаимодействию архитектуры и природного ландшафта в регионе. Опыт народных мастеров позволял им не только гармонично связывать постройки с окружающей природной средой, но и выработать ряд композиционных приемов взаимодействия архитектуры с ландшафтом, благодаря чему каждое селение получало своё особое, хорошо запоминающееся лицо, свой индивидуальный облик [3].

Заслуживает пристального внимания и опыт рационального использования в горной республике дефицитной пахотной земли. В целях сохранения и экономичного использования посевной площади селения создают здесь в большинстве случаев на непригодных для обработки каменистых участках. При этом народные строители с большим мастерством решают вопросы взаимосвязи архитектуры и природного окружения, используя для этого все имеющиеся на участке ландшафтные элементы без уничтожения рельефа и растительности [4]. Учет и использование многих строительных приемов народного зодчества позволяют способствовать планомерному сохранению и рациональному использованию природного ландшафта как неотъемлемой материальной и духовной части жизненной среды человека.

Наличие в Верхнем Зеравшане пересеченного рельефа в сочетании с резкоконтинентальным климатом (жаркое сухое лето и суровая зима) стало одной из объективных условий появления специфических видов застройки горных селений, основанных на живописных свободных композициях с применением террасирования построек, системой полуоткрытых или открытых дворов, использования неблагоприятных для сельского хозяйства участков под застройку и т.д. Яркой иллюстрацией проявления специфических свойств участка может служить горное селение, в котором жилой организм строится изнутри наружу, и дифференцированное, пластичное внутреннее пространство определяет собой живописное, но всегда логичное сочетание внешних объемов. Такой прием создания архитектурного порядка придаёт функциональную эластичность жилой структуры. Этим же объясняется сочетание многих построек горного селения с окружающей средой.

Следует обратить внимание и на сам принцип объемно-пространственной организации горных селений, в которых под застрой-

ку используют скалистые участки с уклоном более 40-60%. Система террасной застройки на склоне холмов ущелья, её ступенчатый объемно-пространственный эффект является ведущим приемом в архитектуре горного села, в применении близкого по тону горной панораме естественного камня в контрасте с акцентирующими пятнами зеленых насаждений. Этот прием является своеобразным средством колористического единства сооружений селения и окружающего горного ландшафта [5].

Если в равнинных селениях ландшафт играет не первостепенную роль, т.е. он существенно не влияет на архитектурный облик села, то в горных кишлаках природный ландшафт является основой построения пространственной структуры жилого образования. Это позволяет утверждать, что окружающая среда является объективным, постоянно действующим условием формирования каждого архитектурного объема, а также составным композиционным элементом организма народной архитектуры горных районов.

Другим принципом взаимодействия народного зодчества и окружающего ландшафта, как одним из прогрессивных черт планировочной структуры горного селения, является прием визуальной пространственной связи сооружений с природной средой. Возводя постройки непосредственно среди ландшафта, обладающего высокими эстетическими достоинствами, народный мастер, сознательно не ставя перед собой задачи чисто художественного порядка, интуитивно стремился максимально объединить интерьер помещений с двором, связав их пространство в единое целое. Это наглядно видно в организации жилого дома, мечети, гостиной, в которых традиционная триада «хона-айван-двор» даёт возможность наиболее полно осуществить принцип взаимопроникающих пространств [6].

Положительным в планировочной организации селений многих горных районов является и принцип зонирования функциональных частей, выразившийся в отделении селитебных территорий от хозяйственных, или в параллельном чередовании жилья и сельскохозяйственных угодий (например, в селениях верховьев р. Зеравшана - Вешаба, Вору, Фана, Ягноба и др.) [7].

Учет этих традиционных приемов строительства в горных условиях при определенной практике архитектурного проектирования может сыграть свою роль в освоении горных массивов Таджикистана. При этом, конечно, не стоит идеализировать народное зодчество, закрывать глаза на то очевидное обстоятельство, что при всех его положительных функциональных и художественных достоинствах, оно было порождением весьма примитивного общественного уклада и очень скромных материальных и технических возможностей. Задача, видимо, состоит в том, чтобы композиционные и пластические приемы, которые в зодчестве традиционных горных селений были функцией суровой необходимости и появлялись неосознанно, были взяты сознательно на вооружение и обо-

гатили художественные методы современного строительства в горных районах Таджикистана.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Приведем только по одной публикации названных исследователей: В.Л.Воронина. Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана // СЭ. - № 3. - М., 1953; Назилов Д. Горное жилище Верхнего Зеравшана // Маскан. - 1992. - Ташкент. - № 4; Мукимов Р.С. Искусство зодчих Верхнего Зеравшана. - Душанбе: изд. «Дониш». 2010. - 300 с.; Мамаджанова С.М. Проблемы градостроительного освоения среды в условиях горного ландшафта Таджикистана // Устойчивая архитектура: настоящее и будущее. - М., 2012. - С. 335-364, ил.: Писарчик А.К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины XIX-начале XX вв. // Среднеазиатский Этнографический Сборник. - Вып. 2. - М., 1954; Давыдов А.С. Традиционное жилище таджиков Верхнего Зеравшана // СЭ. - М. - № 6. - 1969. - С. 92-114, ил.; Хамиджанова М.А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли. - Душанбе, 1974; Негматов Н.Н. Исследования в Северном Таджикистане // АРТ. - Вып. X (1970 год). - М., 1973; Якубов Ю. Паргар в УП-УШ вв. нашей эры. - Душанбе: Изд. «Дониш», 1979; Бубнова М.А. Древние памятники Горно-Бадахшанской Автономной области. Западный Памир (II тыс. до н.э. - начало XX вв.). - Душанбе: Изд. «Дониш», 1998. - 162 с., илл. и др.
2. Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976-1980 годы. - М.: Политиздат, 1976.
3. Расширенный обзор проблемы освоения горных территория Таджикистана приведена в монографии: Мамаджанова С.М., Мукимов Р.С., Шерматов М.У. Градостроительство горного Таджикистана: традиции и современные проблемы. - Душанбе: Изд. «Дониш»-«Мерос», 1997. - 132 с., илл.
4. Эта особенность была отмечена, например, С.М.Мамаджановой в статье: Архитектура Уструшаны по данным археологических раскопок // История, архитектура и искусство Уструшаны. - Душанбе: Изд. «Контраст», 2013. - С. 267-337.
5. Мукимов Р.С. Искусство зодчих Верхнего Зеравшана, указ. соч., с. 64-78.
6. Мукимов Р.С. Композиционно-планировочные особенности сельских поселений Северного Таджикистана // Архитектурное наследство. - № 37. - М., 1990. - С. 95-105, илл.
7. Мукимов Р.С. Некоторые вопросы освоения традиций таджикского зодчества в архитектуре современного села // Современные проблемы застройки и планировки городов и поселков. - Душанбе: Изд. «Ирфон», 1989. - С. 21-24.

POSITIVE FEATURES LAYOUT MOUNTAIN VILLAGES OF TAJIKISTAN

S. MUKIMOVA,

Doctor of Architecture, a senior fellow at the Department of History of Art History Institute of Archaeology and Ethnography of Ahmad Donish Academy of Sciences of Tajikistan. Tel.: 907 72 19 06. E-mail: msayora72@mail.ru

M. SHERMATOV,

PhD, Associate Professor of the «Architecture and Design» of Tajik Technical University, Academician M.S. Osimi. Tel.: 900 83 33 99.

The article reveals progressive features of planning of mountainous settlements established during tens of centuries. Many scientists of the former republics of Central Asia have been identified the positive features of folk architecture of Tajikistan. The article pays attention to the interaction of the settlements with the mountainous landscape, zoning, etc.

Keywords: architecture, urban planning, mountainous landscape, architectural and artistic activity, mountainous region, solar radiation, tradition, national identity.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ХОРАСАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

Хамза КАМОЛ,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН Республики Таджикистан
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. академиков
Раджабовых 7, Тел.: (+992) 934212844
H. Kamol@mail.ru

Ключевые слова: *Хорасан, Абдураззак Самарканди, крепость Ихтия-раддин, Абулкасим Бабур, Омар Шейх, Герат, султан Хусейн Байкара, Фируза-бегим, Тамерлан, Абусаъид, Узун Хасан, Мерв, Бадеъузаман, Астарабат, Джузджан, Мавераннахр, Самарканд.*

Во второй половине XV в. политическая раздробленность в Хорасане достигла своего наивысшего предела. Абдураззак Самарканди так описывает эту картину: «Самое удивительное, что каждая из крепостей, которая находилась в этой стране, была во владении какого-нибудь главаря. Мавлана Ахмад Ясавул захватил крепость Ихтия-раддин, ни на кого не обращая внимания; крепость Нерету досталась в руки Парка Монгола; крепость Сарахса охранял эмир Абдуллах Пирзад; крепостью Саьлук обладал Худайдад и крепостью Тебес владел эмир Увайс, и никто из них никому не подчинялся – подобные обстоятельства редко случаются». Действиями Абулкасима Бабура если не удалось полностью овладеть Хорасаном в 1451 г., то во всяком случае он ликвидировал независимость эмиров, описанных Абдураззаком Самарканди. В 1454 г. Абулкасим Бабур сделал неудачную попытку овладеть Самаркандом и после заключения договора с Абусаъидом 4 мухаррама 859 г.х. [1, л.300б] (25 декабря 1454 г.) он вернулся в Герат. В этом походе принял участие правнук Омар Шейха (сына Тамерлана) султан Хусейн Байкара (родился в 842 г.х – умер одиннадцатого зу-л-хиджа 911 г.х. /1438-39 – 5 мая 1506 г.), на долю которого впоследствии выпало стать на долгие годы государем Герата и восточной части Ирана. Султан Хусейн входил в состав военной знати, группировавшейся вокруг Абулкасима Бабура. После заключения договора между Абусаъидом и Абулкасимом Бабуром султан Хусейн и некоторые другие султаны из потомства Омар Шейха не возвратились в Герат, оставшись у Абусаъида в Самарканде. Двоюродный брат султана Хусейна – султан Увайс восстал против Абусаъида, и это вызвало у того подозрение против всех султанов. Абусаъид приказал заключить в самаркандскую цитадель султана Хусейна и вместе с ним 13 человек его родственников. Когда весть об этом дошла до Герата, мать султана Хусейна – Фируза-бегим, дочь внука Тамерлана – султана Хусейна (от этого деда султан Хусейн получил свое имя), отправилась в Самарканд просить освобождения сына. Фируза-бегим была внучкой Мираншаха по линии своей матери, и приходилась Абусаъиду двоюрод-

ной сестрой. Абусаъид исполнил ее просьбу, и султан Хусейн вернулся в Герат и вновь поступил на службу к Абулкасиму Бабуру и согласно Абдураззаки Самарканди, Абулкасим Бабур назначил ему щедрое содержание – 100000 кебекских динаров.²

После смерти в марте 1457 г. правителя Герата Абулкасима Бабура в Мешхеде положение в Хорасане резко изменилось. Ни в Хорасане, ни в его центре – Герате не нашлось того, кто бы смог взять в свои руки власть. И хотя слишком много было претендентов, ни один из них не имел большой военной силы. Среди претендентов на власть наиболее могущественным оказался Абусаъид – правитель Мавераннахра, который и захватил гератский престол. Таким образом, с 1457 г. государства Мавераннахр и Хорасан номинально можно было считать вновь объединенными. Однако это объединение не было крепким, продолжали действовать центробежные силы, и Абусаъид не мог приостановить их ни жестокими мероприятиями в отношении отдельных лиц, ни военными походами против своих соперников.

Больше всего хлопот Абусаъиду доставил в Хорасане султан Хусейн. После смерти Абулкасима Бабура султан Хусейн некоторое время служил в Мерве у Санджара, которому Абулкасим Бабур в 1455 г. отдал в удел Мерв, Махан и Джам. Султан Хусейн даже вступил с ним в родственные отношения, женившись на его дочери Бике Султан биким. От этого брака родился его старший сын Бадеъузаман [2,196]. Впоследствии, находясь на престоле, султан Хусейн развелся с женой. По словам Бабура «она была сварлива; ее строптивость надоела Мирзе, и он, в конце концов, ее оставил и избавился от нее» [2, 196].

После отъезда летом 1457 г. Санджара из Мерва в Мешхед султан Хусейн овладел городом, и дружеские отношения с тестем сменились враждой. Однако долго удержать Мерв он не смог и вынужден был уйти в сторону Астарабада, на запад Ирана. Но его набеги оказались настолько значительными, что Абусаъид счел необходимым лично взяться за устранение мятежного султана. Султан Хусейн действовал на Мургабе выше Мерва до Меручака, где провел зиму в пустыне между Мервом и Хивой, а весной 1458 г. был на Таджане, одержав здесь свою первую победу. Он напал на отряд Баба Хасана, вытесненный туркменами с берегов Гургана и шедший через Абивард на соединение с Санджаром. Баба Хасан был взят в плен и убит, его отряд частью присоединился к султану Хусейну. За этой победой султана Хусейна последовали в том же году другие – взятие Неса, потом Астарабада.

Абусаъид употребил все средства – от военного похода до переговоров, чтобы склонить и подчинить султана Хусейна. Так, в 1459 г. в качестве посла для переговоров с султаном Хусейном Абусаъид отправил в Гурган известного историка Абдураззака Самарканди к султану Хусейну. Они примирились на том, что султан Хусейн в качестве правителя Астарабада будет чеканить монету с именем Абусаъида. Однако султан

---

² Кебекский динар, назывался так по имени чагатайского хана Кебека, который правил в Мавераннахре с 1318г.

Хусейн не стал покорным вассалом Абусаида и совершил несколько грабительских набегов из Астарабада на Хорасан, дойдя вплоть до Сабзавара и Нишапура.

Борьба между Абусаидом и султан Хусейном иногда выходила далеко за пределы Хорасана. К примеру, в 1460 и 1461 гг. она перешла на территорию Хорезма. Султан Хусейн видя, что ему одному трудно бороться с таким сильным государем, как Абусаид, обратился за помощью к узбекскому хану Абдулхайру, хотя тот в свое время помог Абусаиду вступить на престол в Самарканде. Встреча произошла в 1468 г. в ставке Абдулхайра, который уже был разбит параличом и поэтому не мог лично участвовать в походах.

В 872 г.х./1468 г. Абусаид, опасаясь роста могущества государства Ак-Койюнлу, с большим войском предпринял поход в Азербайджан, рассчитывая в случае успеха присоединить к своим владениям Западный Иран и Южный Азербайджан. Но предприятие не имело успеха. На зимовке в Муганской степи объединенным войском Мавераннахра и Хорасана было потеряно почти все количество лошадей. Армия Абусаида была окружена войсками Узун-Хасана и его союзника Ширван-шаха, что обрекло ее на голод и распад.

Подробно описывая поход Абусаида на запад Ирана, Абдурраззак Самарканди сообщает, что правитель Мавераннахра и Хорасана Абусаид после временных военных успехов над Узун-Хасаном, что произошло при первом же столкновении, отверг предложение о мире. Однако после того, в очередном кровопролитном сражении основная часть армии Абусаида была разгромлена и более пятисот его эмиров были убиты. Причину поражения войск Абусаида венецианский посол Амброджио Контарини видел в недостатке продовольствия: «От недостатка продовольствия (его войска) так ослабли, что Узун-Хасан разгромил их и султана (Абусаида) взял в плен» [3, 145-146]. Абусаид стал просить о заключении мира. Узун-Хасан не принял его предложение и, как далее писал Хасанбек Румлу, когда остальная часть армии Абусаида и ее командующие примкнули к Узун-Хасану, у того не было выхода, кроме бегства. Но по дороге 16 раджаба 873 г.х/ 30 января 1469 г. Абусаида попадает в плен. После долгого совещания Узун-Хасан и его приближенные пришли к решению, что они не отпустят правителя Мавераннахра и передадут его в руки внука Шахруха – Ядгара Мухаммада [4, 708-709], который присоединился к Узун-Хасану. Последний в отместку за казнь жены Шахруха Гавхаршад (861 г.х./1456 г.) убьет Абусаида [5, 984-990].

Таким образом, смерть Абусаида решила борьбу между правителем Мавераннахра и Хорасана Абусаидом непокорным султаном Хусейном в пользу последнег. Это позволила султану Хусейну 24 марта 1469 г. торжественно прибыть в Герат в качестве его правителя. Сыновья Абусаида отказались от борьбы с султаном Хусейном и ушли в Мавераннахр. В течение длительного периода Мавераннахр и Хорасан были вполне независимы друг от друга. Таким образом, окончательно распа-

лось государство Темуридов [6, 49].

Западная часть Ирана оставалась под властью туркмен, только вместо Кара-койюну воцарилось племя Ак-койюну, главным представителям которого был Узун Хасан (Хасан-бек Ак-койюну). Узун Хасан после устранения своих соперников – Джахан-шаха Кара-койюну и темурида Абусаид – открыто и смело поддерживал марионеточного темурида Ядгара Мухаммада, внука Шахруха, чтобы взять себе трон Хорасана. Ядгар Мухаммад после завоевания Хорасана Абусаидом нашел убежище у Узун Хасана. Всячески поддерживая Ядгара Мухаммада, Узун Хасан наконец решил для устранения другого соперника правителя Хорасана султана Хусайна Байкары отправить его на завоевание Герата. В Герате Хусайн Байкара не смог оказать сопротивление хорошо вооруженной армии Ядгара Мухаммада и отступил в сторону Балха. 9 мухаррама 874 г.х./19 июля 1469 г. внук Шахруха Ядгар Мухаммад воссел на трон Герата [4,728]. Таким образом, территория, которая была под властью Узун Хасана, теперь простиралась от Хорасана до Карамана [7, 604-605]. Однако в 1470 г. Хусайн Байкара вновь захватил Герат и Ядгар Мухаммад был взят в плен и казнен. Хусайн Байкара для налаживания отношений Узун Хасаном Хусайн Байкара отправил своего посла шейхулислама Абдуллаха, который был из потомков шейха Абусаида Абулхайра. Узун-Хасан принял с почетом посла и дал согласие на правление Хусайна Байкара в Хорасане [4,746-747].

О султани Хусейне Байкаре Бабур писал, что тот «заняв престол, сначала имел мысль поминать в хутбе двенадцать имамов» [2, 190], т.е. у него была склонность к шиизму. Среди тех, по совету которых султан Хусейн отказался от шиизма Бабур называет Алишера Навои [2, 190]. В 885 г.х./1480-81 г. султану Хусейну представился случай проявить свои шиитские симпатии, и никто ему не препятствовал. В окрестностях Балха при султани Санджаре (XII в.) совершилось открытие чудесным образом могилы халифа Али ибн Абитолиба, в которой тот никогда не находился. Могила пришла в забвение после разрушения Балха и опустошения его окрестностей при Чингизе. Некий Шамсуддин Мухаммад, потомок Баязида Бастами, прибывший из Кабула и Газны, указал по книгам местонахождение могилы. В указанном месте обнаружили плиту из белого камня с надписью: «Это могила льва божьего, брата посланника божьего, Али, приближенного божьего». Присутствовавший при открытии плиты царевич Байкара известил своего брата, и в Балх прибыл сам султан Хусейн. Святыня была признана подлинной и над ней в следующем году (886 г.х./1481-82г.) был построен мавзолей, вокруг которого появилось селение с базарными лавками и банями. Вакфом мавзолея был определен один из каналов Балха. Селение и гробница Али стали привлекать паломников из близких и дальних мест. В XIX в. здесь вырос большой город Мазари Шариф.

«В первые шесть-семь лет после занятия престола, – пишет Бабур, – он воздерживался от вина, потом стал пить. За те почти сорок лет, что он был государем в Хорасане, не было дня, чтобы он не пил после полу-

денной молитвы, но утром он никогда не пил. Его сыновья и все воины вели себя так же: неумеренно предавались увеселениям и разврату» [2, 190]. По сообщению Бабура, у султана Хусейна от десятирех жён родились четырнадцать сыновей и одиннадцать дочерей [2, 196-197].

Султану Хусейну приходилось часто совершать походы на запад, на восток и на юг, и хотя не всегда успешно, но он оставался до конца правителем обширной территории с блестящей столицей – Гератом. По словам Бабура, в состав его владений входили земли от Хорезма на севере до Кандагара и Систана на юге, от Балха и Газны на востоке до Дамгана и Бистама на западе [2, 192].

В Хорасане последние годы жизни султана Хусейна прошли в борьбе с собственными строптивыми сыновьями и непокорными вассалами. О разногласиях между султаном Хусейном и Бадеузаманом – старшим сыном султана Хусейна – сефевидские историки свидетельствуют довольно подробно. Согласно этим источникам, Хусейн Кия Чалаби, пользуясь тем, что шах Исмаил находится в Фарсе, хотел совершить набег на Тегеран и Казвин. Бадеузаман, бывший наместником Астарарабада, без согласия отца с 10-тысячным войском присоединился к Хусейну Чалаби. Когда Бадеузаман узнал, что шах Исмаил из Фарса направляется в сторону Исфахана, то двинулся на Джузджан.

Султан Хусейн сильно рассердился на такой необдуманный шаг сына и вызвал его к себе обманным путем, заверив, что хочет назначить его своим преемником. Однако преемником он назначил своего младшего сына Мухаммада Муъмина-мирзу, а другому сыну Мухаммаду Хусейну мирзе, повелел после отъезда Бадеузамана из Астарарабада занять Джузджан. В Герате Бадеузамана встретил Алишер Навои, который сказал, что тот неправильно поступил, приехав в Герат. И хотя Бадеузаман два месяца находился в доме Навои, отец ни разу не принял его. Навои обещал Бадеузаману помочь выбраться из Герата и, таким образом, он при помощи Навои добрался до Джузджана [8, 192-193].

Султан Хусейн после неудачного похода на Хисар в 901 г.х./1495-96 г. отступил в сторону Кундуза и оттуда направился в Балх. Он отдал Балх Бадеузаману мирзе, а его владение – Астарарабад Музаффару Хусейну мирзе. «Бадеузаман мирза из-за этого разобиделся. Причиной стольких лет вражды и смуты было именно это обстоятельство» [2, 49].

Бадеузаман не соглашался отдать Астарарабад младшему брату – Музаффару мирзе, потому что Астарарабад был крупнейшим административным, экономическим и культурным центром и первым после Герата городом в государстве султана Хусейна как по числу жителей, так и богатству и торговому значению. Наместничество в Астарарабаде считалось одним из наиболее почетных. Его домогались члены семьи султана Хусейна, лишенный наместничества в Астарарабаде Бадеузаман, находившийся в Балхе, восстал в 1497 г. против отца. «К урочищу Пул-и Чираг, – писал Бабур, – у подножья Гарзувана, пришли снизу султан Хусейн мирза, сверху – Бадеузаман мирза. В среду, в первый день месяца рамазана (902 г.х./ начало мая 1497 г.) Абулмухсин мирза с несколькими беками

султана Хусейна мирзы и отрядом конницы выдвинулся вперед. Настоящее сражение еще даже не началось, как Бадеъзаман был разбит» [2, 55]. Султан Хусейн победив своего сына, пришел в Балх и отдал Балх Ибрахим Хусейн мирзе, а сам возвратился в Герат.

Осенью 1498 г. против султана Хусейна выступили два других его сына, правивших в Мерве и Абеварде. В 1499 г. поднял мятеж Хосравшах – один из сильнейших наместников султана Хусейна. Бабур о нем сообщил, что тот был из туркестанских кипчаков, «человек нечистый, развратный, тупой, без понятия, вероломный и неблагодарный». Ему были подвластны все области Аму-дарьи до гор Хиндукуша, кроме Бадахшана [2, 41].

Власть султана Хусейна над значительной частью его владений оказалась ослабленной в результате возвышения династии Аргунов. Основателем этой династии был Зуннун-бек Аргун, потомок монгольских ильханов. По сообщению Бабура, эмир Зуннун, находившийся при султани Абусаъиде мирзе, по каким-то причинам, которые он не уточняет, перешел к султану Хусейну мирзе [2, 200].

Султан Хусейн отдал указ Зуннун-беку Аргуну на управление Гуром и Систаном. Вскоре этому правителю удалось усмирить племена хазаров и никудери, после чего он получил также районы Забулистана и, избрав своей столицей Кандагар, стал фактически самостоятельным владельцем обширных территорий. В 1498/99 г., набрав войско из жителей Гура, Заминдавара и Кандагара, Зуннун Аргун вторгся в Гератскую область. После смерти султана Хусейна мирзы эмир Зуннун Аргун возвысился еще больше; ему перешли предгорные области под Гератом, а когда Бадеузаман стал государем совместно с Музаффаром Хусейном мирзой, Зуннун сделался полновластным вельможей при дворе Бадеъзаман мирзы [2, 200].

В 1500 г. султан Хусейн совершил поход на Астарабад против своего мятежного сына Мухаммада Хусейна, закончившийся примирением между ними. В это время Шейбани-хан вел борьбу с тимуридскими правителями Мавераннахра за Самарканд. И хотя султан Хусейн был серьезно обеспокоен успехами Шейбани-хана в Мавераннахре, он не оказал никакой помощи правителям Самарканда и Бухары.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдураззак Самарканди. Матлаъус-Саъдайн ва маджмаъул-бахрайн. рук. ЛГУ. Л.300б.
2. Захир ад-Дин Бабур. Бабур-наме. Перевод М.Салье. Ташкент, 1958.
3. Амброджио Контарини. Путешествие в Персии //Путевые записки венецианцев в Иране. Тегеран, 1381.
4. Хасанбек Румлу. Ахсанут-таворих. Под. к печати А.Навои. Т.2. Тегеран, 1384.
5. Абдураззак Самарканди. Матлаъус-Саъдайн ва маджмаъул-бахрайн. Т.2. Ч.2. Под. к печати А. Навои. Тегеран, 1383.

6. Камол Х. История вторжения кочевых племен Дашт-и Кипчака в Мавераннахр и Хорасан (XVI в.). Душанбе: Дониш, 2012.
7. Йозеф фон Гаммер-Пургшталь. Таърихи императории Усмони. Т.1. Пер. М.Алиабади. Тегеран, 1367.
8. Без автора. 'Аламарайи Сефеви. Под. к печати Ядаллах Шукри. Тегеран, 1350.

HAMZA KAMOL,

doktor of historical sciences, Chief researcher of the history sciences, department old age, middle age and new history of Institute histories, archaeologies, and ethnography by. A.Donish Academy science Republic of Tajikistan.

Republic of Tajikistan, 734025, Dushanbe, acad.Radzhabovs 7

Ph.: (+92) 93 421 28 44 hamza_Kamol@mail.ru

The author of the present study analyses the political situation in Khorasan during the second half of the 15th century. In this period, the political fragmentation of Khorasan reached its highpoint. After the death of the ruler of Herat Abdulqasim Babur in Mashad in March 1457, neither in Khorasan nor in its centre Herat a candidate could be found, who would have been able to consolidate power in his hands, too great was the number of pretenders, but none of them had sufficient military power. Ultimately, among the pretenders Abusai'd, the governor of Mavarannahr was the most successful and managed to ascend to the throne in Herat, thereby nominally reuniting (from 1457) both Mavarannahr and Khorasan in one state. This unification, however, turned out to be unstable; separatist trends continued to question Abusai'd's authority, and neither the persecution of his individual opponents, nor military campaigns against entire fractions of his competitors managed to put an end to these trends. In 872/1468, Abusai'd, wishing to conquer western Iran, started an unsuccessful campaign against the emir Hassan-Bek Akkoyonlu. On January 30th 1469 he was captured and executed. Abusai'd's death profited his competitor, the unruly sultan Hussain, who on the 24th of March 1469 arrived in Herat with great pomp as its ruler. Sultan Hussain had to repeatedly lead not always successful campaigns against his neighbours to the west, east and south. On the whole, however, he ruled until the end of his life (1506) over a great territory from his splendid capital – Herat. His dominions reached from Khorezm in the north to Kandahar and Sistan in the south, to Balkh and Ghazni in the east to Damgan and Bistam in the west.

Key words: Khorasan, Abdurazak Samarkandi, Fortress Ikhtyraddin, Abulkasim Babur, Omar Sheikh, Gerat, sultoh Khuseyn Baykara, Firuzabegim, Tamerlan, Abusaid, Merv, Badeuzaman, Astarabad, Juzjan, Mavarannahr, Camarkand.

ОТРАЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА САМАНИДОВ В ТРУДАХ АКАДЕМИКА А. МИРЗОЕВА

В 50-е годы XX столетия ученые - историки и востоковеды вплотную занимались изучением истории государства Саманидов. Среди важнейших задачи, которые ставили перед собой ученые, были определение родословия династии Саманидов, выявление причин возвышения и падения государства Саманидов в Хорасане и Мавераннахре в IX-X вв., изучение системы управления в государстве Саманидов, анализ предпосылок формирования таджикского народа в этот период, освещение развития культуры, искусства и другие вопросы.

В данной статье автор анализируя труды академика А. Мирзоева, приходит к выводу, что своим исследованием ученый внес весомый вклад в изучение политической, социально-экономической и культурной истории государства Саманидов.

Ключевые слова: *Саманиды, государство Саманидов, Исмаил, Наср, А.Мирзоев, Рудаки, Бухара, Самарканд, Хорасан, Мавераннахр.*

REFLECTION OF SOME ISSUES ON HISTORY OF SAMANID'S STATE IN THE WORKS OF ACADEMICIAN A. MIRZOEV

F. Ahmadov

Post graduate student of the S. Ayni Tajik State Pedagogical University

During the 1950th historians and Orientalists researched the history of the Samanid's state. Among the most important issues were the research of genealogy of the Samanid; determination identification of the reasons of the rise and fall of the Samanid's state in Khorasan and Mavarannahr in the 9th and 10th centuries; the study of the governance in the state of Samanid; the preconditions for the formation of the Tajik people in that period; the development of culture, art, etc.

The present article is an analysis of the works of the academician A. Mirzoev, who made a significant contribution to the study of the political, socio-economical and cultural history of the Samanid state.

Keywords: *Samanids, Samanid state, Ismail, Nasr, A.Mirzoev, Rudaki, Bukhara, Samarqand, Khorasan, Mavarannahr.*

ИНЪИКОСИ БАЪЗЕ МАСОИЛИ ТАЪРИХИ ДАВЛАТИ СОМОНИЁН ДАР ОСОРИ АКАДЕМИК АБДУЛҒАНӢ МИРЗОЕВ

Ф. Аҳмадов,

аспиранти Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи
С.Айнӣ, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 125

Дар солҳои панҷоҳуми садаи ХХ муаррихон ва шарқшиносон таърихи давлати Сомониёнро мавриди омӯзиш ва баррасии ҷиддӣ қарор доданд. Вазоифи муҳиме, ки он замон донишмандон дар баробари ҳеш гузошта будау, ин муайян кардани насаби Сомониён, мушаххас намудани сабабҳои иртиқо ва сукути давлати Сомониён дар Хуросону Мовароуннаҳр дар садаҳои IX-X, омӯзиши низоми идории давлати Сомониён, баррасии заминаҳои ташаккули миллати тоҷик дар ин аҳд, танвири масоили фарҳанг ва ҳунар буд, ки дар зимн онон ба дастовардҳои арзишманди илмӣ ноил гаштанд.

Соли 1958 дар шаҳри Сталинобод (ҳоло Душанбе) Симпозиуми байналмилалӣ бахшида ба 1100 -солагии зодрӯзи сардафтери адабиёти классикии форсу тоҷик устод Абӯабдуллоҳ Рӯдакӣ доир гашт. Дар Симпозиуми мазкур донишмандони маъруф А.А.Семёнов, А.Бертелс, А.Н. Болдирев, Ж.Лазар, А.Мирзоев, Х. Мирзозода, Б.А.Литвинский, Р.Ҳошимов, Ш.Ҳусейнзода, А.Хромов, М.И. Занд, Н. Османов, А.Ҷалилов, Б.Сирус, Р.Ҳодизода ва дигарон ширкат намуда, бо суханронӣҳои илмӣ, ки ба масоили таърих ва фарҳанги давлати Сомониён бахшида шуда буданд, баромад карданд. Дар ин ҳамоиши илмӣ муаррихон ва шарқшиносон азамати давлати Сомониён ва дараҷаи баланди рушди фарҳанг, ҳунар ва илмро дар даврони давлатдорӣ Сомониён ба исбот расониданд, ки ба ин васила симпозиум саҳифаи наvero дар омӯзиши таърихи давлати Сомониён боз кард.

Шарқшиноси маъруфи тоҷик академик А.Мирзоев низ дар симпозиум таҳти унвони «Рӯдакӣ ва ҷараёни зиндагии ӯ» баромад кард, ки баъдан ин суханронӣ дар маҷмӯаи мақолаҳои бахшида ба Симпозиум «Рӯдакӣ ва замони ӯ» шомил гардида, ба нашр расид [1, 20-62].

Академик А.Мирзоев баъд аз баррасии масъалаҳои зиндагӣ ва осори Рӯдакӣ, мисли замон ва макони таваллуд, насаби шоир, марҳилаи аввали зиндагии Рӯдакӣ [1, 20-25], ба давраи дуҷуми ҳаёти шоир, ки дар дарбори Сомониён мегузарад, тавачҷуҳ мекунад.

Мавқуф марҳилаи зиндагии Рӯдакиро тасвир карда, ҳамчунин ба ҳаёти дарбори Сомониён, муносибати амирони Сомонӣ ба илму адаб, шукуфоии илму фарҳанг дар ин давр, даъвати донишмандон, адибон ва ҳунармандон ба дарбор ва аз ҳама муҳим ба солҳои охири зиндагии Рӯдакӣ тавачҷуҳ намуда, муҳаққиқ ба таври густурда хаводиси дарбори дудмони Сомонӣ, илалӣ фитна ва тафриқа дар давлатро тавзеҳ дода, барои тақвияти суханҳои худ ва равшан намудани воқеаҳои таърихӣ моҳирона аз маводи сарчашмаҳои таърихӣ, чун «Таърихи Масъудӣ»-и Абулфазли Байҳақӣ, «Таърихи Яминӣ»-и Утбӣ, «Сияру-л-мулук»-и Ни-

зомулмулк, «Таърихи Систон», «Лубобу-л-албоб»-и Муҳаммад Авфӣ, «Ҳафт иқлим»-и Амин Аҳмади Розӣ, «Чаҳор мақола»-и Низомии Арӯзии Самарқандӣ, «Ал-мӯъҷам фи маоирӣ ашъор-ил-Аҷам»-и Шамсиддин Муҳаммад Қайси Розӣ ва ғайра истифода кардааст.

Дар мақолаи худ А.Мирзоев ба сурати барҷаста ба яке аз мушкилтарин масоили давраи Сомониён, ки мучиби ба ду даста тақсим шудани дастгоҳи ҳоким гашт, ҷойгоҳи вижа дода, сабаби асосии бӯҳрон ва сукути давлати Сомониёнро ба таблиғи афкори қарматӣ, ки билохира авоқиби вахима барои дудмони Сомонӣ дар қибол дошт, робита медиҳад [1, 43-54].

Он замон омӯзиши таърихи динҳо бо доктринаи идеологии низоми Шӯравӣ муғоират дошт, аммо А.Мирзоев бо дарки муҳим будани ин масъала ба хонандагон барои касби бештари маълумот роҷеъ ба асоси иҷтимоӣ ва идеологии наҳзати қарматия дар садаи Х дар Мовароуннаҳру Хуросон пешниҳод мекунад, ки дар замина ба осори олимони шӯравӣ В.В. Бартолд, Б.Н. Заходер, Б.Ғ. Ғафуров ва М. Занд муроҷиат кунанд ва баъдан ба тавзеҳу тавсифи ин наҳзат мегузарад. Чунин «ишора» лозим буд, то олим нишон бидиҳад, ки таҳқиқоти ӯ мутобиқ ба доираи идеологияи ҳоким бар шӯравӣ мебошад.

Ҳамин тавр, А.Мирзоев бори нахуст хонандаи тоҷикро бо наҳзати қарматия (исмоилия) ошно месозад, ки пажӯҳиш ва хулосаҳои ӯ бо иттиқо бар сарчашмаҳои таърихӣ анҷом меёбанд. Дар ин мақола муаллиф ба ихтилофоти ақидатие, ки миёни Фотимиёни Миср ва хилофати Аббосӣ мавҷуд буд, инчунин ба вуруди мубаллиғони исмоилӣ ба қаламрави Сомониён тавачҷуҳ мабзул медорад. «Аббосиён, -менависад А.Мирзоев, дар шахсияти Фотимиҳо ашадитарин душмани худро тасаввур мекарданд. Убайдулло (пешвои Фотимиён) ва атрофиёни наздики ӯ таълимоти исмоилиро, ки яке аз шоҳаҳои шиа ҳисоб мешуд, ҳамчун аслиҳаи идеологияи худ қарор дода, ба паҳн намудани даъвати исмоилӣ дар дигар мамлакатҳо ва вусъат додани хоки давлати худ шурӯъ намуданд» [1, 44].

Муаллиф дар ин мақола дар бораи вуруди яке аз доиён (мубаллиғон)-и исмоилиён бо номи Ғиёс ба қаламрави давлати Сомониён, ки ба дастури ҳокимони Фотимиёни Миср соли 919 сурат мегирад, менависад, ки дар асари таблиғоти ӯ волии Марв Ҳусайн ибни Алии Марвазӣ даъвати Ғиёсро мепазирад. Ин ҷо олим сабаби гароиши яке аз сарлашқарони машҳури Сомонӣ ва волии Марв Ҳусайн ибни Алии Марвазиро дар он мебинад, ки ӯ дар замони ҳукумати Аҳмад ибни Исмоил (907-914) аз эътибори баланде дар дарбор бархӯрдор буд ва дар замони Наср ибни Аҳмад (914-943) «зоҳиран барои ривоч пайдо накардани кораш аз ҳукумати мавҷуда розӣ набуд. Аз ин сабаб дар вақтҳои мувофиқ аз саркашӣ намудан нисбат ба ҳукумати марказӣ рӯй намегардонид» [1, 44]. Ба кӯмаки Ҳусайн ибни Алии Марвазӣ ва дар асари таблиғи доиёни исмоилӣ афкори ин мазҳаб дар Хуросон, ба хусус дар вилоятҳои Толиқон, Маймана, Ҳирот ва сарзамини Ғуриҳо густариш меёбад. Соли 930 Ҳусайн ибни Алии Марвазӣ, ки ба дастури Наср ибни Аҳмад ба ҳабс

гирифта мешавад, вафот мекунад. Баъд аз ӯ масъулияти таблиғоти қарматияро Муҳаммад ибни Аҳмади Нахшабӣ ба зимма мегирад. Муҳаммад ибни Аҳмади Нахшабӣ аз файласуфон-мутакаллимони маъруфи Хуросон буд. Доираи таблиғоти ӯ аз Хуросон гузашта, ба Мовароуннаҳр мерасад. Дар натиҷаи таблиғоти ӯ иддае аз мақомдорони дарбори Сомониён ба мазҳаби исмоилия мегараванд. Дар зимн Низомулмулк менависад: «Раиси Бухоро ва соҳиби хироч ва вучуҳи бозорро дар ин мазҳаб овард ва Ҳасан Малиқро, ки аз хоси подшоҳ буд ва волии Илоқ буд ва Алии Зарродро, ки вакили хос буд дар ин мазҳаб овард ва бештар аз инҳо, ки ёд кардем наздикон ва муътамадони подшоҳ (Наср ибни Аҳмад) буданд» [2, 283].

А.Мирзоев дар асари омӯзиши дақиқи сарчашмаҳои таърихии ин давр ба хулосаи дуруст меояд, ки баъд аз гаравидани теъдоди зиёде аз шахсиятҳои маъруфи дарбори Сомонӣ ба қарматия амири Сомонӣ Наср ибни Аҳмад ноғузир зери таъсири дарбориёни худ ба мазҳаби исмоилӣ таваҷҷуҳ зоҳир мекунад ва қор то ҷое мерасад, ки мубаллиғи исмоилия Муҳаммади Нахшабӣ Наср ибни Аҳмадро водор мекунад, ки хунбаҳои Ҳусайн ибни Алии Марвазиро, ки дар ҳабсхонаи Сомониён соли 930 вафот карда буд, ба соҳиби Мағриб Қайимуламр (934-946) бипардозад. Амири Сомонӣ ин пешниҳоди Нахшабиरो қабул карда, дастур медиҳад, ки хунбаҳои Ҳусайн ибни Алии Марвазиро ба маблағи 119 ҳазор динор ба халифаи Фотимиён пардозанд. А.Мирзоев бо иттиқо ба ахбори Ҳасан Иброҳим Ҳасан дар асараш «Таърих ал-ислом-с.сиёсӣ вал иҷтимоӣ» менависад, ки «гӯё (Наср ибни Аҳмад) ба халифаи фотимӣ менависад, ки ман бо 50 ҳазор тобеони худ барои итоати амри имом тайёрам» [1, 45].

А.Мирзоев на танҳо ҷонибдории афкори қарматиро аз тарафи иддае аз арбобони давлатӣ ва фарҳангӣ қайд мекунад, ҳамчунин зикре аз исёни қарматӣҳои Байнаннаҳрайн менамояд ва ба хулосае мерасад, ки аъмоли номашрӯи онҳо, ба хусус дар пойтахти дунёи ислом, ба вижа тюрмори донишмандон дар Маккаю Мадина дар соли 930 аз тарафи қарматӣён эътимоди мардуми Мовароуннаҳро нисбат ба онҳо заиф мегардонад. Ин боиси шиддат ёфтани муносибат миёни қишрҳои ҷомеа, ба хусус дарбор ва сабаби нигаронии ҷиддии рӯҳониён мегардад. «Ҳабари ин воқеа, - менависад А.Мирзоев, дар навбати худ пайравони мазҳаби сунниро дар Мовароуннаҳр низ ба ваҳшат меандоخت. Рӯҳониёни зикршуда ва сарони гвардияи турк аз ин ҳолат ҳам истифода менамуданд» [1, 46]. Дар навбати худ ин шаҳодати аввалин нишонаҳои суқути давлати Сомониёнро дошт, ки зиддиятҳои мудовими мазҳабӣ ин равандро тезониданд.

Сабаби озодона таблиғ гардидани мазҳаби исмоилия ва билохира ба он гароиш пайдо намудани дарбориён ва амири Сомониёро академик А.Мирзоев хеле дақиқ муайян кардааст, ки он дар озодии афкор, таҳаммулпазирӣ ва таъқиб нашудани дигарандешон дар қаламрави давлати Сомониён хулоса мешавад [1, 45].

Агар пажӯҳишҳои дар заминаи таърих ва фарҳанги давлати Сомониён анҷомдодаи донишмандонро дар солҳои 50-уми садаи гузашта натиҷагирӣ кунем, наметавон дар зимн аз саҳми донишманди тоҷик А.Мирзоев, ки соли 1958 асарҳои бунёдие чун «Осори Рӯдакӣ», «Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ» ва «Абух Абдулло Рӯдакӣ»-ро ба нашр расонид, зикр нанамуд [3]. Агар дар китоби аввал тамоми осори то замони мо расидаи Рӯдакӣ гирди ҳам оварда шуда бошанд, дар китоби дуюм бошад, маълумот дар бораи шоирони ҳамасри Рӯдакӣ, аз ҷумла ахбори кӯтоҳи шарҳиҳоли ва намунае аз осори 60 нафар аз шоирони аҳди Сомонӣ ва 11 нафар, ки қабл аз Рӯдакӣ зиндагӣ кардаанд, дода шудааст. Ин китоб дар асл асари бисёр муҳим ва мунҳасир ба фард буд, ки арзиши он ҳатто фаротар аз асари маъруфи С.Айнӣ «Намунаи адабиёти тоҷик» шинохта шуд, зеро ба таври комил тамоми намоёндагони адабиёти аҳди Сомониёнро фаро мегирифт.

Асари бунёдии А.Мирзоев «Абу Абдулло Рӯдакӣ» хулосаи тамоми пажӯҳишҳои дар солҳои 50-уми асри гузашта анҷомдода муаррихон ва шарҳшиносон пиромуни таърихи фарҳанги замони Сомониён маҳсуб меёбад. Дар офаридани ин асар А.Мирзоев худро ба унвони муҳаққиқи ботаҷриба нишон дод, ки дар доираи назари ӯ на танҳо масоили таърихи фарҳанги мардуми тоҷик, ҳамчунин пажӯҳиши масъалаҳои чун вазъи иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва сиёсии ин давр низ шомил гардиданд. Танҳо пас аз омӯзиш ва таҳлили комили давраи таърихии адабиёт А.Мирзоев иқдом ба тадқиқи шарҳи ҳол ва мероси адабии ин ва ё он адиб мепардохт. Ин суннати хуби пажӯҳиши таърихӣю адабӣ, ки аз ҷониби А.Мирзоев дар адабиёти шӯравии тоҷик поягузорӣ гардид, дар солҳои баъдӣ аз ҷониби дигар олимон чун меъёри таҳқиқоти илмӣ пазируфта шуд ва идома пайдо кард. Шояд чунин муносибат ба омӯзиши масъалаи мавриди пажӯҳиш буд, ки теъдоди зиёде аз донишмандони адабиётшинос дар таҳқиқи мавзӯҳои таърихӣ комёб гардиданд. Ин ибтикор аз ҷониби А.Мирзоев дар асараш «Абу Абдулло Рӯдакӣ» оғоз гардид.

А.Мирзоев дар асари худ «Абу Абдулло Рӯдакӣ» ҳаёти иҷтимоӣ, сиёсӣ ва иқтисодӣ, вазъи кулӣ дар Мовароуннаҳру Хуросонро то оғози забткориҳои араб таҳқиқ намуда, роҷеъ ба масоиле чун аввалин футӯҳоти ғарб, фатҳи Мовароуннаҳр, муқовимати мардумони маҳаллӣ, ҷунбишҳои озодибарандаи миллӣ, самти нави сиёсати хилофат дар идораи кишвар, баромади наҷодии тоҷикон, зуҳури аввалин намунаҳои давлати миллӣ, ҳаёти иҷтимоии ҷомеа, рушди иқтисод, тавсеаи шаҳрҳо, ҳаёти фарҳангӣ ва ташаккули забон муфассал ахбор дода, ба таври мухтасар пиромуни шарҳи ҳол ва осори олимон, адибон ва файласуфони маъруф чун Розӣ, Форобӣ ва Ибни Сино маълумот медиҳад [4, 9-63]. Исботи эътибори илмӣ таҳлили равандаҳои таърихӣю ин давр ин истифода аз доираи густурдаи адабиёти илмӣ ва манобеи таърихӣ аз ҷониби А.Мирзоев ба ҳангоми навиштани асари бунёдӣ роҷеъ ба зиндагӣ ва осори Рӯдакӣ мебошад.

Истифода аз теъдоди зиёди адабиёти илмӣ ба А.Мирзоев имкони онро фароҳам овард, ки дар баррасии баъзе аз масоили таърихи сиёсии Сомониён бо шарқшиносони маъруф баҳс намояд. Масалан, донишманди маъруф А.Ю.Якубовский дар чилди аввали китоби «История народов Узбекистана», ки ҳодисаҳои таърихии он замонро навиштааст, таъкид мекунад, ки ихтилоф миёни Исмоил ва Насри Сомонӣ, ки соли 275 ҳ.қ./888 сабаби бархӯрди мусаллаҳона байни онон гардид, сиёсӣ буд [5, 222]. Академик Б. Фафуров дар рисолаи худ «Тоҷикон» ба ин назар аст, ки Исмоил «фақат барои истиклолияти иқтисодӣ ва сиёсии Бухоро ва ба мулки хосаи худ табдил додани он мубориза мекард ва дар соли 888 комилан ба нияти худ расид» [6, 451]. Яъне ба вачҳе Б. Фафуров ҳамназари А.Ю.Якубовский аст. Аммо А.Мирзоев муваффақ шуд, ки бар асоси таҳлили манобеи зиёди таърихӣ, ба вижа «Равзату-с-сафо»-и Мирхонд ва натиҷаи таҳқиқи сиккаҳои ин давр аз тарафи Е.А.Давидович собит кунад, ки ҷанг миёни Исмоил ва бародараш Наср на моҳияти сиёсӣ, балки иқтисодӣ дошт [4, 20]. Сиккашиноси маъруф Е.А.Давидович ҳанӯз соли 1954 навишта буд, ки ду набарди бародарон амир Наср ибни Аҳмад ва волии Бухоро Исмоил ибни Аҳмад бештар хусусияти иқтисодӣ ва молиявӣ дошта, дар худ зухуроти амиқи сиёсӣ надошт [7, 79-83].

Он чи ба танвири ҳаёти иҷтимоии ҷомеаи он замон иртибот мегирад, А.Мирзоев дар ин мавзӯ ба манбаъҳои таърихӣ, ки дар он ҳуқуқи ислом – фикҳи аҳди Сомониён матраҳ мешавад таъя мекунад [4, 22].

Масъалаи ҳаёти фарҳангии ин аҳд дар пажӯҳиши А.Мирзоев перомуни ҳаёт ва ашъори Рӯдакӣ мавқеи калидӣ дорад. Ба таври кулӣ бо таваҷҷуҳ ба сатҳи баланди дараҷаи рушди илм, маориф, адабиёт ва ҳунар дар ин аҳд, донишманд зикр мекунад, ки ба шарофати талошҳо ва саъю кӯшишҳои амирони Сомонӣ шаҳрҳои Бухоро ва Самарқанд ба марказҳои муҳими илму фарҳанги садаҳои IX-X мубаддал гаштанд, ки ба ин шаҳрҳо аз тамоми нуқоти кишварҳои исломӣ донишмандон меоманд.

Яке аз мавзӯҳои анъанавие, ки перомуни он дар илми таърихнигории тоҷик баҳсҳои шадиде идома дошт, масъалаи забон буд, ки он низ дар таҳқиқотҳои А.Мирзоев матраҳ шудааст. Дар асоси истифодаи натоиҷи пажӯҳишҳои илмӣ ва муқоисаи онҳо бо иттилооти сарчашмаҳои таърихӣ олим ба чунин хулоса омад, ки забони тоҷикӣ-форсии дарӣ ба Хуросону Мовароуннаҳр аз ғарби Эрон ворид нашуда, балки, баръакс забони тоҷикӣ-форсии дарӣ дар шарқи Эрон ташаккул ёфт, ки пас аз ба ҳайси забони давлатӣ дар аҳди Сомониён пазируфта шудан, дар дигар минтақаҳо, аз ҷумла дар ғарби Эрон густариш ёфт [4, 33].

Муддати тӯлонӣ ин нуқтаи назари А.Мирзоев миёни олимони ва доираҳои илмии Тоҷикистон ҷонибдорони хешро пайдо накард. Аммо баъдан дар пажӯҳишҳои олимони ҷаҳон, аз ҷумла Эрон ва Ғарб дурустии хулосаҳои А.Мирзоев тасдиқи худро ёфт. Дар ин осор мароҳили паймудани забони форсии дарӣ, ки ба забони умумимиллӣ ва умумидавлатӣ дар аҳди Сомониён иртиқо кард мунъақис ёфтаанд.

А.Мирзоев бори нахуст дар таърихнигории тоҷик авзои мазҳабӣ ва ба таври қуллӣ муносибати дарборро ба дин ва ҷараёнҳои мазҳабӣ ва рӯҳониёнро ба таври хос таҳқиқ намуд.

Дар маҷмӯъ метавон хулоса кард, ки осори баҳшида ба 1100-солагии Абӯабдуллоҳ Рӯдакӣ дар солҳои 50-уми асри гузашта ба қалами А.Мирзоев тааллуқ дошта ва зери назари ӯ чопшуда дар амри омӯзиши таърихи сиёсӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангии давлати Сомониён нақши қобили тавачҷуҳ доранд.

АДАБИЁТ

1. Мирзоев А. Рӯдакӣ ва ҷараёни зиндагии ӯ //Рӯдакӣ ва замони ӯ. Сталинобод, 1958.
2. Хоча Низомулмулк. Сиёсатнома. Нақду таҳлил ва вероиши матн, тавзеҳот ва феҳристҳо М. Истеъломӣ. Техрон, 1390.
3. Осори Рӯдакӣ. -Сталинобод, 1958. -544 с.; Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ. -Сталинобод, 1958. -408 с.; Мирзоев А. Абу Абдулло Рӯдакӣ. Сталинобод, 1958. – 276 с.
4. Мирзоев А. Абу Абдулло Рӯдакӣ. Сталинобод, 1958.
5. Тревер К.В., Якубовский А.Ю. и Воронеж М.Э. История народов Узбекистана. Т.І. Ташкент, 1950.
6. Фафуров Б. Тоҷикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асрҳои миёна. Китоби якум. Душанбе: Ирфон, 1983.
7. Давидович Е.А. Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидовю // Труды ИИАЭ АН Тадж. ССР. Т.ХХVII. Сталинабад, 1954.

ПОПЫТКА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВЕНЕЦИИ С ИРАНОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

АЛИ РАМАЗАНИПАЧИ,

соискатель отдела древней, средневековой и новой истории Института
истории, археологии и этнографии АН РТ
734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33

Ключевые слова: *Иран, шах Тахмасб, Венеция, Сулайман, Мишелом Мембере, Винченцо Алессандри, Сенат Венеции, Казвин, Османиды.*

В 1537г. Венеция образовала военный союз с Германией, Испанией, Португалией и Римским папой и объявила войну Османам. Однако в течение двух лет войны с Османами Венеция много раз потерпела военную неудачу. Поэтому она была вынуждена подписать в месяц джамадус-сани 947г.х./в октябре 1540 г. мирный договор с султаном Сулайманом. Согласно этому договору Венеция уступила два города - Наполи ди Романо и Мальвазию и все острова. Она в размере 30 тысяч дукатов уплатила военную контрибуцию [1, 400-406].

В то время когда Венеция воевала с Османами, она намеревалась восстановить военно-политический союз с Ираном против Османской Турции [2, 13], и в 1539 г. послала к шаху Тахмасбу дипломатическую делегацию во главе с послом Мишелом Мембере, которая прибыла в город Маранд в месяц рабеу-с-сани 946 г.х./ в августе 1539 г., где был принят шахом Тахмасбом [3, 29]. Венецианская делегация смогла убедить шаха Ирана, чтобы совместно бороться против общего врага, и был подписан военно-политический договор между Ираном и Венецией против Османов [4, 17-18]. Когда венецианская дипломатическая делегация находилась в Иране, шах Тахмасб отправил письма председателю Сената Венеции и предложил создать антиосманскую коалицию с участием Ирана и европейских стран [2, 15].

Однако этот договор не был реализован, ибо, когда венецианская делегация находилась в Иране, Сенат Венеции подписал мирный договор с Османами и таким образом в практике антиосманская коалиция не была образована. Шах Тахмасб, когда принял венецианскую делегацию для прощания, вручил письмо Мишелю Мембере, чтобы он передал его Сенату Венеции. В своем письме шах Тахмасб критиковал позицию правителя Венеции в отношении Османов, и указал, что Иран всегда готов участвовать в образовании антиосманской коалиции. Далее пишет, что если Иран имеет своих союзников против Османов или не имеет их, то для защиты своей страны и возвращения оккупированных территорий будет бороться с Османской Турцией [2, 17-18].

С этого периода до 1571г. исторические источники не имеют сообщения о возобновлении дипломатического отношения между Ираном и Венецией. Однако в 1571г. государство Венеции отправляет своего по-

сла ко двору шаха Тахмасба. Дело в том, что в это время по приказу султана Салима второго османская армия в очередной раз начинает войну с испанскими, португальскими и венецианскими войсками. Угроза войны и захвата Кипра Османами стала поводом, чтобы Венеция решила отправить в Иран своего посла для возобновления антиосманской коалиции. Поэтому Венеция попробовала использовать апробированный вариант и хотела привлечь Иран к войне против Османов. Они знали, что между Ираном и Османами существует религиозная вражда, также им было известно, что Османы во времен правления Тахмасба со своими вылазками нанесли ему большой урон.

Для выполнения дипломатической миссии был избран один из министров государства Венеции по имени Винченцо Алессандри, который убежал от заключения Османов в Стамбуле и вскоре прибыл в Венецию. После получения верительной грамоты и письма Сената Венеции шаху Тахмасбу Винченцо Алессандри отправляется 30 октября 1570 г. в путь [5, 208].

На заседании Сената, где назначили послом Винченцо Алессандри также был принят текст секретной инструкции, которую должны были вручить Винченцо перед отъездом в Иран. В этой инструкции особое внимание было уделено поощрению и привлечению Иранского шаха Тахмасба к войне против Османской империи и умело убедить его в том, что это является удобным случаем для расширения территории Ирана и такая возможность для этого навряд ли удастся ему.

Послу Винченцо Алессандри также было вручено письмо, адресованное шаху Тахмасбу, где было отмечено, что Османская Турция намеревается напасть на Венецию, и для этого она направила свои войска на Кипр, в Албанию и Далмацию. В настоящее время, когда турецкие вооруженные силы были переброшены на борьбу против Венеции, иранцы могут напасть на них с тыла и с легкостью могут одержать над ними победу. Другие европейские страны также будут противостоять Османской Турции.

Винченцо Алессандри после получения задания отправился в Тебриз. Его путь пролегал через Германию, Польшу, Трансильванию, Чёрное море, Синоп, Самсун, Токкат, Эрзинджан, Эрзерум и 17 июля 1571 г. прибыл в Тебриз. Однако столица шах Тахмасба в это время находилась в городе Казвине. Здесь он остановился на несколько дней и 14 августа прибыл в Казвин, где случайно встретился с английскими купцами, которых раньше их знал. При содействии этих купцов он попал на приём третьего сына шаха Тахмасба короннонаследника Хайдара мирзы [5, 209-210].

В этом году, - пишет Винченцо Алессандри, -летом в Иране было очень жаркое, поэтому иранцы большую часть своих работ выполняли ночью. В связи с этим Винченцо Алессандри был тепло принят сефевидским принцем ночью. Венецианский дипломат рассказал ему о цели своего пребывания в Иране и передал письмо венецианского правительства, адресованное шаху Тахмасбу [5, 209-210]. Хайдар мирза обещал Вин-

ченцо Алессандри, что он будет содействовать, чтобы шах в ближайшее время принял его, но это должно быть в строгой секретности, чтобы никто не знал об этой встрече и содержание переговоров [5, 206].

После сообщения Хайдаром мирзой своему отцу о прибытии венецианского дипломата для переговоров и вручении ему письма от имени правительства Венеции, шах Тахмасб детально обсудил с сыном содержание письма.

На следующую ночь Тахмасб Сефевии принял Винченцо Алессандри и он подробно рассказал о своей миссии и вручил ему письма и верительную грамоту. В том числе от имени Сената Венеции заявил, что «Османский император нарушил мирный договор и напал на Кипр. Когда он завершил свою работу там, без сомнения, нападёт на Иран» [5, 210].

Он внимательно выслушал венецианского посла и сказал, что все взвесит и через некоторое время посол получит ответ. Он дал указания, чтобы венецианской делегации дали хорошую комнату для проживания, также выделили им большие деньги для повседневной нужды [5, 211].

Однако все эти доводы и аргументы, которые привёл в своей беседе Винченцо Алессандри для создания ирано-европейской антиосманской коалиции были игнорированы шахом Тахмасбом. Шах Тахмасб не хотел портить мирных отношений с Османами, поэтому всерьёз не принял слова венецианского дипломата, а также не дал ему и отрицательного ответа. Официальные лица, приближённые ко двору шаха, которые обещали помочь ему, успокоили его, что с ответом не надо торопиться. Эта проблема имеет большое политическое значение и её решение требует долгого времени. Суть долгого неполучения ответа шаха в основном заключалось в том, что шах Тахмасб старался задержать Винченцо Алессандри в Казвине на длительный срок и проследить ход противоборства Венеции с Османской Турцией.

При беседе с иранским принцем Винченцо Алессандри сообщил ему неверные сведения о якобы созданной на западе мощной антитурецкой военной коалиции, в чём принц сомневался.

Когда шах Тахмасб стал медлить с ответом и эта неопределенность больше изнуряла Винченцо Алессандри, вдруг в Казвине получили сообщение, что европейцы находятся в море на пороге великой победы над Османамы. С получением такой вести Винченцо Алессандри уверенно призывал шаха, не теряя времени, начать войну против Османов.

Объявление войны тюркам выгодно было шаху Тахмасбу по трём причинам. Первое, с присоединением к антиосманской коалиции он вложил бы свою лепту в разгром общего врага; второе как выше сказали, вернул Ирану большие территории и третье, восстановил хорошие отношения с западными странами и вышел бы на мировые торговые пути.

Винченцо Алессандри с 14 августа 1571 г. по 12 ноября 1571 г., т.е. три месяца остался в Казвине, но так и не получил конкретного ответа. Шах Тахмасб был занят подавлением мятежа в Шерване, также престарелый шах устал от продолжительных войн с Османами и теперь он до-

волен был миром между двумя государствами и, наконец, ответил Винченцо Алессандри, что поскольку европейские правители создали между собой постоянный союз, то он два года будет ждать как будет развиваться события, потом с учётом создавшегося положения он решит выбрать мир или войну [5, 212].

Эта нерешительность шаха Тахмасба в будущем принесла Ирану много бед. То, что предсказал Сенат Венеции, в отношении того, что как завершится войны на Кипре, так Османы и нападут на Иран, сбылось. После подписания мирного договора с Венецией Османская Турция напала на Иран, захватила Шерван и основную часть большой Армении.

Винченцо Алессандри после неудачной дипломатической миссии решил покинуть Иран и прибыл в Краков, откуда 24 и 25 июля 1572 г. отправил в Венецию письма, в которых писал о своей поездке. Затем Винченцо Алессандри продолжал свой путь в Венецию. Прибыв туда, он 24 сентября 1572 г. представил Сенату Венеции подробный письменный отчёт о своей поездке в Иран [6, 177-178].

Отчёт Винченцо Алессандри является важным источником по военно-политическим и социально-экономическим вопросам истории Ирана во второй половине XVI в.

Много важных фактов из личной жизни шаха Тахмасба можно найти в этом отчёте. О шахе Ирана пишет, что «шаху Тахмасбу 64 года. Прошёл 51 год от того времени, как он правит государством. То, что привлекает внимание это - его меланхолический характер, который имеет много признаков. Однако самое важное то, что 11 лет он как не выходит из своего двора. В это время ни один раз не пошел на охоту и не увлекался другими вещами. От такого дела народ недоволен, ибо, согласно обычаю и нравам этой страны, когда не могут видеть своего падишаха, то с большим трудом добьются справедливости... Поэтому днём и ночью народ стоит напротив его дворца и громким голосом плачет. Иногда количество этих людей достигает более тысячи. Падишах не хочет слышать голоса этих людей и приказывает разгонять их» [5, 466]. Далее объясняет, почему народ так унижен: «Не обращает внимания, что эти вопли (народа) от угнетения казиев и правителей поднялись до небес. Обычно они (казии и правители) поджидают их на улицах и переходах, чтобы убить и я видел такие случаи своими глазами, и много людей мне говорило об этой истине, что в книге жалоб были записаны имя 10 тысяч человек, которого в последние восемь лет были убиты. Источникам этого зла и коррупции являются казии, поскольку не получают зарплату, неизбежно берут взятки и видят, что шах Тахмасб не обращает внимания на судебные дела, больше жадничает. Поэтому по всей стране дороги небезопасные и народ даже в своих домах сталкивается с опасностями» и вся судебная система погружена в коррупцию [5, 466].

Венецианский посол обращает внимание на характер своего героя: «Все, что ему (Тахмасбу Сефеви) преподносят, даже если не стоящая вещь, принимает. Всегда в ответ за подарками, которые принимает, ничего не даёт» [5, 468] и далее продолжает: «Это падишах продает жемчу-

жины, совершает другие сделки. Наподобие скупых и хитрых торговцев покупает и продает» [5, 469].

Винченцо Алессандри, как проницательный наблюдатель, видит, какими способами шах Тахмасб собирает для своей казны налоги и поборы. «Этот падишах в отличие от других правителей государств не обеспечивает никакими видами своих доходов налогами, а с получением одной шестой части сельскохозяйственной продукции и злаков, других растений, виноград и пополняет свою казну. В год с тысячи ушров земли взимает тридцать шесть золотых монет» [5, 476].

Для показа он иногда не собирает некоторые поборы и налоги, однако правда заключается в том, что после двух- трёх лет требует от народа эти не-собранные налоги и поборы. «Когда я был в Джулфе, которая была заселена армянами, он поступил таким же образом с народом, который был освобожден от сбора налогов. Он требовал собрать харадж, который не был собран за предыдущие года... таким образом нуждающихся христиан оставил в тяжелом положении» [5, 468].

По словам Винченцо Алессандри для управления государственными делами при шахе Тахмасбе Сефевии существовал царский совет, в состав которого входили двенадцать знаменитых эмиров, а сам шах является его председателем. «Совет состоит каждый день, кроме того дня, когда шах ходит в баню» [5, 470].

Винченцо Алессандри сообщает об административном делении Ирана, о численности кавалерийских войска Тахмасба: «В Иране есть пятьдесят султанов, которые готовят и обеспечивают для страны армию, ибо страна разделена на пятьдесят частей и их управления находятся в руках этих эмиров, кроме городов и областей, которые непосредственно находятся под юрисдикцией самого шаха и его сыновей. Под командованием каждого из этих эмиров находится от 500 до 3000 кавалерии... Вообще число воинов-кавалеристов в Иране достигает шестьдесят тысяч, хотя их число на бумаге больше, чем этой цифры» [5, 477].

Венецианский посол в своём отчёте приводит важные материалы о торговых связях Сефевидов с зарубежными странами. Так, согласно сообщениям Винченцо Алессандри, Сефевиды, кроме ряда восточных и западных стран, с которыми имели традиционные узы связи, имело также торговые отношения с Молдавией, Польшей, Данией, Швецией и другими странами, которые осуществлялись через Константинополь.

По сведениям Винченцо Алессандри, во время своего путешествия в Иран он заметил, что внешнеторговые связи Византии ослабились и причину этого он видит в завоевании Турцией важных торговых путей и колониальной политике Португалии в бассейне Индийского океана.

Относительно торговой жизни Тебриза, Винченцо Алессандри отмечает, что цена на шёлк там упала вдвое, а что касается пряностей, то никто им не интересуется.

Далее Винченцо Алессандри отмечает, что шах Тахмасб для предотвращения дальнейших ослаблений внешнеторговых связей предпри-

нял ряд мероприятий. Так, приказом шаха запрещено взимание пошлин с ввозимых и вывозимых товаров.

В конце своей записки пишет: «Это было то, что попытался получить о положениях дела в стране Ирана в течение 21 месяца» [5, 479].

Таким образом, из вышеизложенного можно заключить, что все послы, отправленные в Иран от имени правительства Венеции, имели общую задачу – любыми путями склонить правителей Ирана к войне против Османской империи и для достижения цели использовали все, имеющиеся у них силы и средства. Следует также отметить, что кроме дипломатических задач им было поручено вести и разведывательные дела в пользу республики Венеция.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исмоил Хаки Узун Чоршили. Таърихи Усмонӣ (Османская история). Перевод Э. Навбахт. -Тегеран: Кайхон, 1371г.ш.

2. Бахрамнажад М. Муаррифӣ ва шаръе бар ду санади таърихи аз муносиботи Ирон ва Венез дар аҳди шоҳ Тахмосби аввал (Ознакомления и комментария два исторического документа о взаимоотношении Ирана с Венецией времен Тахмасба первого)/ Таърихи Донишгоҳи исломии маҳаллот. №2, 1385г.ш.

3. Rota G. Under Two Lions. On the Knowledge of Persia in the Republic of Venice (1450-1797). Wien, vertag, Oeaw, 2009. P.29.

4. Франческо М. Асноди марбут ба равобитии таърихии Ирон ва Чумхурии Венез дар аҳди шоҳ Тахмосби аввал (Документы связанные с историческом отношении Ирана с Республикой Венеции времен шаха Тахмасба первого). Перевод на перс. Э.Анвар и Ф.Равшани Загуранлу. Тегеран, 1352. С. 17-18.

5. Винченцо Алессандри «Путевые записки» // Путевые записки венецианцев в Иране. Тегеран, 1381.

6. Махмудов Я.М. Взаимоотношения государств Ак-койюнулу и Сефевидов с Западноевропейскими странами (половина XV-начало XVII века). Баку, 1991.

ATTEMPT OF VENICE TO RESTORE DIPLOMATIC RELATIONS WITH IRAN IN SECOND HALF OF XVI CENTURY

A.RAMAZANIPACHI

Researcher department of ancient, medieval and modern history of the
Institute of History, Archeology and Ethnography
of the Academy of Science
734025, Dushanbe, Rudaki ave., 33

In this article the author analyzes the diplomatic relations of Iran with Venice in the second half of the XVI century. After the defeat in the war with Osmanids, Venice was forced to sign peace treaty with Sultan Sulaiman in October 1540. At the time when Venice was at war

with the Ottomans, it has intended to restore the military-political alliance with Iran against the Ottoman Empire in 1539 and sent diplomatic delegation to Shah Tahmasb, accepted by Shah Tahmasb. Venice delegation was able to convince the Shah of Iran to fight together against the common enemy, and military and political agreement between Iran and Venice against the Ottomans was signed. However, this agreement has not been implemented. From this period until the 1571 historical sources have reported the resumption of diplomatic relations between Iran and Venice. In 1571 the government of Venice sent its ambassador to the court of Shah Tahmasb, but the mission of the delegation ended unsuccessful.

Keywords: Iran, the Shah Tahmasb, Venice, Sulaiman, Michelle Membere, Vincenzo Alessandri, the Senate of Venice, Qazvin, Osmanids.

ВЛИЯНИЕ МАРАГИНСКОЙ ШКОЛЫ (XIII В.) НА ЕВРОПЕЙСКУЮ НАУКУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Х.МАКСАДОВ

научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии
им. А. Дониша АН РТ.

Адрес: Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33.

Телефон: 2213742

В статье освещается вклад Насриддина Туси в науку мира, особенно его достижения в области астрономии и астрономических инструментов. Было показано, что Туси является одним из основоположников фундаментальных наук мира.

Ключевые слова: *Марагинская школа астрономия звезды, математика, философия*

Вклад народов стран ислама в развитие астрономии трудно переоценить. Достаточно сказать, что большинство названий звезд, применяемых астрономами, представляют собой искаженные арабские названия; Из арабского же языка, бывшего основным языком науки в странах ислама, заимствованы и такие астрономические термины, как *зенит*, *азимут*, *альмукуантараты* и *алидада*, а некоторые термины, как, например, *астролябия* или название сочинения Птолемея "*Альмагест*" пришли через страны ислама и применяются нами в форме, близкой к арабской (*астурлаб*, *ал-Маджисти*).

В 1219-1220 г. монгольские орды, предводительствуемые Чингизханом, завоевали Среднюю Азию. В 1253 г. начался новый поход монголов под предводительством внука Чингиз-хана Хулагу-хана (1256-1265) на Иран и Ирак. Одним из главных препятствий на пути монголов было государство "ассасинов" в горах Северного Ирана. Это государство было основано в 1090 г. шиитом-исмаилитом Хасаном Саббахом. Хасан Саббах организовал "орден" преданных ему террористов - *фидайи*, наводивших ужас на сельджукских султанов, багдадских халифов и европейских крестоносцев; последние и дали им название "ассасины", вошедшее во многие европейские языки со значением "убийцы", - от персидского слова *хашиши* - "любители хашиша", так как считалось, что фидайи опьянялись хашишем. Ассасины наводили ужас на многие страны региона, а после появления в Средней Азии монголов стали бороться и с ними. Хулагу-хан взял столицу ассасинов Аламут в 1256 г.

Существенную роль в сдаче Аламута монголам сыграл выдающийся математик, астроном XIII века Насир ад-дин ат-Туси (1201-1274), уроженец Туса в Хорасане. В возрасте около 30 лет, уже будучи известным астрономом, математиком и философом, ат-Туси попадает в государство ассасинов, сначала в Сертахт, где он в 1235 г. пишет свою зна-

менитую "Насирову мораль" (Ахлак-и Насири), а затем в Аламут, где в 1242 г. заканчивает комментарии к философскому труду Ибн Сины "Указания и предостережения". В 1248 г. ат-Туси заканчивает труды математике "Изложение Евклида" (Тахрир Уклюдис), астрономический труд "Изложение Альмагеста" (Тахрир ал-Маджисти) и целую серию аналогичных изложений различных трудов Евклида, Архимеда, Феодосия, Менелая и других античных математиков и астрономов. Во время осады Аламута монголами ат-Туси возглавляет заговор, в результате которого Аламут в 1256 г. сдается монголам, а сам ат-Туси становится придворным астрологом и советником Хулагу-хана.

Когда Хулагу-хан задумал поход на Багдад, его главный астролог Хусамад-Дин ас-Салар предсказывал неудачу этого похода. Однако ат-Туси предсказал Хулагу-хану удачу и во время осады Багдада вел с халифом переговоры о сдаче. Взятие Багдада Хулагу-ханом положило конец Багдадскому халифату. После взятия Багдада ат-Туси стал главным астрологом Хулагу-хана, а ас-Салар в 1262 г. был казнен за свое "багдадское пророчество". В это время ат-Туси поставил перед Хулагу-ханом вопрос о строительстве обсерватории, но расходы на это показали Хулагу-хану чрезмерно большими. Тогда ат-Туси предложил Хулагу-хану во время ночевки его войска в горах спустить с горы медный таз. Таз, падая, произвел большой шум и панику среди войска, и ат-Туси сказал Хулагу-хану: "Мы знаем причину этого шума, а войска не знают; мы спокойны, а они волнуются; также если мы будем знать причины небесных явлений, мы будем спокойны на земле" [1, с. 32]. Эти слова убедили Хулагу-хана, и он выделил на строительство обсерватории 20 тысяч динаров. Обсерватория была построена в столице Хулагу-хана Мараге. Хулагу-хан по просьбе ат-Туси распорядился чтобы всех ученых, которые попадали в руки его воинов, не убивать, а привозить в Марагу, туда же монголы свозили все попавшие в их руки рукописи и астрономические приборы. В результате в Мараге возникла мощная обсерватория, которая была первой астрономической обсерваторией в полном смысле этого слова; она была расположена в нескольких внушительных зданиях и располагала обширной библиотекой. Помимо доставленных сюда астрономических инструментов из других городов, были построены новые инструменты, изготовлением которых руководил Мукайяд ад-Дин ал-`Урди ад-Димашки из Дамаска. В числе инструментов обсерватории был стенной квадрант, армиллярные сферы и инструмент с двумя квадрантами для одновременного измерения горизонтальных координат двух светил. Ал-`Урди описал эти инструменты в "Трактате о способе астрономических наблюдений, о том, что необходимо для знания этого и действия с этим из методов, ведущих к познанию возвращений планет" (Рисала фи кайфиййа ал-арсадвамайухтадж ила `илмихива `амалихи мин ат-турук ал-муаддиййа ила маърифа `аудат ал-кавакиб) [2] (см. также [1, с. 199-211]). Марагинская обсерватория оказала исключи-

тельное влияние на обсерватории многих стран Востока, в том числе на обсерваторию в Ханбалыке (ныне Пекин) (об этом было рассказано ранее в ИАИ [3], см. также [1, с. 212-241]). Здесь работали философ Наджм ад-дин ал-Катиби ал-Казвини (ум. в 1277, философ и астроном Абу-л-Фарадж Йуханна ибн ал-`Ибри (1226-1286), известный в Европе под именем *Бар Хебреус*, автор многих трудов на арабском и сирийском языках, в том числе сирийского руководства по астрономии и географии "Вознесение дудха" (СуллакаХаунаанайа), уроженец Магриба математик Мухйи ад-Дин ал-Магриби (ум. ок. 1290), ал-`Урди, математик и астроном Шамсад-дин ас-Самарканди, выдающийся астроном Кутб ад-дин аш-Ширази и многие другие.

В Марагинской обсерватории ат-Туси уже при сыне Хулагу-хана Абака-хане (1265-1282), закончил "Ильханскийзидж" (Зидж-и Илхани) на персидском языке, названный в честь правителей династии Хулагу-хана, называвших себя *ильханами* -- "подчиняющимися великому хану" - непосредственному преемнику Чингиз-хана, правящему в Монголии и Китае. Здесь же ат-Туси написал по-арабски "Памятку по науке астрономии" (Тазкира фи `илм ал-хай'а), а также персидскую версию этого трактата "Му`инов трактат по науке астрономии" (ар-Рисала ал-Му`инийа фи `илм ал-хай'а), "Двадцать глав о познании астролябии" (Бист баб дар ма`рифат-и астурлаб), "Тридцать разделов о познании календаря" (Си фасл дар ма`рифат-и таквим) (последние два сочинения также написаны на персидском языке). Ат-Туси написал также большое число сочинений по математике, из которых отметим "Трактат о полном четырехстороннике" [4], настоящее название которого -- "Снятие покровов с тайн фигуры секущих" (Кашф ал-кина `ан асрараш-шакл ал-кита`), по логике и по теологии. "Фигура секущих", о которой говорится в названии упомянутого математического трактата,-- полный четырехсторонник; теорема об этой фигуре, также называемая по-арабски *шакл ал-кита`*, -- теорема Менелая, применявшаяся Птолемеем для решения ряда задач сферической астрономии. Трактат ат-Туси - один из первых трактатов, специально посвященных сферической тригонометрии, в которой доказываются как теоремы сферической тригонометрии, основанные на "фигуре секущих", так и "освобождающие" от теоремы об этой фигуре (теорема синусов). Трактат был написан по-персидски во время пребывания ат-Туси у ассасинов и по-арабски, в несколько сокращенном виде, в Мараге в 1260 г. В трактате упоминается трактат ас-Саларапо этому же вопросу, причем в персидской версии . Весьма возможно, что ат-Туси многое заимствовал из трактата ас-Салара; то же, по-видимому, относится к зиджуат-Туси и "Шахскомузиджу" ас-Салара, о котором Ф. Вейдлер, пользовавшийся в своей "Истории астрономии" (1741) недоступными нам ныне восточными источниками, писал: "*Ашшахи*[т. о. Зиджаш-шахи] -- таблицы, написанные на персидском языке, сокращением которых являются Ильханские таблицы" [5, с. 222].

Сравнивая же "Ильханский зидж" ат-Туси с его сохранившимися предшественниками, следует отметить значительно большую точность таблиц "Ильханского зиджа" по сравнению с предыдущими зиджами: например в зиджеат-Туси таблицы синусов и тангенсов даны впервые через 1 минуту с шестью шестидесятеричными знаками, исключительно полны и точны здесь таблицы долгот и широт городов, многие таблицы этого зиджа были заимствованы авторами последующих зиджей вплоть до Улугбека.

Особенно новаторским было изложение движения Луны и планет в "Памятке по науке астрономии" ат-Туси. Здесь прежде всего ат-Туси доказывает теорему о том, что если некоторый круг катится изнутри по окружности круга вдвое большего диаметра, вращаясь вокруг своего центра с угловой скоростью, вдвое большей угловой скорости его качания, то произвольная точка малого круга, перемещаясь от того положения, когда она была точкой касания, будет совершать прямолинейное движение вдоль одного из диаметров большого круга. Тем самым прямолинейное движение получается с помощью сложения двух кругов. Движение Луны ат-Туси объясняет с помощью шести сфер - сферы эпцикла, концентричной с ней "охватывающей сферы", "малой сферы", диаметр которой равен эксцентриситету орбиты Луны, т. е. расстоянию центра ее деферента от "центра мира", "большой сферы" вдвое большего диаметра, "сферы деферента", охватывающей все эти сферы, и "наклонной сферы", объясняющей движение Луны по широте, причем "малая сфера" катится по "большой сфере" в соответствии с условием теоремы. Аналогичным образом, но с соответственными изменениями, объясняются и движения планет. Наиболее интересным здесь является отказ от античной точки зрения о том, что небесные тела движутся только по круговым траекториям, а земные только по прямолинейным. Теорема ат-Туси впоследствии применялась многими астрономами, в том числе Коперником (см. [6, с. 268-273]).

Кутбад-Динаш-Ширази (1236-1311) был сыном ширазского врача, под руководством которого он изучал медицину. Приехав в Марагу, он стал изучать математику и астрономию под руководством ат-Туси и вскоре стал самым сильным из его учеников. Возросший авторитет и влияние аш-Ширази оказались не по вкусу его учителю, и отношения между ними обострились, что вынудило аш-Ширази покинуть Марагу. Работая врачом и судьей в разных городах Ирана и Малой Азии, он не терял связи с ильханами и после удачного выполнения дипломатического поручения Аргун-хана (1284-1291) в Египте аш-Ширази в 1297 г. вернулся в государство ильханов, столицу которого Махмуд Газан-хан (1295-1304) перенес в Тебриз. Здесь аш-Ширази возглавил обсерваторию, ставшую преемницей Марагинской обсерватории ат-Туси. В Тебризской обсерватории работали крупный математик и астроном Низам ад-дин ал-Хасан ан-Найсабури и оптик Камал ад-дин ал-Фариси. Важ-

нейшим трудом аш-Ширази был энциклопедический трактат "Жемчужина короны для украшения Дибаджа" (Дурраат-тадж ли гурра ад-Дибадж), посвященная эмиру Дибаджу, сыну правителя Гиляна. Этот труд был составлен по образцу "Книги исцеления" Ибн Сины и содержал изложения "Начал" Евклида и "Альмагеста" Птолемея. Важнейшими чисто астрономическими трудами аш-Ширази являются "Предел постижения в познании небесных сфер" (Нихайа ал-идрак фи дирайа ал-афлак) и "Шахский подарок по астрономии" (ат-Тухфааш-шахиййа фил-хай'а). Отметим также весьма популярные комментарии аш-Ширази к "Мудрости озарения" (Хикма ал-ишрак) Шихаб ад-Дина ас-Сухраварди (1154--1191). Астрономические трактаты аш-Ширази построены по тому же плану, что и "Памятка" ат-Туси, но отличаются от нее тем, что здесь предлагаются новые схемы движений планет; трактаты не повторяют друг друга, схемы движений планет в них различны возможно, что аш-Ширази остался недоволен своими схемами движений в первом трактате и предложил новые схемы во втором. Несомненно, что исследования аш-Ширази в этом направлении были стимулированы "Памяткой" ат-Туси, однако аш-Ширази отказывается от применения теоремы ат-Туси о сложении двух вращательных движений, представляя движения планет своеобразными шарнирными механизмами (см. [6, с. 273-277]).

Низам ад-дин ал-Хасан ал-Найсабури был автором весьма популярного "Солнечного трактата по арифметике" (ар-Рисалааш-шамсиййа фи-л-хисаб), "Раскрытия истин Ильхапского зиджа" (Кашф ал-хакаик Зидж Илхани) --лучших комментариев к этому зиджу, а также комментариев к другим трудам Насир ад-дина ат-Туси -- "Изложению Альмагеста", "Памятке", "Двадцати главам" и "Тридцати разделам", ему принадлежат также "'Ала ад-Диновзидж" (Зидж ал-'Ала'и) и трактат об льму-кantarатном квадранте (об этих квадрантах см. [7, с. 196]).

При Газан-хане, хане Улджайту (1304-1317) и султане Абу Саъиде (1317--1335) работал Шамс ад-дин Мухаммед ал-Вабканди ал-Бухари, автор "Уточненного султанского зиджа по принципам ильханских наблюдений" (аз-Зидж ал-мухаккак ас-султани `ала усул ар-расад ал-Илхани). Ал-Вабканди сообщает о своих наблюдениях планет в 1286, 1305 и 1306 гг. В работе над "Уточненным султанским зиджем" участвовал также ал-Хасан ас-Самнани, Хусайн Шаханшах(ум. в 1348), автор "Разъяснения Ильханского зиджа" (Таудих-и Зидж-и Илхани).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мамедбейли Г. Д.* Основатель Марагинской обсерватории Мухаммед Насриддин Туси.- Баку, 1961.
2. *Seemann H. J.* Die Instrumente der Sternwarte zu Maraghanach der Mitteilungen von al-'Urdu.--Sitzungsberichte der Phys.-Med. Sozietat, Erlangen, 1928, Bd. 40, S. 15-126.

3. *Мамедбейли Г. Д.* Марагинская обсерватория и Пекинская обсерватория XIII в.-ИАИ, 1957, вып. III, с. 517--530.
4. *Туси Мухаммед Насирэддин.* Трактат о полном четырехстороннике (Шакл-ул-гита); перев. под ред. Г. Д. Мамедбейли и Б. А. Розенфельда.- Баку, 1952.
5. *Weidler F.* *Historia astronomiae.-Vitembergae*, 1741.
6. *Рожанская М. М.* Механика на средневековом Востоке.-- М., 1976.
7. *Таги-заде А.* Квадранты средневекового Востока.-ИАИ, 1977, вып. X111, с. 183-200

INFLUENCE OF MARAGHA SCHOOL (XIII CENTURY) ON EUROPEAN SCIENCE AND THE ERA OF THE MIDDLE AGES

KH. MAKSADOV

Research associate

A. Donish Institute of History, archeology and ethnography
Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan

The article shows the contribution of Nasriddin Tusi in the scientific world, especially his achievements in astronomy and astronomical instruments. It was shown that Tusi is one of the founders of the basic sciences world.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МОГИЛЬНИКА ФАРХОР - ПАМЯТНИКА ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА ЮГЕ ТАДЖИКИСТАНА, ВЕСНОЙ 2014 ГОДА

БОБОМУЛЛОВ С., ВИНОГРАДОВА Н.М., БОБОМУЛЛОВ Б³

Статья посвящена археологическим исследованиям в Фархорском районе, в результате которых был сделан ряд интересных открытий. В этом году в местечке Чилтанбобо членам экспедиции удалось раскопать 11 погребений датируемых по погребальному инвентарю эпохой средней бронзы. Обнаруженные здесь многочисленные предметы - каменные гири, каменные жезлы, керамические модели домов, серебряные браслеты и керамические сосуды датируются концом 3 началом 2 тыс. до н. э. Открытый новый памятник является весьма важным для истории и археологической науки Таджикистана.

Ключевые слова: Южный Таджикистан, могильник Фархор, Чилтанбобо, сосуды, каменные «гири», «жезлы», бусины, серьги, погребения, II тысячелетие, эпоха бронзы.

С 2013 года экспедиция Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН Таджикистана под руководством С. Бобомуллова проводит полевые исследования на некрополе Фархор в Пархарском районе Хатлонской области. Самые интересные результаты были получены при обследовании возвышенности Уртобоз в местности Чилтанбобо на окраине г. Пархар. Это южная часть лессового массива Уртобоз на стрелке двух рек – Пянджа и Кызылсу. Высота массива над прилегающим к его основанию с юга и востока райцентром Пархар составляет 30-50 м. С севера на юг массив пререзает автомобильная дорога Душанбе-Фархор. Все холмы в местности Чилтанбобо сплошь покрыты современными могилами, по направлению север-юг протяженность кладбища составляет 550-600 м, с запада на восток – 300-350 м. При устройстве могил были обнаружены многочисленные предметы, датируемые эпохой средней бронзы (конец III – начало II тыс. до н.э.). Это изделия из камня: мраморные гири, «жезлы», сосуды из оникса, глиняная модель «дома», серебряные браслеты и керамические сосуды (Виноградова 2011:84-98; Бобомуллов и др. 2014: 39-47; Vinogradova 2014: 21-27). Всего на могильнике на склонах лессовых холмов, в местах, свободных от современных могил, было заложено восемь раскопов (рис. 1). В 2013 году в

---

³ Бобомуллов Саидмурод-д.и.н., заведующий отдел археологии Института истории, археологии и этнографии АН РТ.

Виноградова Наталия Матвеевна - канд. ист. наук, старший научн. сотр. Института востоковедения РАН,

Бобомуллов Бобомулло - научный сотрудник Национального музея древностей Таджикистана.

трех раскопах (№№ 1,2,3) было выявлено восемь погребений (№№1-8) эпохи средней бронзы (Бобомуллоев и др. 2014: 39-47). Весной 2014 года было открыто еще несколько раскопов (№№4,5,6, ба,7) и расчищено 12 могил (№№ 9-20)⁴. Геологическая стратиграфия на склонах, где были совершены захоронения, следующая: сверху на глубине 0,2 м от дневной поверхности идет дерновый и гумусный горизонт, далее следуют иллювиальный слой – толщиной 0,3 м и карбонатный – около 0,7 м (лесс с мелкими включениями известняка). Последний сменяется отложением чистого светло-коричневого лесса (рис. 2;6). В большинстве случаев захоронения совершены в слое чистого лесса. Заполнение погребальных камер по цвету почти не отличается от лесса, в котором они были выкопаны. Для некоторых захоронений в 2013 году была зафиксирована катакомбная конструкция могильных сооружений (Бобомуллоев и др. 2014: 40,41,43). С уровня древнего горизонта холма вертикально или под углом копали входную яму. Затем в ее стенке, обращенной к повышению склона, устраивали нишу для погребальной камеры, причем последняя оказывалась на большой глубине. Детские захоронения имеют ямную конструкцию и могилы находятся на небольшой глубине. Далее обратимся к описанию раскопов №№ 4,5, 6 и ба, открытых весной 2014 года.

Раскоп 4 (рис. 2) находится в юго-западной части современного кладбища, в 97 м северо-восточнее раскопа 2 (рис. 1). В результате раскопок были обнаружены три погребения №№9,10,11.

Погребение 9 обнаружено на глубине 2,1 м от дневной поверхности в слое чистого лесса (рис. 3А). Конструкция могильной ямы не прослеживается. Судя по глубине залегания скелета могила могло быть с входной ямой и подбоем для захоронения. Размеры погребальной камеры примерно 1,3х0,9м. Скелет лежит на правом боку в скорченном положении, головой ориентирован на СЗ; руки согнуты в локтях перед лицом. За затылком около шейных позвонков была найдена агатовая бусина (рис. 3А,1) и у грудной клетки – подвеска из полосчатого известняка (рис. 3А,2)⁵. По определению антрополога Н.А.Дубовой скелет принадлежал грацильной женщине 35-45 лет. Антропологический тип определяется как средиземноморский вариант.⁶

Погребение 10 (рис. 3Б) открыто на глубине 2,0 м от дневной поверхности. Конструкция могильной ямы, как и в погребении 9, не прослеживается. Размеры погребальной камеры 1,5х0,9м. Скелет лежит на правом боку в скорченном положении, головой на СЗ; руки согнуты в

---

⁴ В статье не рассматриваются материалы погребения 20 раскопа 7, которые относятся к эпохе поздней бронзы.

⁵ Все определения камней выполнены в Центральной лаборатории Управления геологии Таджикистана Искандаровым Ф.Ш.

⁶ Все антропологические обследования выполнены Н.А. Дубовым, сотрудником Института этнологии и антропологии РАН.

локтях перед лицом. У таза погребенного расчищено скопление бус: 43 каменных бусины бочковидной формы из известняка с прожилками кальцита (рис. 3Б,5), две бусины бабочковидной формы (butterfly-shaped beads) из бирюзы (рис. 3Б,1,2) и три бусины продолговато-удлиненной формы из песчаника (рис. 3Б,3,4). Череп, по определению Н.А.Дубовой, был посмертно деформирован. Костяк принадлежал женщине 25-35 лет, скорее всего средиземноморского облика с относительно невысоким лептопрозопным лицом.

Погребение 11 (рис. 4) обнаружено на значительной глубине - 2,5 м от дневной поверхности. Могила могла быть с входной ямой и подбоем для захоронения. О существовании дромоса косвенно свидетельствует находка каменной стрелы из халцедона (L =4,5; S=1,5см)⁷, которая была найдена в северо-западной части раскопа за границами погребальной камеры (рис. 4,7). Примерные размеры погребальной камеры могут быть не меньше, чем 1,5x1,6 м. Захоронение – парное, оба скелета лежат в скорченном положении, головой на СЗ-З. Скелет №1 лежит на правом, скелет №2 - на левом боку. Кости, погребенного на правом боку, по определению Н.А.Дубовой, принадлежат мужчине 25-35 лет. За затылком этого скелета найдена большая бусина под прямоугольной формы, двояковыпуклая в поперечном сечении из агата (рис. 4,2). Второй скелет (№2) принадлежит женщине также 25-35 лет. Здесь погребальный инвентарь намного богаче, чем в мужском захоронении. За спиной скелета найдены пряслице округлой формы из известняка (рис. 4,3) и алебастровые пронизи (рис. 4,6а,6б) цилиндрической (16 шт.) и бочковидной формы (1 шт.). Около груди расчищены крупная агатовая пронизка (L=2,2; S=1,9см) подовальной формы, двояковыпуклая в поперечном сечении (рис. 4,1) и около шейных позвонков – крестовидная бусина из лазурита и 13 бусин из агата бочковидной формы (рис. 4,4а,4б). У таза скелета встречаются мелкие бусины – бисер из бирюзы и лазурита (рис. 4,5а,5б), всего 158 шт.

Раскоп 5 находится в северо-западном углу кладбища, в 315 м севернее раскопа 4 (рис. 1). Здесь открыто только одно погребение №12 (рис. 2).

Погребение 12 (рис. 5) обнаружено на глубине 1,6 м от дневной поверхности. Конструкция могильной ямы не прослеживается. Предположительные размеры погребальной камеры 1,65x1,3 м. Захоронение – парное, оба погребенных найдены в скорченном положении, головой на З. Скелет (№1) лежал на правом боку и был несколько смещен при подзахоронении второго умершего. Весь погребальный инвентарь в могиле связан именно с этим скелетом. В ногах находился лепной горшок (H=14; D=15,5; d1=12,5; d2=8,6см) плохого обжига с примесью в тесте шамота и

---

⁷ L – длина, S – ширина бусины.

известняка (рис. 5,2)⁸. Рядом с горшком лежали обломок ножа (рис. 5,4) и баранья кость. У шеи найдена большая подвеска (L =4,7; S=3,4 см) усеченно-овальной формы из агата (рис. 5,1). Под костями рук погребенного расчищены каменная стрела (L =3,6; S=1,6 см) из кремня (рис. 5,7), две бусины из агата (рис. 5,3,5), одна – песчаника (рис. 5,6) и бусы из алебастра - 11 шт. (рис. 5,8).

По определению Н.А. Дубовой скелет № 1 – женский 25-35 лет⁹. По ее мнению обращает на себя внимание небольшая уплощенность верхней части лица, т.е. общий облик черепа сближается с расовым типом населения среднеазиатского междуречья.

Второй скелет лежал на левом боку с согнутыми в локтях руками. Антропологически определяется, как женский скелет, 25-35 лет. Погребальный инвентарь отсутствует.

Раскоп 6 (рис. 1;6) заложен на грунтовой дороге в северной части кладбища, в 360 м северо-западнее раскопа 4 и 210 м восточнее раскопа 5 (рис. 1). Здесь открыто три погребения № № 13,14 и 15.

Погребение 13 (рис. 10) обнаружено на глубине 2,1 м. от современной дневной поверхности. На дне могильной ямы (1,1x0,9 м) расчищено захоронение со скелетом очень плохой сохранности. Он лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Около шейных позвонков погребенного расчищены пронизки бочковидной формы из гипса - 14 шт. (рис.7,1), агата (рис. 7,3) и одна бусина усечено-ромбовидной формы из ракушечника (рис. 7,4). Около груди скелета было найдено каменное навершие из известняка (рис. 7, 2) и две гальки.

Погребение 14 (рис. 8) открыто на глубине 2,0 м от современной дневной поверхности. Конструкция могильной ямы не прослеживается. Размеры погребальной камеры 1,45x1,40 м. В могиле расчищен скелет в скорченном положении на правом боку, головой на СЗ. Руки согнуты в локтях и кисти рук покоятся на коленях. Перед лицом умершего человека стоял небольшой лепной сосуд с примесью шамота в тесте (H=3,8; d1=4,5; d2=3,5 см), на котором лежала косметическая бронзовая лопаточка (L=17 см), рис. 8,1. Около рук найдено каменное навершие из гипса (рис. 8,3) и четыре бусины из агата (рис. 8,6) и известняка (рис. 8,4,5,7). По антропологическому определению пол скелета определяется как мужской, возраст от 20 до 30 лет.

Погребение 15 (рис. 9А) открыто на глубине 1,8 м от современной дневной поверхности. Примерные размеры могильной ямы 1,5x1,5 м. Погребение в древности было разграблено. Костяк разбит на мелкие фрагменты. По всей камере разбросаны фрагменты керамики и многочисленные

---

⁸ D – диаметр тулова, d1 – диаметр венчика, d2 – диаметр дна, H – высота.

⁹ Преимущественное положение мужских костяков на правом боку, особенно в парных захоронениях, а также наличие в наборе погребального инвентаря ножа и каменной стрелы позволяет предположить, что это могло быть мужское захоронение.

бусы разной формы. После реставрации из черепков удалось склеить сосуд (рис. 9А,1). Он – гончарный, горшковидной формы с легким подкосом, глина светлокориценая с примесью песка и слюды ($D = 22$, $d_1 = 11$, $d_2 = 8$, $H = 20,6$ см). На внешней поверхности сосуда сохранились следы красного ангоба и горизонтального лощения. Бусы представлены различными формами: крупная бочковидная пронизка из агата (рис. 9А,2), небольшие бусины бочковидной (6 шт.) или чечеvidной формы (11 шт.) и одна цилиндрическая пронизка (рис. 9А,3-5).

Раскоп ба находится в 25 м западнее раскопа б (рис. 1;6). Здесь открыто четыре могилы (№№ 16,17,18 и 19).

Погребение 16 (рис. 9Б) раскопано на небольшой глубине 0,95 м. от современной дневной поверхности. Конструкция погребения не прослеживается, скорее всего это захоронение в яме. Размеры могильной ямы не установлены. Скелет - детский или подростковый, сохранился очень плохо. Судя по положению ног и фрагментам черепа в могиле, умерший лежал на правом боку. У головы расчищена крупная агатовая бусина бочковидной формы (рис. 9Б,1). В области шейных позвонков найдены две гальки и биконическое пряслице из известняка (рис. 9Б,2). У ног лежали бусины из гипса крестовидной и ромбовидной формы (рис. 9Б,3,4), всего 16 штук.

Погребение 17 (рис. 10) обнаружено на значительной глубине - 2,5 м. от дневной поверхности. Конструкция могильной ямы не прослеживается. Могила, скорее всего, была с входной ямой и подбоем для захоронения. Погребальная камера размером 1,10x1,25 м. На дне могилы расчищен скелет в скорченном положении на правом боку, головой СЗ. Руки согнуты в локтях, правая лежит у головы, левая – у пояса погребенного. У рук было расчищено бронзовое зеркало ($D = 6,7$ см), круглое, несколько вогнутое (рис. 10,1). Около таза найден бронзовый обломанный стержень от косметической лопаточки (рис. 10,2) и перед лицом умершего лежала галька из местного камня – эффузив (рис. 10,4). На небольшом расстоянии от гальки расчищено навершие из алебаstra (рис. 10,3) и несколько бусин чечеvidной и дисковидной формы (рис. 10,5-7). По определению Н.А.Дубовой общий облик посткраниального скелета свидетельствует, что костяк принадлежал грацильной женщине 30-40 лет средиземноморского типа.

Погребение 18 (рис. 11) открыто на глубине около 2 м от современной дневной поверхности. Конструкция могильной ямы не прослеживается. Погребальная камера значительных размеров 1,2x1,8 м. В могиле лежал скелет в скорченном положении на левом боку, головой на З. Руки согнуты в локтях, левая кисть руки лежит у головы, правая – у пояса. Перед лицом находился гончарный сосуд баночной формы с покрытием белым ангобом с внутренней и внешней стороны ($D=14$; $d_1=13,8$; $d_2=13$; $H=11$ см), рис. 11,1. Рядом с сосудом находилось бронзовое зеркало ($D = 6,4$ см), круглое, вогнутое, как в погребении 17 (рис. 11,2). За головой

расчищены россыпи бус из агата (7 шт., рис. 11,6а), бирюзы (1 шт., рис. 11,6б), сердолика (5 шт., рис. 11,6в) и золота (1 шт., рис. 11,6в). На запястье ног открыты многочисленные бусы из алебастра крестовидной (41 шт., рис. 11,3а) или ромбовидной формы (43 шт., рис. 3б,3в). За спиной скелета лежал каменный светильник прямоугольной формы с орнаментом прорезанных кругов (L=9,5 см; D=3,8x3,1 см) и крышкой (рис. 11,5). В светильнике высверлено отверстие для масла глубиной 3,5 см и диаметром 1,4 см. Рядом со светильником найдена бронзовая косметическая палочка с навершием в виде лопаточки (L=14 см), рис. 11,4. У ног скелета расчищен венчик лепного сосуда с поправкой на кругу и с углубленным зигзагообразным орнаментом (рис. 11,7). Внешняя поверхность покрыта красным ангобом, в глине примесь шамота (рис. 11,7). Около шейных позвонков найдено каменное навершие из гипса и подвеска из известняка (рис. 11, 8,10). Костяк принадлежал женщине 40-50 лет.

Погребение 19 (рис. 12) раскопано на большой глубине - 2,4 м. от дневной поверхности. Конструкция могильной ямы не прослеживается. Судя по глубине залегания погребения, могила могла быть с входной ямой и подбоем для захоронения. Погребальная камера размером 1,15x1,7м. На дне могилы расчищен скелет в скорченном положении на правом боку, головой на ЮЗ. Руки согнуты в локтях, кисти рук находятся перед грудью. В погребении имеется богатый сопровождающий инвентарь. За спиной погребенного расчищен каменный «жезл» из песчаника (L= 65 см). Он представляет собой удлинённый, плавно суживающийся к обоим концам предмет с круглым в поперечнике сечением. Диаметр центральной части изделия составляет 7,5 см, вес «жезла» - 5,900 г (рис. 12, 18). У лобной части погребенного найдена крупная пронизка миндалевидной формы из агата, длиной 4,7 см (рис. 12, 12). Другие вещи, сопровождающие покойного, располагались следующим образом: около предплечья скелета - два каменных округлых навершия из известняка (рис. 12,10,11), около колен – кости животного (ребра) и бронзовый двулезвийный нож (рис. 12,14). Клинок ножа листовидной, удлинённой формы (длиной > 15,5 см, наибольшая ширина – 3,7 см. Черенок ножа – плоский, прямоугольной формы (длина 3,5 см, ширина – 2,7 см). Нож найден рядом с костями животного (барана?), то есть был положен в могилу вместе с мясной пищей. Рядом лежали каменный светильник из гипса с крышкой (рис. 12,1,4). Светильник - подпрямоугольной формы, чуть расширяющийся кверху (H = 7,8 см; D верх. части = 3,2x2,9 см; D нижн. части = 2,8x2,5 см). Крышка (3x2,5 см) с небольшим отверстием для фитиля закрывалась сверху небольшими кольцевидными (рис. 12,5,6) и круглыми крышечками (рис. 12,2,3). Емкость для горючего вещества неглубокая – 2,5 см. На стенках светильника имеются изображения прорезных кругов с округлыми углублениями в центре (рис. 12,1). Рядом со светильником найдена бронзовая косметическая палочка с навершием в виде лопаточки (L=15 см), рис.12,15.

Кроме того, у покойного были найдены бусы на ногах: три бусины на правой ноге и 13 бусин на левой. Одна бусина подквадратной формы сделана из бирюзы (рис. 12,8), другие бусы бочковидной формы, удлиненные или короткие, изготовлены из агата (рис. 12,7,9), оникса (рис. 12,16) или песчаника с примесью кальцита (рис. 12,17). Еще одна бусина из гипса находилась у края погребальной ямы в юго-восточной части. Под тазом погребенного был расчищен обломок наконечника кремневой стрелы (рис. 12,13).

Антрополог Н.А. Дубова определяет антропологический тип черепа костяка как восточно-средиземноморский. Скелет принадлежал мужчине 35-45 лет.

Некоторые итоги. Раскопы, заложенные весной 2014 года, находятся на значительном расстоянии друг от друга: раскоп 4 - 315 м от раскопа 5 и в 360 м от раскопов 6, 6а. Раскоп 5 расположен в 210 м от раскопов 6 и 6а. Кроме того, все раскопы находятся на разных холмах и поэтому пока трудно заключить, относятся ли погребения к разным могильникам или одному большому некрополю. Захоронения ничем не отмечены на древней поверхности холма. Могила не перекрывают друг друга, причем каждая из них отделена от другой расстоянием от 1 до 4 м. Глубина залегания захоронений (до 2–2,5 м от современной дневной поверхности) позволяет предположить подбойно-катакомбную конструкцию погребальных сооружений. Это подтверждается катакомбной конструкцией могилы 4 раскопа 1 (Бобомуллоев и др. 2014: 40-41). Для детских захоронений характерно погребение в ямах (погр.16) на небольшой глубине. Покойники похоронены в скорченном положении. Мужчины лежали на правом боку, женщины – на левом и в некоторых случаях – на правом. Устойчивая ориентировка умерших не наблюдается, доминирует СЗ или СЗ-З направление. В двух могилах (погр. 11,12) обнаружены двойные захоронения. В погребении 11 - захоронения мужчины и женщины и в могиле 12 погребены, по определению антропологов, две женщины. В обоих случаях кости одного из скелетов несколько смещены (рис. 4,5), что может свидетельствовать об их последовательном захоронении через небольшой промежуток времени. По инвентарю хронологических различий не наблюдается. В двух случаях в могилах (погр. 12, 19) присутствуют кости животного (барана?) и рядом был положен нож. Погребальный инвентарь располагается около головы, шейных позвонков, рук, таза, ног и за спиной. В могилу помещали керамику (по одному сосуду - погр. 12,14,15,18), металлические и каменные изделия – ножи (погр. 12,19), косметические лопаточки (погр. 14, 17, 18, 19), зеркала (погр. 17,18), светильники (погр. 18,19), «жезлы» (погр. 19), каменные навершия (погр. 13,14,17,18,19), прясла (погр. 11,16), наконечники стрел (погр. 11, 19), гальки (погр. 13,16,17). В каждом погребении имеются многочисленные бусины, пронизки, подвески из лазурита, агата, бирюзы, сердолика и золота (одна бусина из погр. 18), известника, песчаника и алебаstra.

Перейдем к рассмотрению археологического материала, найденного в захоронениях. Особое внимание здесь будет уделено культурно-хронологическому аспекту. Погребальный инвентарь погребений 9,10 (раскоп 4) состоит только из бус. В могиле 11 кроме бус найден каменный наконечник стрелы из халцедона и пряслице из известняка. Из этих находок особый интерес представляют две бусины из бирюзы бабочковидной формы (рис. 3,1,2). Эта форма впервые появляется в фархарских погребениях Южного Таджикистана. Сходные изделия известны из некрополя А Шахдада в Иране. Они сделаны из лазурита и металла (Накеми 1997: 656, Нб.1; 658, Нд.3). Аналогии этим бусам имеются также в Гиссар ШС (Schmidt 1937: Pl. LXVII, Н 3593). Другая форма бус крестовидной формы из лазурита была найдена в погребении 11 около шейных позвонков (рис. 4,4а). Подобные крестовидные бусины из алебаstra (квадратные со ступенчато вырезанными краями) были открыты в сопровождающем инвентаре других могил фархарского некрополя - погребения 16 и 18 (на ногах – 43 шт.). Аналогии крестовидным бусам имеются прежде всего в материалах южных земледельческих памятников: Туркмении - Алтын-депе (Кирчо 2005: 391, рис. 22), Пархай II (Хлопин 2002: 63, табл. 94,4); Северного Афганистана – разграбленные могильники (Сарианиди 1979: 25, рис. 1; Amiet 1977:102, fig. 12). Как импорт из южных областей встречается в могильнике Заманбаба в низовьях р. Зеравшан в Таджикистане (Гулямов и др. 1966: 154, рис. 48; табл. VIII, XX).

Далее обратимся к материалам раскопа 5 (рис. 1), который находится на другом холме и заметно удален от раскопа 4. Здесь было открыто только одно парное погребение 12. В могиле среди погребального инвентаря имеется большая агатовая бусина и каменная стрела из кремня, как в погребении 11. Крупные бусины (амулеты), найденные у головы или груди погребенных, широко известны на памятниках земледельческих культур (Кирчо 2005:419; Sarianidi 2007: 120, fig. 227). Как импорт встречаются и в могильниках степной бронзы (Мандельштам 1968, табл. XX,3; XXI,9; Гулямов и др. 1966, табл. XXa,14). Каменные наконечники стрел могильника Фархор имеют миндалевидную форму, с обеих сторон поверхности обработаны ретушью. Следов крепления наконечника к древку не обнаружено. По своей форме и способу обработки эти стрелы находят ближайšie аналогии на юге Средней Азии и Афганистана (Кирчо 2005: 338, рис.21,50; Сарианиди 1976: 79, рис.49,17-21). Некоторые параллели можно провести с каменными стрелами культуры Заманбабы (Гулямов и др. 1966: табл. XIX, 4,8). Особый интерес представляет находка лепного горшка вместе с обломком бронзового ножа и костями барана (рис. 5,2). Наиболее близкие аналогии этому сосуду по форме, составу примесей в тесте имеются среди посуды группы VI могильника Заманбаба (Гулямов 1966: табл. XIVБ,1,7) и в какой-то степени некоторые параллели можно привести с лепной керамикой Раннего Тулхарского могильника (Мандельштам 1968: 151, табл. X,8 - ямы со спуском).

Раскоп 6 находится в 210 м восточнее раскопа 5 (погр. 13,14,15). Здесь особое внимание привлекают находки из погребения 14, где перед лицом умершего находился небольшой лепной сосуд с примесью шамота в тесте и косметическая бронзовая лопаточка (рис. 8,1). Сосуд – плоску усеченно-конической формы с расширяющимися кверху стенками и срезанным венчиком можно сравнить с лепной керамикой Раннего Тулхарского могильника (Мандельштам 1968: 151, табл. XVI,6 - ямы со спуском). Косметические стержни с навершиями различной формы имеют широкий круг аналогий на памятниках земледельческого круга Южного Туркменистана, Афганистана, Ирана и существуют в широком хронологическом диапазоне с конца IV тыс. до н.э. до начала II тыс. до н.э. (Алексин 2010: 34-43). В некоторых случаях их находят внутри металлического или керамического косметического флакончика (Алтын-депе - Кирчо 2005: 372; Гонур - Sarianidi 2007: 93, fig.116-117). Наш стержень с навершием в виде лопаточки можно сравнить с подобными находками из Алтын-депе (Кирчо 2005: 350, рис. 4,5), Дашлы 3 (Сарианиди 1976: 81, рис. 51,1; Сарианиди 1984: 26, рис. 18,14), Сапаллитепа (Аскарлов 1973: 164, рис. 26,29,32). Аналогичные предметы, скорее всего как привозные изделия, были найдены в погребениях степных культур в Раннем Тулхарском могильнике (Мандельштам 1968: 149, табл. VIII,3,4) и Заманбабе в низовьях Зеравшана (Гулямов и др. 1966: табл. XVI,1-5,10,18).

Погребение 15 было сильно разрушено, но удалось определить форму сосуда (рис. 9А,1). Он – гончарный, горшковидной формы с легким подкосом, глина светлорыжеватая с примесью песка и слюды. На внешней поверхности сосуда сохранились следы красного ангоба и горизонтального лощения. Наиболее близкие аналогии этому сосуду находим в Дашлы 1 (Сарианиди 1977: 62, рис. 25,4), Дашлы 3 (Francfort 1989: 359, fig. 41) и поздних погребениях могильника Гонур (Sarianidi 1998: 39, fig. 12).

Особенно интересные результаты были получены на раскопе 6А, который находится в 25 м западнее раскопа 6 (рис. 1;6). Здесь открыто четыре могилы (№№ 16,17,18 и 19). Погребение 16 было разграблено. Примечательны находки бусин из гипса крестовидной и ромбовидной формы на ногах погребенного (рис. 9Б,3,4). Аналогии крестовидным формам были приведены ранее для погребения 11. Ромбовидные бусы также находят многочисленные аналогии на памятниках земледельческих культур: Алтын-депе (Кирчо 2005: 387, рис. 20,21), Гиссар III (Schmidt 1937: pl. LXIX, H3698), Шахдад - некрополь А (Nakemi 1997: 656, Hb6), Сапаллитепа (Аскарлов 1973: 95, рис.47). Как привозные изделия встречаются на памятниках степной бронзы в бассейне р. Зеравшан: Заманбаба (Гулямов и др. 1966: 154, рис. 48,5), сакральный комплекс Жуков (Аванесова 2008: 26, рис. 4,2,3).

В погребении 17, как и могилах 13, 16, вместе с сопровождающим инвентарем около головы и груди погребенного были найдены гальки из

местного камня (рис. 10,4). Такой обряд захоронения характерен для погребальных памятников вахшской и бешкентской культур - Гелот (Виноградова и др. 2012: 143) и Ранний Тулхарский могильник (Мандельштам 1968, с.65). Н.Н. Скакун на основании остатков красной охры на гальках из Гелота определила эти предметы, как краскотерки. В могиле 17 найдены два металлических предмета стержень от косметической лопаточки и зеркало без ручки (рис. 10,1,2). Подобные зеркала имеют большой хронологический диапазон от периода среднего энеолита до раннего железного века и широкий круг аналогий среди земледельческих и степных культур (Кирчо 2005: 406; Kaniuth 2006: 72-73).

Особый интерес представляют погребения 18 и 19, где имеется особенно богатый сопровождающий инвентарь. В женском захоронении 18 были найдены гончарный сосуд баночной формы с белым ангобом по всей поверхности и фрагмент венчика лепного горшка с прочерченным орнаментом в форме зигзага (рис. 11,1,7). Для баночного сосуда с почти вертикальными стенками ближайšie аналогии находим в гончарной посуде астрабадской культуры северо-восточного Ирана (Станкевич 1978: рис. 26,71А). Другие параллели несколько отличаются от нашего экземпляра несколько вогнутыми внутрь стенками сосуда: Дашлы 3 (Francfort 1989: 356, fig. 38), Гиссар III (Schmidt 1937: Pl. LVII, H 2381), Гонур 1 (Сарианиди 1990: 215, табл. X,10). Среди лепной керамики похожие формы встречаются в Раннем Тулхарском могильнике (Мандельштам 1968: 152, табл. XI,8), в Маконимор (P'jankova et al.: 118, Abb. 23,7). Другой фрагмент сосуда из этого погребения - венчик лепного сосуда с поправкой на круг и с углубленным зигзагообразным орнаментом; внешняя поверхность покрыта красным ангобом, в глине имеется примесь шамота (рис. 11,7). Судя по указанным выше характеристикам этот фрагмент может быть отнесен к земледельческой лепной посуде. Орнамент углубленными линиями в форме зигзага или нанесенного с помощью техники лощения довольно часто встречается на памятниках астрабадской культуры северо-восточного Ирана (Станкевич: 1978, рис. 22): Гиссар III (Schmidt 1937, Pl. XXXVIII, H2586; XL, H5231), Шах-тепе (Arno 1945: 185, fig.351).

Кроме указанных выше предметов в могиле 18 были еще найдены каменный светильник с крышечкой, бронзовая косметическая палочка с навершием в виде лопаточки и многочисленные бусы крестовидной и ромбовидной формы. Каменный светильник с крышечкой впервые появляется в инвентаре фархорских погребений (рис.11,5). На стенках со всех четырех сторон имеются изображения трех прорезанных кружков. Наиболее близкие аналогии нашему светильнику можно найти на Алтын-депе - погребение 828 времени раннего Намазга IV (Кирчо 2005: 350, рис. 4,23). На квадратном в поперечном сечении светильнике – факеле, по терминологии Л.Б.Кирчо, на каждой стороне изображен орнамент из четырех прорезанных кружков. Г.Ф.Коробкова после изучения этого светильника под микроскопом установила, что кружки прорезаны циркуль-

ным резцом (Кирчо 2014: 70). По заключению Л.Б. Кирчо светильники на Алтын-депе представлены почти исключительно в погребениях и культурных слоях ранней бронзы (на раннем этапе средней бронзы найден единственный экземпляр в погр. 893) и являются типичным признаком комплекса времени Намазга IV (Кирчо 2005: 452). На стенках каменных косметических флаконов¹⁰ памятников Ирана, Южного Туркменистана и Афганистана часто имеются изображения прорезанных кружков: Гонур (Sarianidi, Dubova 2013: 193), Гиссар IIIС (Schmidt 1937, Pl. LX, H3498; 217, fig. 130), Шахдад- некрополь А (Nakemi 1997: 618,619), из разграбленных могил в Северном Афганистане (Amiet 1977: 97, fig. 7,4).

Самый богатый сопровождающий инвентарь был открыт в погребении 19 (рис. 12). В могиле наряду с другими вещами (бусы, напершия, обломок стрелы) у колен погребенного (мужчины) лежали кости животного, бронзовый нож, светильник с орнаментом прорезных кругов и бронзовая косметическая лопаточка. За спиной лежал каменный «жезл» из песчаника. Бронзовый двулезвийный нож (рис. 12,14) с клинком листовидной формы и плоским черенком прямоугольной формы находит многочисленные аналогии на земледельческих памятниках Центральной Азии и Ирана (Kauniuth 2006: 96,97) и датируется в широком хронологическом диапазоне (Намазга III- НамазгаVI).

Каменный жеzl впервые найден в Южном Таджикистане *in situ* (рис. 12,18). Каменные «жеzлы» часто находят на поверхности холмов, занимаемой могильником Фархор. Несколько «жеzлов» из серого сланца было выявлено на могильнике Гелот (Виноградова и др. 2009: 41) и в долине р. Кызылсу (Виноградова и др. 2003: 108, рис. 5, 3). Все эти находки обнаружены вне погребального контекста. На поселении Алтын-депе «жеzлы» выявлены в «святилище» и в погребении № 362 – «посох» (Кирчо 2005: 415). Эти предметы встречаются также в слоях Гиссара IIIВ (Schmidt 1937: 222, pl. LXIV, H 2894) и в погребальных комплексах Белуджистана (Кирчо 2005: 415).

Приводимые выше аналогии предметам погребального инвентаря захоронений позволяет сделать вывод о связях древнего населения Фархора с земледельческими племенами юга Средней Азии (Алтын-депе, Гонур), Ирана (Гиссар IIIС, Шахдад) и Афганистана (Дашлы 1, 3).

Могильник Фархор – один из самых ранних памятников эпохи бронзы (периоды Намазга IV – Намазга V) на территории Южного Таджикистана. Эта территория всегда рассматривалась исследователями в качестве окраины по отношению к основным центрам существования цивилизации древневосточного типа. Новые материалы свидетельствуют о возможном формировании здесь в конце III-начало II тыс. до н.э. еще одного локального центра бактрийско-маргианской цивилизации, которая синтезирует в своей культуре месопотоамо-эламские эталоны с местными

---

¹⁰ По форме они очень напоминают светильники.

бактрийскими традициями. П. Амье писал об определенном воздействии Элама («второго Шумера») на сложение бактрийской цивилизации. «Граница сферы влияния Элама, сначала находившаяся в Восточном Иране, продвинулась до Бактрии» (P. Amiet 1990: 135).

Материалы погребений Фархора позволяют также проследить контакты с населением культур степной бронзы Таджикистана – могильник Заман-баба, Ранний Тулхарский могильник (ямы со спуском), некрополи Гелот и Дарнайчи. Частично это подтверждается антропологическими исследованиями. По заключению Н.А.Дубовой костные останки 11 индивидуумов, происходящие из 8 погребений, характеризует общая грацильность и бесспорная европеоидность облика. Несколько большей массивностью отличается скелет из погребения 19. На общем фоне выделяется скелет 1 из погр. 12. По ее мнению обращает на себя внимание небольшая уплощенность верхней части лица, т.е. общий облик черепа сближается с расовым типом населения среднеазиатского междуречья. Археологические материалы Фархора свидетельствуют о тесных контактах местных земледельцев с носителями степных культур и возможно формировании в этой контактной зоне этнокультурных групп со смешанным населением – исконно оседлыми жителями культурных оазисов и полукочевыми племенами. В погребальном инвентаре могильника Фархор впервые встречаются керамические формы, свидетельствующие о древнейшем появлении на юге Таджикистана вахшской культуры (Бобомуллоев и др. 2014: 42).

Литература

Аванесова, Джуракулова 2008 – *Аванесова Н.А., Джуракулова Д.М.* Древние номады Зеравшана // Культура номадов Центральной Азии. Самарканд, 2008. С. 13-33.

Алёкшин 2010 – *Алекшин В. А.* Металлические косметические стержни Алтын-депе с навершием в виде лопаточки // Древние культуры Евразии. Спб. С.34-43.

Аскарлов 1973 – *Аскарлов А. А.* Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973. 172 с.

Бобомуллоев и др. 2014 – *Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б.* Некрополь Фархор – новый памятник эпохи средней бронзы Таджикистана // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2014. №3 (235). С. 39-47.

Виноградова и др. 2003 – *Виноградова Н. М., Гётцельт Т., Пьянкова Л. Т.* Археологическая разведка в бассейне реки Кызылсу (Южный Таджикистан) // Российская археология. 2003. № 1. С. 103–115.

Виноградова и др. 2009 – *Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д.* Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы в Хатлонской области в 2007 г. // АРТ. 2009. Вып. 33. С. 35–66.

Виноградова 2011 – *Виноградова Н. М.* Памятники эпохи средней бронзы

в Юго-Западном Таджикистане // Вестник древней истории. 2011. № 4. С. 84–98.

Виноградова и др. 2012 – *Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д., Тойфер М.* Археологические исследования могильника Гелот в 2009 году // АРТ. 2012. Вып. 35. С. 136–166.

Гулямов и др. 1966 – *Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент: ФАН, 1966. 266 с. (Труды Махандарьинского отряда Узбекстанской археологической экспедиции АН Узбекской ССР. Кн. 1).

Кирчо 2005 – *Кирчо Л. Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // Масон В. М., Березкин Ю. Е. (ред.). Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы средней Азии (погребения Алтын Деде). СПб.: Нестор-История, 2005. Ч. II. Гл. 3. С. 347–421 (Тр. ИИМК РАН. Т. 16).

Кирчо 2014 – *Кирчо Л. Б.* Изделия из камня и источники сырья в период ранней бронзы (по материалам Алтын-деде, Южный Туркменистан) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культуругенез, религиозные воззрения. СПб. 2, 2014. С.62-85 (Труды ИИМК РАН, т.XLII).

Мандельштам 1968 – *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л.: Наука, 1968. 184 с. (МИА. № 145).

Сарианиди 1976 – *Сарианиди В.И.* Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. М.: Наука, 1976. С. 21–86.

Сарианиди 1977 – *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977. 172 с. (Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг.).

Сарианиди 1979 – *Сарианиди В. И.* К вопросу о культуре Заманбаба // Виноградов А. В. и др. (ред.). Этнография, археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 23–28.

Сарианиди 1984 – *Сарианиди В. И.* Раскопки монументальных зданий на Дашлы-3 // Древняя Бактрия. М.: Наука, 1984. С 5-32.

Сарианиди 1990 – *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад. 1990. 313 с. 1990.

Сарианиди 2001 – *Сарианиди В. И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. 244 с.

Станкевич 1978 – *Станкевич И. Л.* Керамика Южной Туркмении и Ирана в бронзовом веке // Гафуров Б. Г., Литвинский Б. А. (ред.). Древность и средневековые народы Средней Азии. М.: Наука, 1978. С. 17–31.

Хлопин 2002 – *Хлопин И.Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002. 334 с.

Amiet 1977 – *Amiet P.* Bactriane proto-historique // Syria. 1977. Т. 54. Fasc. 1–2. P. 89–121.

Amiet 1990 – *Amiet P.* Antiquities of Bactria and Outer. Iran in the Louvre Collection. – G.Ligabue, S.Salvatori(изд). Bactria – an ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan. Venedig, 1990. С. 127-152.

Arne 1945 – *Arne T.J.* Excavations at Shah Tepe, Iran. Stockholm. 1945.

- Francfort 1989** – *Francfort P.-H.* Fouilles de Shortughai. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Paris: Diffusion de Boccard, 1989. Vol. 1 – texte, 517 p.; Vol. 2 – 105 ill. + XLII Pl. (MMAFAC. T. 2).
- Hakemi 1997** – *Hakemi A.* Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Rome: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1997. 721 p. (Centro scavi e ricerche archeologiche. Reports and Memoirs. Vol. 27).
- Kaniuth, 2006** - *Kaniuth Kai.* Metallobjekte der Bronzezeit aus Nordbaktrien // Archäologie in Iran und Turan, B. 6. Mainz, 2006. 259 s.
- P'jankova, Litvinskij, Bobomulloev, Kaniuth, Teufer 2009** – *P'jankova L.T., Litvinskij B.A., Bobomulloev S., Kaniuth K., Teufer M.* Das bronzzeitliche Gräberfeld von Makonimor, Tadžikistan // AMIT, B. 41, Berlin. 2009. C. 97-140.
- Sarianidi 2007** – *Sarianidi V.* Nekropolis of Gonur. Athens, 2007. 339 p.
- Sarianidi, Dubova 2013** – *Sarianidi W., Dubova N.* Treasures of Ancien Margiana, Aşgabat. 2013.
- Schmidt 1937** – *Schmidt E. F.* Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania Press, 1937. 478 p. (Publications of the Iranian Section of the University Museum).
- Vinogradova 1915** - *Vinogradova N.M.* Preliminary resultants of the excavations at the necropolis of Farkhor, a middle bronze age site in Southern Tadjikistan // Revue d'archeologie de l'orient ancien. Actualité des recherches archéologiques, N2, Paris. 2015. C. 21-27.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

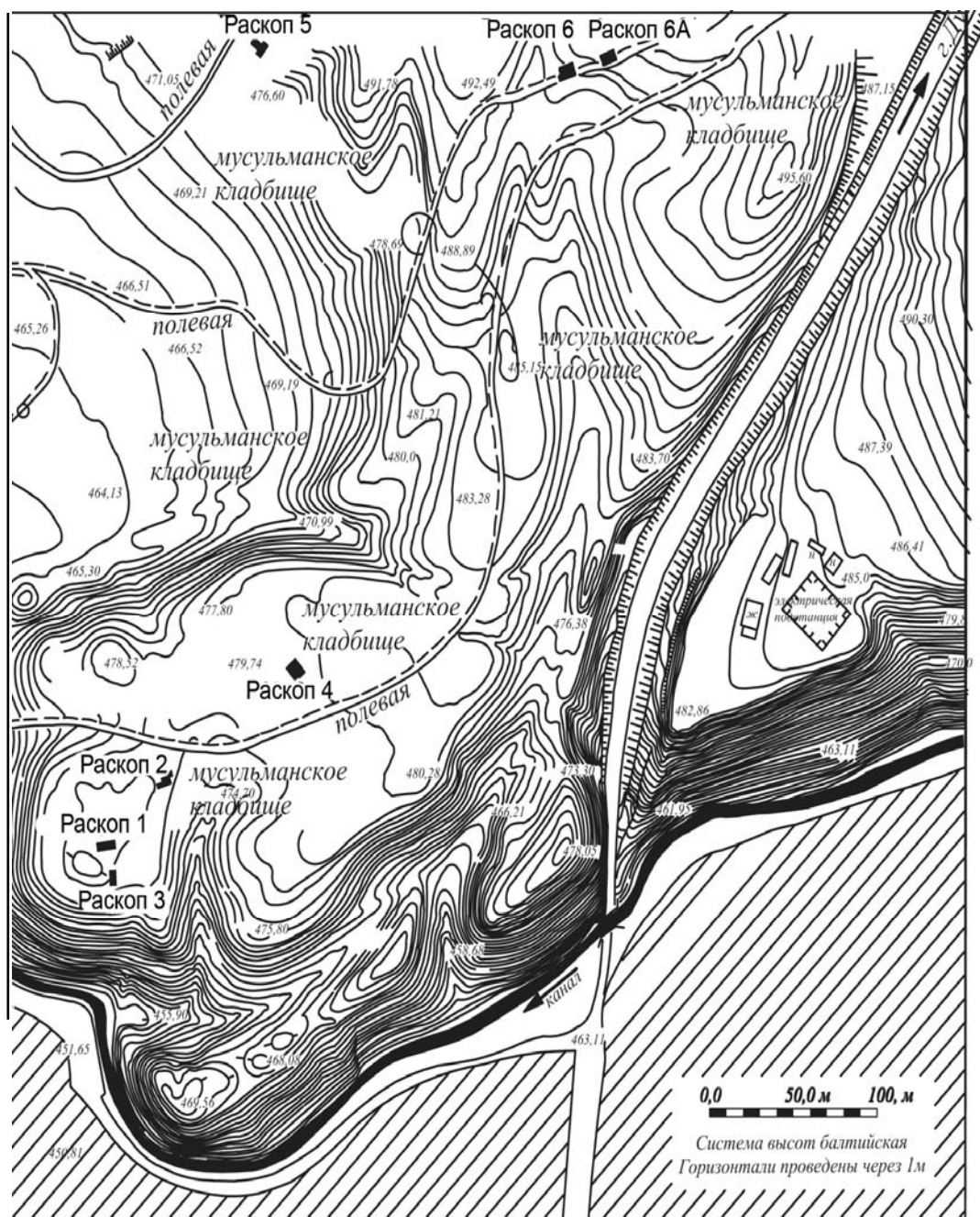

Рис. 1. Могильник Фархор. Локализация раскопов 1–6А.

Фархор 2014
Раскоп 4

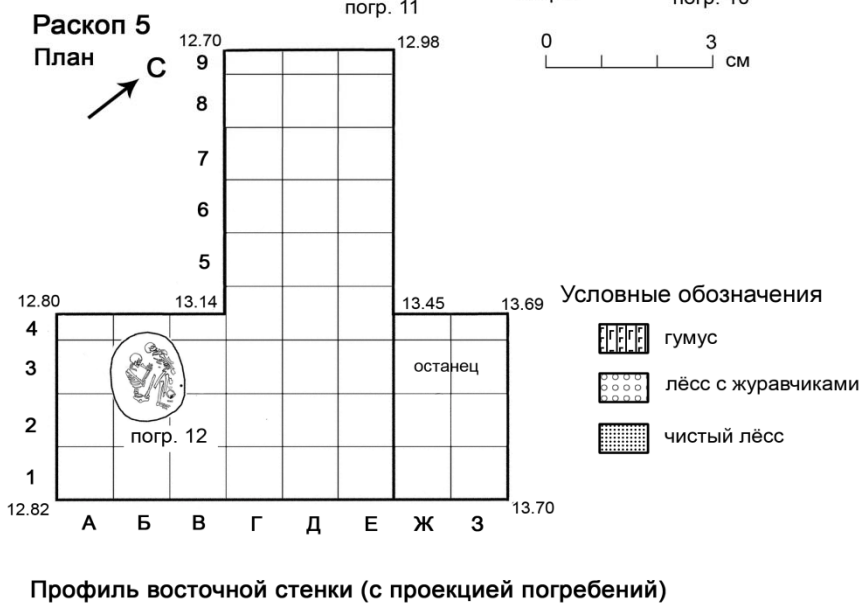
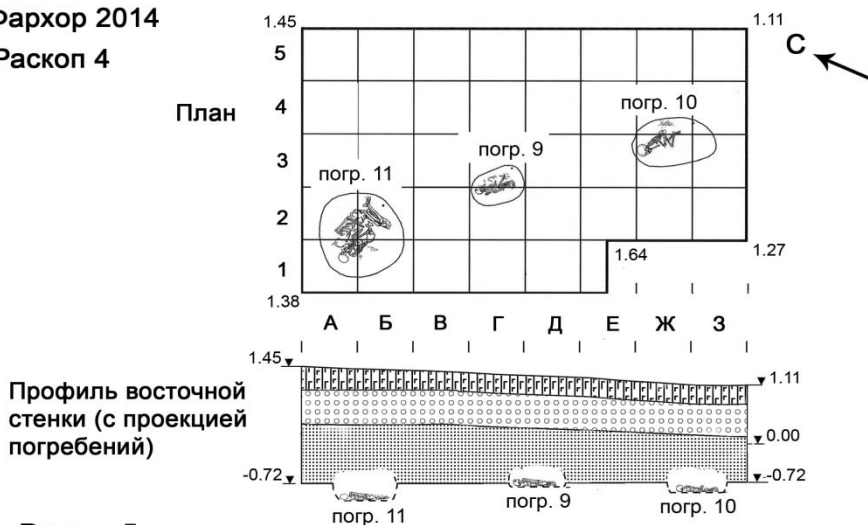
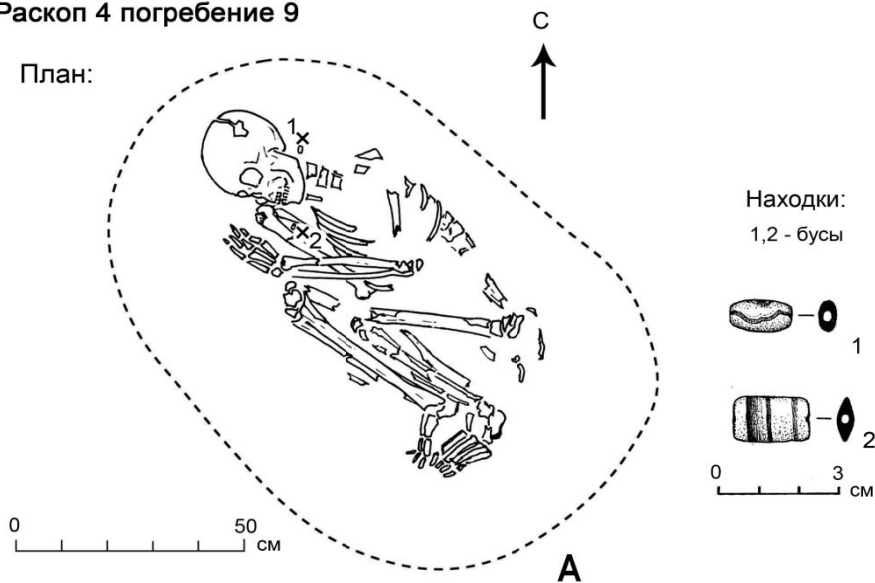

Рис. 2. Могильник Фархор: раскоп 4, план, погр. № 9–11;
раскоп 5, план, погр. № 12.

Фархор 2014
Раскоп 4 погребение 9

План:

Раскоп 4 погребение 10

План:

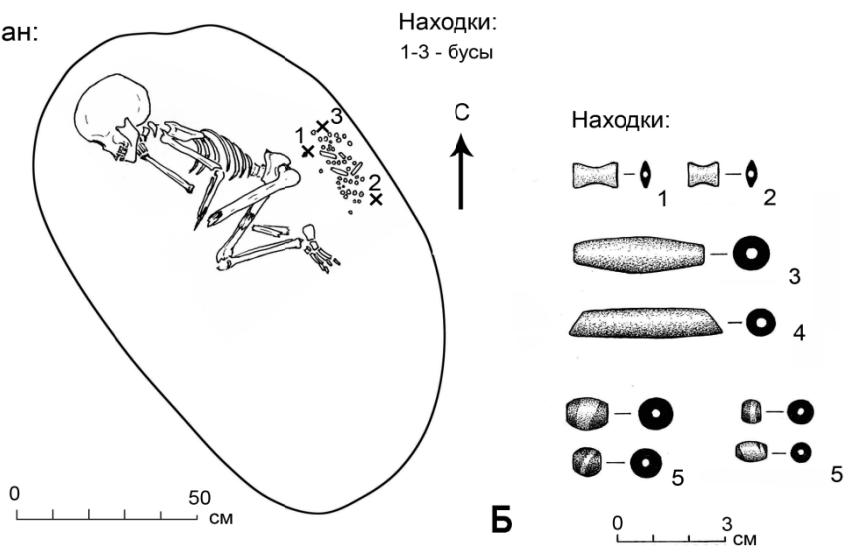

Рис. 3. Могильник Фархор: А - раскоп 4, погр. № 9. План захоронения и погребальный инвентарь; Б - раскоп 4, погр. № 10. План захоронения и погребальный инвентарь.

Фархор 2014
Раскоп 4 погребение 11

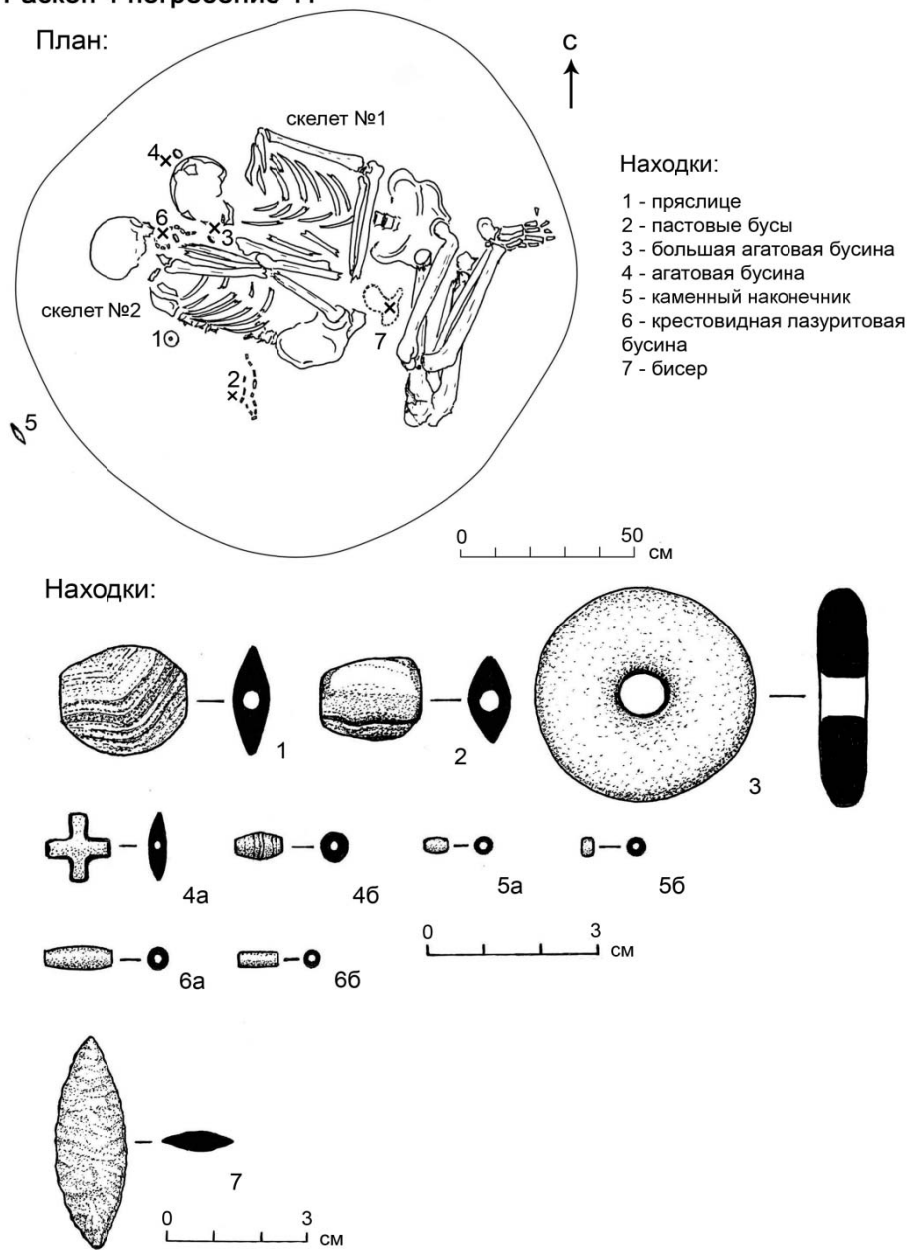

Рис. 4. Могильник Фархор, раскоп 4, погр. № 11. План захоронения и погребальный инвентарь

Фархор 2014
Раскоп 5 погребение 12

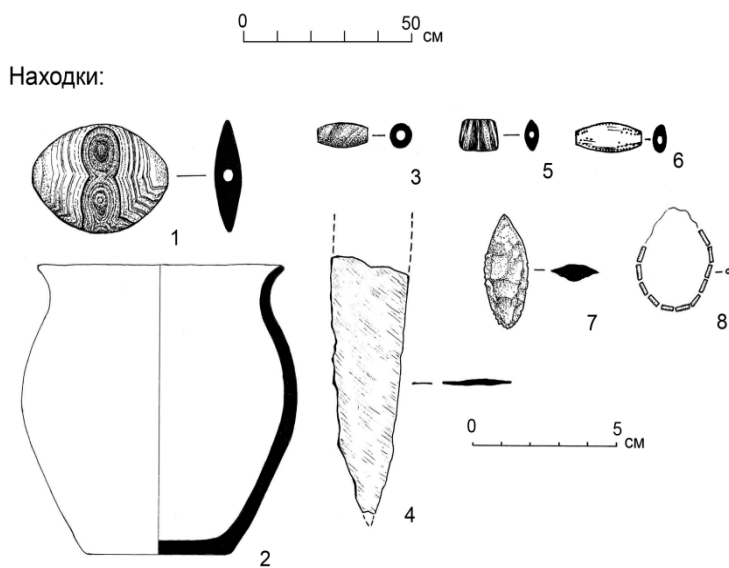
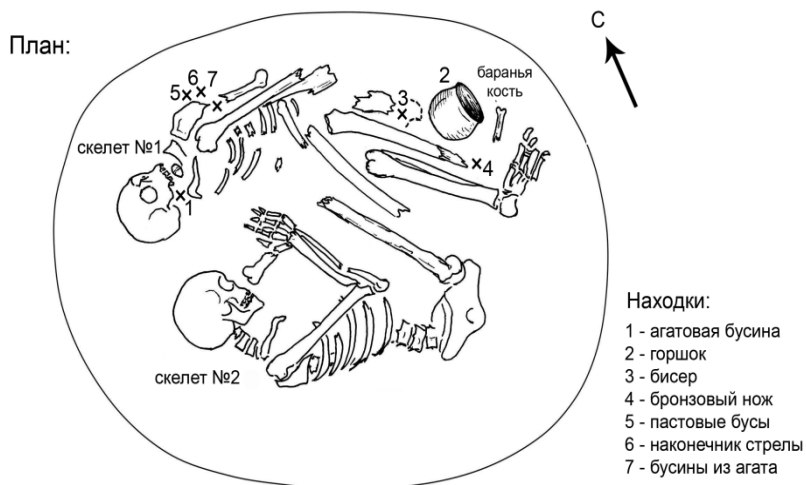
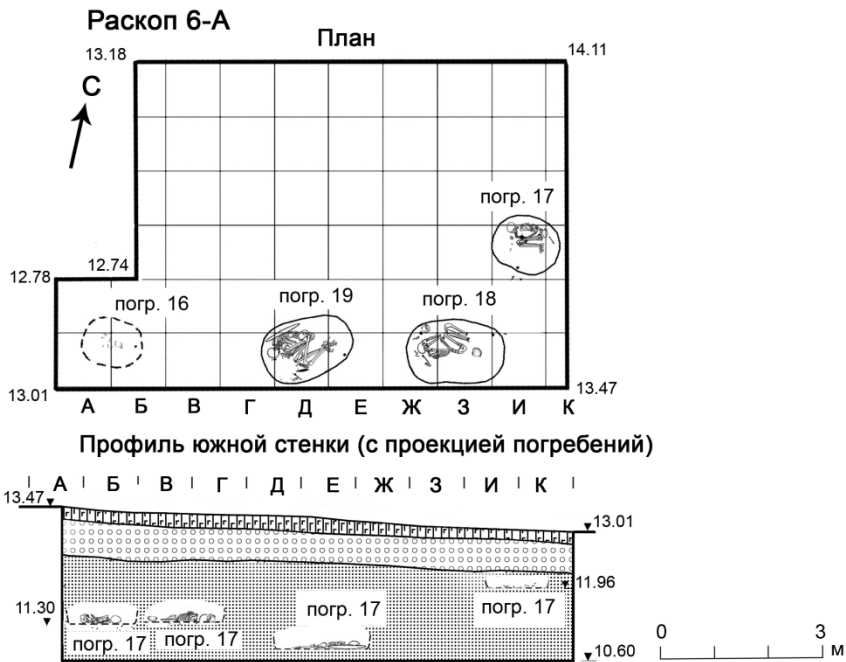

Рис. 5. Могильник Фархор, раскоп 5, погр. № 12. План захоронения и погребальный инвентарь.

Рис. 6. Могильник Фархор: раскоп 6, план, погр. № 13–15; раскоп 6А, план, погр. № 16-19.

Фархор 2014
Раскоп 6 погребение 13

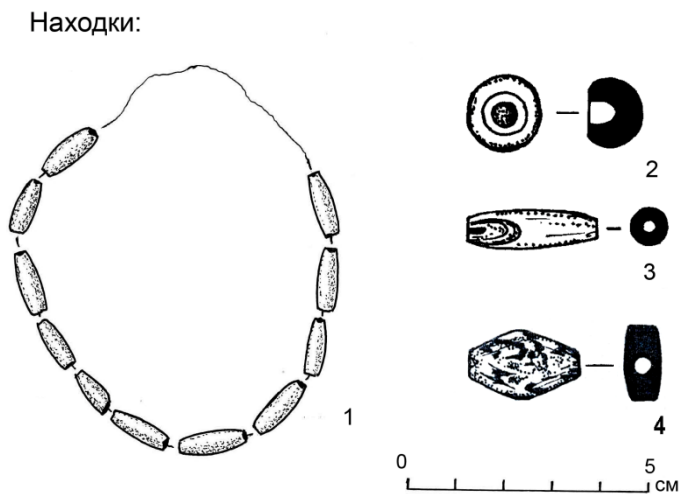
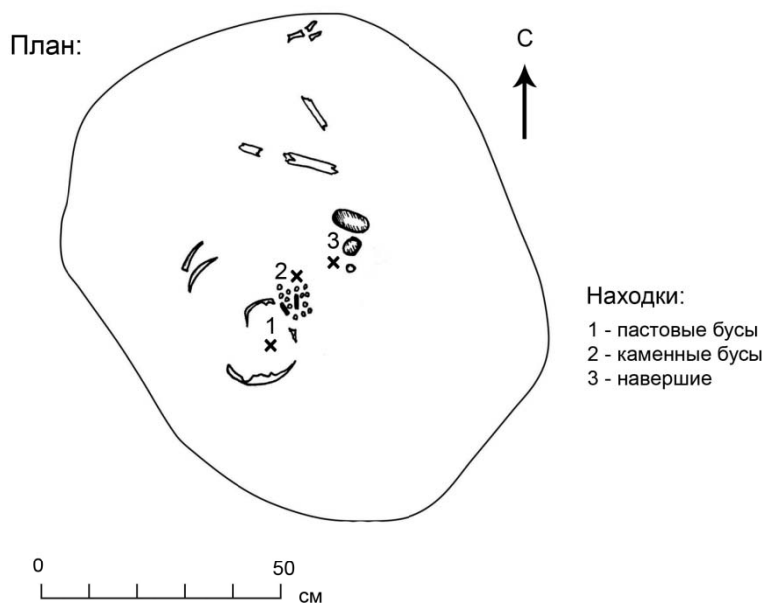
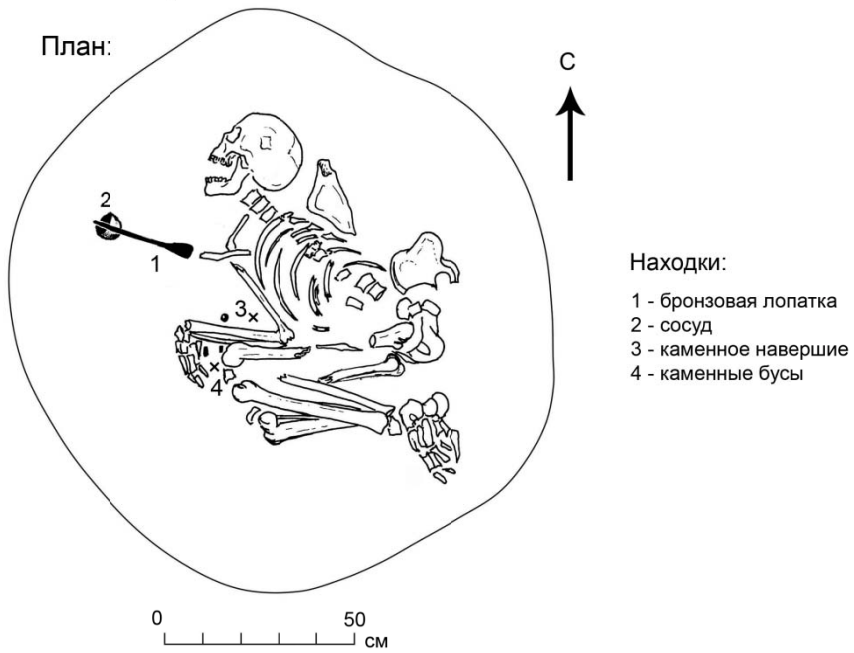

Рис. 7. Могильник Фархор, раскоп 6, погр. № 13. План захоронения и погребальный инвентарь

Фархор 2014
Раскоп 6 погребение 14

Находки:

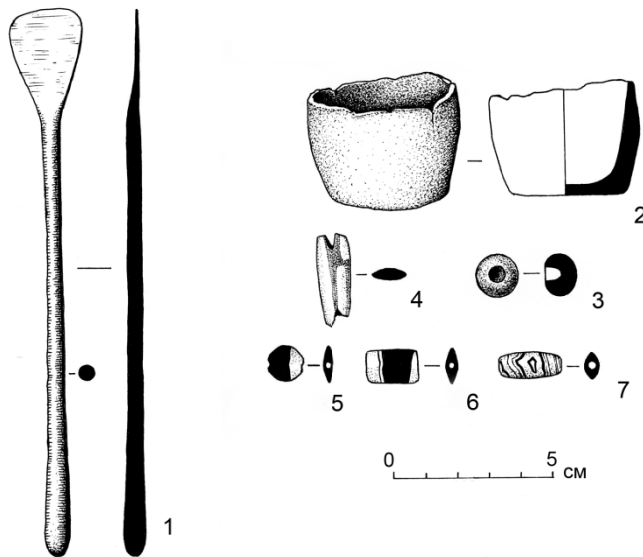
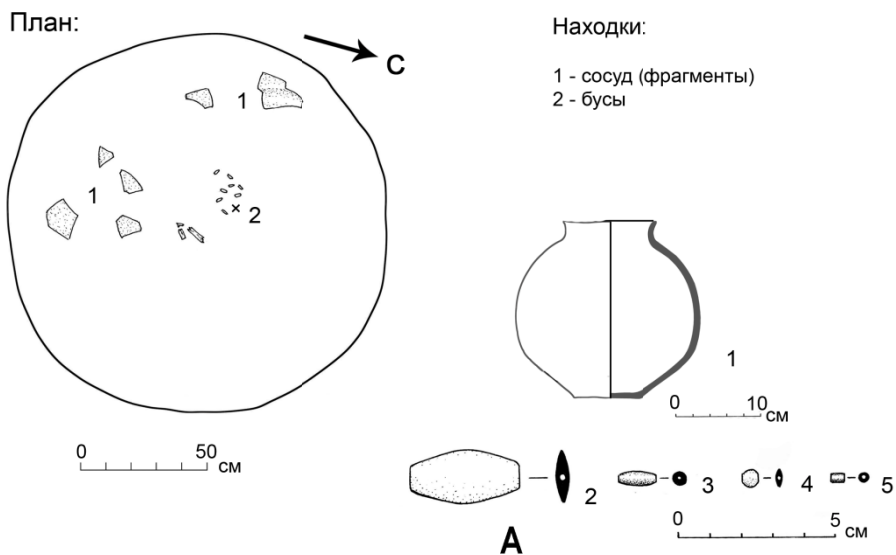

Рис. 8. Могильник Фархор, раскоп 6, погр. № 14. План захоронения и погребальный инвентарь.

Фархор 2014
Раскоп 6 погребение 15

Раскоп 6-А погребение 16

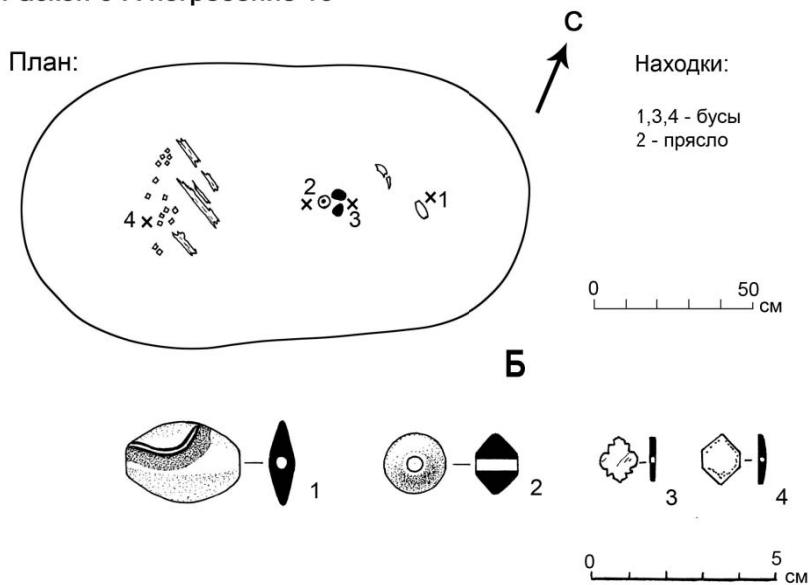

Рис. 9. Могильник Фархор: А - раскоп 6, план погребальный инвентарь, погр. № 15; Б - раскоп 6А, план и погребальный инвентарь, погр. № 16.

Фархор 2014
Раскоп 6-А погребение 17

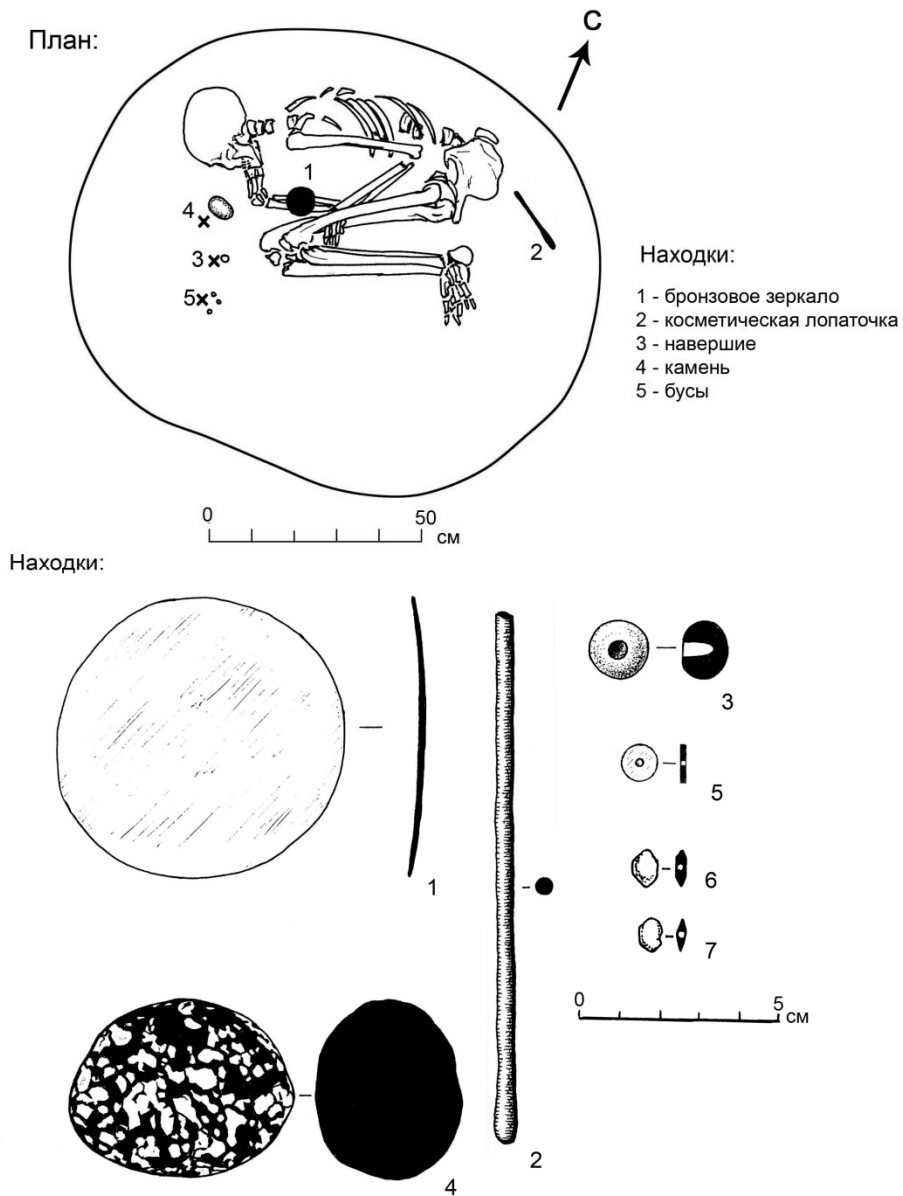
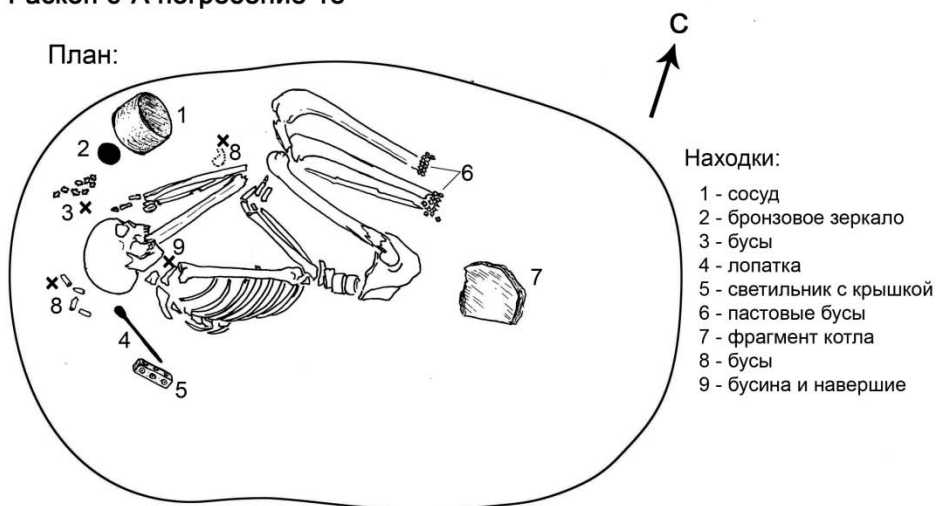

Рис. 10. Могильник Фархор, раскоп 6А, погр. № 17. План захоронения и погребальный инвентарь.

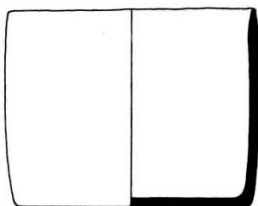
Фархор 2014

Раскоп 6-А погребение 18

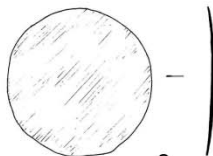

0 50 см

Находки:

1

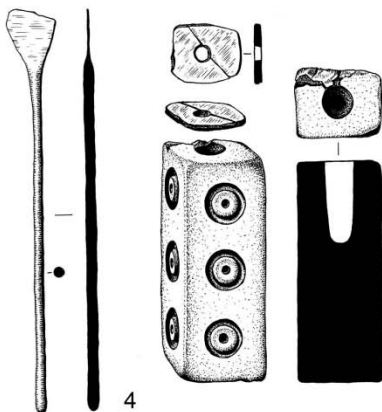

2

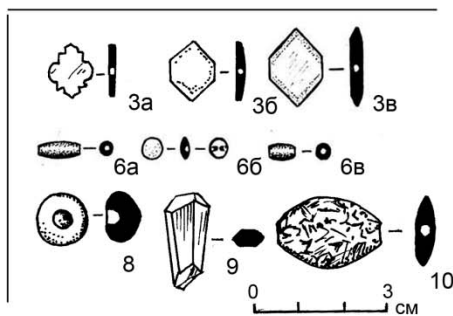
7

0 5 см

4

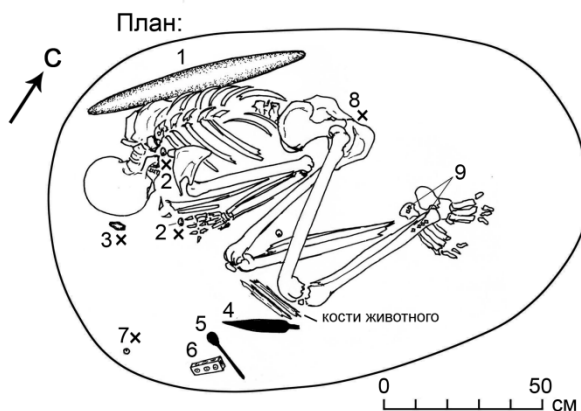
5

0 3 см

Рис. 11. Могильник Фархор, раскоп 6А, погр. № 18. План захоронения и погребальный инвентарь.

Фархор 2014
Раскоп 6-А погребение 19

Находки:

- 1 - жезл
- 2 - каменные напершия
- 3 - агатовая бусина
- 4 - бронзовый нож
- 5 - косметическая лопаточка
- 6 - светильник
- 7 - каменные бусы
- 8 - каменный наконечник
стрелы
- 9 - бусы

Находки:

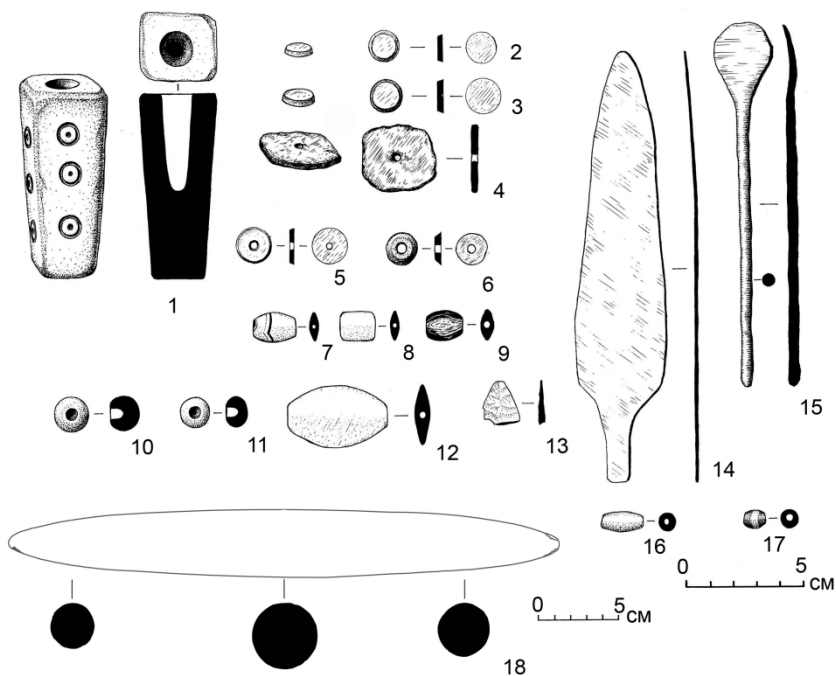

Рис. 12. Могильник Фархор, раскоп 6А, погр. № 19. План захоронения и погребальный инвентарь.

**ПОЛЕВЫЕ ЗАМЕТКИ А.Э.РЕГЕЛЯ
ПО ВОСТОЧНОЙ БУХАРЕ И ПАМИРУ (1882-1884 гг.)
КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

З.ЮСУФБЕКОВА, М.ШОВАЛИЕВА,

научные сотрудники Института истории, археологии
и этнографии им.А.Дониша Академии наук Республики Таджикистан
734025 Душанбе, пр.Рудаки, 33
эл.почта Mumina 1957 @ mail.ru.(+992)221 37 42

Известно, что ботаник А.Э.Регель, активный член Русского Географического Общества, совершил три поездки в Среднюю Азию. Он был одним из первых представителей РГО, посетившим в 1882-1884гг. Восточную Бухару и Памир, где изучал флору и фауну, природу, пути сообщения, этнографию горного края. До сих пор большая часть его полевых материалов не была опубликована. И приводимые ниже полевые заметки А.Э.Регеля по Восточной Бухаре и Памиру, основанные на архивных материалах, являются ценными первоисточниками.

Ключевые слова: *РГО, представитель, Восточная Бухара, Памир, Шугнан, Рушан, история, флора, фауна, полевые заметки, Душан-бинские перевалы, Зидди.*

6-го августа 1845 года в России было учреждено Русское географическое общество, которое с первых лет своего существования обратило серьезное внимание на изучение Восточной Бухары и особенно Памира. Русский востоковед, археолог и нумизмат, активный участник РГО П. С. Савельев в своей статье «Средняя Азия», обращает внимание на изучение Восточной Бухары и Памира. В 1851году П. Ф. Самарин опубликовал «Очерки Бадахшана», которые были составлены на основе материалов зарубежных, главным образом, английских и китайских путешественников. «Очерки Бадахшана» получили одобрительную оценку Вестника Русского географического общества. И начиная с этого момента РГО, в частности, придает особое значение изучению этнографии Восточной Бухары и Памира.

Русский ботаник А.Э.Регель был одним из первых членов РГО с 1882 по 1883гг. посетивших Восточную Бухару и Памир с 1882 по 1883гг. Для него историко-этнографические сведения по этой территории современного Таджикистана имелись лишь в работе А.Минаева, которая была также основана на материалах преимущественно зарубежных исследователей. Его труд вышел в свет в 1879 году. А.Минаев первым из учёных обобщает сведения различных зарубежных исследователей-путешественников в разные годы. Работа была выполнена по плану особой комиссии этнографического отдела Русского Географического Общества. А.Минаев представил уникальный труд, который и сегодня ос-

тается востребованным и привлекает внимание специалистов различных направлений. Он приводит данные об образе жизни, семейном и хозяйственном быте, верованиях и религии, занятиях населения Восточной Бухары и Памира, которые вызывали глубокий интерес лиц, путешествующих по этому краю.

Доктор А.Э.Регель, также побывавший в этих местах собрал обширные материалы как по их флоре и фауне, так и истории. Однако, результаты его путешествия не были своевременно обработаны и опубликованы, потому что вскоре после возвращения в Санкт-Петербург он заболел и внезапно умер.

В данной публикации приводится лишь небольшая часть из материалов А.Э.Регеля по Восточной Бухаре и Памиру, некоторые историко-этнографические данные по Шугнану, Рушану и Бадахшану. Авторы данной статьи останавливают своё внимание на исторических заметках А.Э.Регеля, вышедших в «Туркестанских ведомостях» 1884 году за № 17. Вот что сообщалось в них: «По ходатайству Императорского географического общества и Императорского ботанического сада, Туркестанского генерал-губернатора признал полезным командировать меня в 1882 году, с ученой целью в Шугнан, Бадахшан и лежащие на пути части Бухарского ханства, прикомандировать ко мне на пять месяцев топографа П.Е.Косякова и трех казаков, из которых одного лично для топографа. Необходимые снаряжения были сделаны в Ташкенте и Самарканде; затем мы двинулись в путь из Пенджикента в половине июня и в полтора перехода достигли до Киштута, где разделяются дороги к перевалам Гиссарского хребта. Уже не доходя до Киштута, нами были встречены на предгорьях интересные растения из семейства зонтичных и губчатых; затем я сделал экскурсию на высокую гору, расположенную влево от Киштутской речки, куда манили меня видные еще издали, роскошные можжевеловые леса, в которых росли травы, свойственные нашим (русским) и семиреченским ельникам.

Дальнейший путь был выбран нами через озеро Куликалан, до которого от Киштута один переход; однако пришлось остановиться не доезжая до озера, в лесу, по случаю того, что выючная лошадь обрушилась в пропасть, по непривычке к горным дорогам; впрочем остановка вознаградилась богатым сбором горной флоры, находившейся в то время в полном цвету, в том числе и известного зонтичного растения сунбуль. В таком же пышном расцвете представились нагорные пастбища по окружности этих живописных озер, которые занимают окруженную величественными снежными пиками котловину, на высоте почти 1000' уже в самом соседстве ледников. Дорога от Куликалана поворачивает на север, через другой отрог, украшенный особенно изящно цветущею ключкою из семейства бобовых; затем предстояли переходы по живописной Насрудской долине, которая расположена у подножия видимых из Самарканда исполинских пиков по имени Чандара. С целью облегчения

вьюков, мною были отправлены в Самарканд все лишние коллекции, для чего сделан перевал в деревне Маргузар, недалеко от замечательного естественного моста, а единственно из обломка известковой скалы, в самой середине дикого ущелья.

Дальнейшая дорога от Памиана (Пиньон), расположенного около устья Пасрудской речки, в местности, изобилующей каменным углем, вьется вдоль берега Икандер-дарья, которая окаймлена резко раскрашенными горными массами; затем, после затруднительного подъема, неожиданно открывается великолепная панорама озера Александра Великого (Искандер-куль). Предание говорит, что река была выпущена из озера по приказанию этого монарха и что воды были окрашены кровью рабочих, принесенных в жертву богам для удачи этого предприятия. Плоская северная окраина озера поросла скудным лесом, и дальнейшая дорога вдоль берега озера оказалась до того обрывистою, что с нее оборвалась вьючная лошадь, отчего произошла новая задержка, пока мы уже наконец не достигли до лесистого подножия перевала Мура. Склоны этого перевала были покрыты глубоким снегом, а на вершине его уже нет явнобрачной растительности, что дает право принять высоту перевала приблизительно в 14000'. Спуск с южной стороны, на солнцепек, по мягкому, глубокому снегу, был крайне затруднительным; зато там, где снег кончился я был вознагражден сбором милостивых, весенних луковичных цветов. На ночлег в лесной полости лошади не нашли себе никакого корму, так как вся местность заросла вредным зонтичным растением *Prangos uloptera*.

Дорога по Каратаг-дарья, до деревни Гакими оказалась одной из труднейших. Здесь были уронены в воду патроны, и все розыски их оказались тщетными; флора в окрестности Гакими представляла мало нового, и вообще Гиссарский хребет оказался беднее, чем другие части аму-дарьинских верховьев.

В Каратаге прием со стороны местного бека – сына эмира был ласковый; в этом первом, встретившемся мне по пути, городе Гиссарских владений, я решился сделать 10-дневную днёвку с целью вторичного отправления коллекций. В Каратаге пришлось ожидать разрешения эмира на дальнейшее следование в Шугнан; поэтому, желая воспользоваться временем выжидания, я просил П.Е.Косякова проследовать вниз по Кафирнигану до Кобадияна, где дорога оказалась удобною, и двинуться в Дарваз круговую дорогою через Куляб и Муминабад. Направив вьюки на Дюшанбинскую дорогу, я переправился против Гиссара через Кафарниган на плоскооте, составленном из мехов и свернул к горам Явана, перевалив предварительно через северные отроги Гази-Майлика (Гази-Малика) и пересекая затем обширную равнину, на которой расположен кишлак Яван, так что долина Вахша была достигнута на третий день; только здесь встретилась измельченная кустарная флора. Большая дорога по Вахшу направляется к мосту с таможенною заставою, занимающе-

му самую узкую часть русла реки; после того, до Туткаула, простирается живописное ущелье, окаймленное причудливо сформированными известковыми скалами Каудана и Сангулака. Перевал Гулизиндан, ведущий в Кангуртскую долину, невысок и порос только кленом и кустарником, а дальнейшая дорога в Бальджуанскую долину ведет только через незначительные глинистые возвышенности, где поразительно бросаются в глаза луга дикой ржи и дикого овса. Бальджуанский бек, Рахманкульдатха, считаемый одним из важных сановников Бухарского ханства принял меня ласково и старался оказать содействие при дальнейшем следовании; но им я мог пользоваться только через месяц, так как заболел дизентерией, вследствие чего до П.Е.Косякова, проехавшего из Дарваза в Вахию, дошли слухи самого тревожного свойства. В августе я двинулся в Ховалинг, расположенного на притоке Бальджуанской реки и отдаленный от долины Аксу только небольшим кряжем. В последней долине я очутился снова в роскошной горной природе, изобилующей лесом и интересными травами и беднеющей только около Талбара, на верховьях Аксу, откуда уже близко к перевалу на Вахию. Следуя по отрогам гор, где снег ещё не стаял, мы прошли прямо в Сагирдашт, расположенный в котловине, у самого подножия дарвазского перевала. В Калаихумбе ко мне присоединился П.Е.Косяков и отправился немедленно в Вандж для пополнения вахиинских съёмок. Дарвазский бек – Мамет-Мурат дал мне еще проводника, кроме полученного из Бальджуана, для следования со мною в Шугнан, и советовал оставить часть вещей и лошадей в Калаихумбе, откуда их можно было бы дослать или вернуть, смотря по надобности. Из трех дорог, ведущих в Шугнан, именно: Ванджской и Джумарчской, соединившихся в Язгулеме и проходящей по берегу Пянджа, он предложил мне выбрать джумарчскую.

Пробравшись в трое суток через ущелье Пянджа, я переплыл на мехах в Джумарч, откуда был отправлен гонец к шугнанскому шаху; затем, оставив здесь последние вещи я поехал через отрог в Омар и оттуда переправился снова на другую сторону Пянджа, против устья Язгуланской долины, и остановился для выжидания ответа в деревне Мадераум, откуда сделал поездку в передовую крепость Язгуланской долины, Андераб. Эта долина сама по себе безлюдная, отличается однако превосходством плодов, разводимых в удобных для этого местах; жители этой долины говорят особенным языком и отличаются своею наружностью и правами от дарвазцев. Через несколько дней люди шаха привезли ответ, что он не может помешать моему прибытию, но должен уведомить о нем афганские власти. К сожалению, в то же самое время пришло известие из Ванджа, что П.Е.Косяков там заболел и не в состоянии следовать за мною.

Переход через Рошанский хребет оказался весьма затруднительным, в первый день, когда мы поднимались на высоту хребта, до границы березового леса, лошади то обрушались в пропасти, то зацеп-

лялись между громадными камнями, заслоняющими направление дороги, по-видимому никогда не практикуемой наездниками, от места ночлега, где флора оказалась неизвестного альпийского типа, мы отправились в путь уже вскоре после полуночи, и через роскошные альпийские луга достигли утром до подножия ледников через которые двигались до часа до полудни, осторожно перепрыгивая трещины. Высота перевала по всему вероятно (по всей вероятности) около 16000'. Стужа была значительная и не позволяла долго любоваться великолепным видом исполинских гор по ту сторону Ванджа и кряжей, составлявших границу между Рошаном (Рушан) и Шугнаном.

Спуск на южную сторону был еще затруднительнее переднего пути, так как здесь встречались, кроме естественных препятствий и искусственные, в том числе глубоко выкопанные ямы, места, где скат горы был откопан на середине дороги, баррикады из наваленных булыжников и пущенных на дорогу громадных камней.

К вечеру мы приблизились к двум каменистым башням, заслоняющим вход в Рошанскую долину, здесь меня встретил старший сын шаха, он же правитель Рошана. Вообще прием был хороший, но ввиду приглашения шаха не останавливаться надолго в Рошане, я успел только сделать небольшую экскурсию по направлению к Бартангской долине и встретить вьюки на нижней прибрежной дороге, где они были перевезены с крайними затруднениями, так что людям пришлось спускаться даже на веревках.

После выезда из Кала-и-Вомара, мы переправились вбродь через глубокую Бартангскую реку и остановились на довольно просторном пространстве на Пяндже; вообще дальнейшая дорога оказалась относительно удобною и даже проходимою для верблюдов, на которых и пришлось переправить вещи из следующего ночлега Сочерва (Сохчарва) в Шидвуч. Флора оказалась повсюду однообразною, состоящею из тала, тополя и джиды и обыкновенных прибрежных трав. Видя, что не особенно спешат провести нас дальше, я сделал экскурсию в шидвуческие горы, где уже нашел интересную альпийскую флору. Тем не менее, когда я сделал последний переход в Бар-пянджу, я был принят там хорошо и мог выбрать себе в квартиру самую просторную саклю, где ко мне заявился в тот же вечер младший сын шаха, а на другой день и он сам. Шах Юсуф-Али-хан – одна из известнейших личностей в этой части Азии; о коварности и хитрости его ходили самые тревожные слухи. На самом деле, он оказался добродушным стариком, выражавшемся откровенно о своем трудном положении и сознавшим вполне мирную цель моей поездки.

Через несколько дней после моего приезда, я предпринял поездку в Шиву, считаемую до сих пор частью Памира и имел счастье увидеть там, первым из европейцев, громадное, диаметром более 40 версты, и находящееся на высоте 11000', Шивинское озеро, куда и после меня не про-

никло ни одного исследователя. Флора на озере Шива альпийская, и только на южном склоне встречаются скудные кустарники можжевельника и шиповника. Вода солоноватая.

Другая поездка была предпринята мною на Шахдаре, где я достиг до соседства перевала, упомянутого англичанами и ведущего на приток Ваханского начала Пянджа, известный под именем Маца. Эта долина оказалась поросшею в верхних пространствах дремучими лесами тала, по которому вились огромные лианы из рода *Clematis*. Высоты, а особенно расположенное кругом озеро Друма, находящегося на 12000', изобилуют горными козлами, а расположенная ближе к Памиру – горными, исполинскими баранами.

После Шахдары, я посетил сливающуюся с нею в долину Хунда (Гунт), где природа была беднее. Шугнанийский народ во всех этих местах оказался более или мене однородным, обладающим особыми нравами и языком.

После рождества я двинулся по направлению к верхнему течению Пянджа, в принадлежащий к Бадахшану горно-промышленный округ Горан, и через Уярв и Дерморахт, по затруднительной, зимней дороге, прибыл на третий день в первую горанскую деревню Шахбег, где однако подвергся недружелюбной встрече со стороны афганского зрителя коней. Тем не менее я в своих экскурсиях прошел мимо коней, находящихся на другом берегу, и, следовательно, также был близок к местам, насыщенным англичанами. Показание, будто здесь добываются рубины, не оправдалось, а есть только гранаты и другие, красные, желтые и прозрачные минералы из группы кварца.

В январе 1883 года, после моего возвращения в Бар-пянджу, туда прибыл афганский офицер и при нем чиновник и 12 солдат, требовавшие моего возвращения по тому же направлению, откуда я прибыл. Так как это было тогда невозможно то обусловил себе отсрочку, и отправился в путь только в феврале. Уже на дороге к Калаи вомару лошади падали беспрестанно в ямах, образовавшихся в глубоком снегу. В двух переходах ниже Калаи вомара дорога входит в ущелье, образуемое извилинами реки Пянджа. Между Шисом и Вазнудом дорога была еще проходима для лошадей вследствие отлива реки, так что летняя дорога оставалась в стороне. Но после Вазнуда, откуда нас сопровождала сотня шугнанцев, лошади были гоняемы в обход через крутую гору, а я с носильщиками лазил пешком по прибрежным скалам, то балансируя на крошечных уступах обледенелого камня, то держась о первобытные подмости и лестницы. После небольшого пространства, сделанного верхом, снова пришлось лазить через гладкий камень, где уже не было ни уступов, ни подмостков, а лошадей переправили через воду в первую дарвазскую деревню Садвач. Затем мы ночевали на снегу. В следующее утро мы пустились вниз по реке на мехах, затем карабкались опять по камню, и наконец я встретил доплывших к нам лошадей, на которых мы и поехали до сле-

дующей переправы, не переставая наблюдать в то же самое время за носильщиками, задумавшими возвращаться.

На третий день снова предстояло нам две переправы, после чего мы уже вышли из области глубокого снега и только перед извилистым еще с прежнего времени Омаром пришлось еще карабкаться по камню и пускать лошадей на воду. Самую затруднительную оказалась прибрежная, зимняя дорога между Омаром и Джумарчем, где пришлось балансировать на первобытных подмостках и лестницах, на громадной высоте над рекою; нужно заметить, что дорога была нарочно исправлена. Здесь я увидел первые цветы и вообще по Дарвазу мы двигались благополучно, уронив только лошадь одного проводника. Зато переход через Гушанский перевал, по не мерзлому, полутора саженному снегу, был крайне мучителен. На перевале, ведущем из Тавильдара в Аксу, я встретил мороз, а после того затруднения кончились и я мог посвятить себя специальному изучению флоры Восточной Бухары». «А.Регель».

Представляет огромную ценность также сообщение Русского Географического Общества, опубликованного в «Туркестанских Ведомостях» от 20 ноября 1884г., №46, с.184 под названием «Поездка А.Э.Регеля в Восточную Бухару через Дюшанбинские перевалы». Здесь говорится следующее.«Мы получили следующие известия о последней (осенней) поездке А.Э.Регеля в восточную Бухару, куда г.Регель отправился из Мерва в конце лета.

В этот раз им было выбрано направление через Дюшамбинские перевалы, так как здесь проходит кратчайший и удобный путь сообщения из Самарканда в Гиссар и Бальджуан, где г.Регеля ожидали его спутники и вьюки.» Что из себя представляли Душанбинские перевалы в то время, отмечалось в работе «Очерки Гиссарского края», где сообщается, что... «четвертый участок от селения Дагана-и –Варзоб до гор.Дюшамбе есть преддверие самой Гиссарской долины. Холмистые горы и контрфорсы постепенно вырождаются до степени небольших барок незаметно расползающихся перед этим городом по нагорной хлебородной степи. Растительность держится ближе к воде; затем только по ней и постепенно заменяется перед самым выходом в долину кустарниковыми порослями, ежевикой и пр. Всюду хлебные поля, сады, виноград, по арыкам тополя.

На втором и третьем участке прекрасная охота на кииков (по Брэму *S. graibex*) и винторогих козлов, изредка на небольшого горного медведя. Местные мергени (охотники) попадают на каждой версте. Внизу, ближе к Дюшамбе, в холмистых отрогах бродят волки.

Дороги – самый больной вопрос. Какие могут быть дороги в трющобах Гиссарского хребта, кроме козых троп, «охотничьих» дорог и «хороших» дорог. Причем «хорошей» дорогой называется тропа, где может идти лошадь, в отличие от «большой» дороги Гиссарской долины».

И далее говорилось, что по этим дорогам «А.Э.Регель направился от кишлака Фан в Чичирудскую долину и поднявшись по вполне удобной дороге на перевал Читуригардань (Шутури-гардан), имеющий вышины 12000', спустился к одному из верховьев Зигдинской(сейчас Зиддех) реки по очень крутому спуску; затем он свернул в таджикскую деревню Зигди, которая отличается своим живописным местоположением и наружным видом построек. Нижнее течение Зигди-дарьи соединяется с рекой Варзоба которая проходит мимо города Дюшамбе, и затем сливается с Кафирниганом. На пространстве между кишлаком Зигди и Варзобом дорога во многих местах загромождена камнями и покрыта густым лесом. Здесь единственное место в Восточной Бухаре, где еще встречается чинаровый лес; кроме того, вдоль берегов растут клен, ясень, грецкий орех, яблоня, сливы и вишни, вокруг которых во многих местах вьется дикий виноград.

Для обратного пути, г.Регель выбрал направление через Анзобский перевал, находящийся восточнее прежнего, близ кишлака Зигди. Анзобский перевал имеет 11000ф. высоты. Дорога через него удобна и только в одном месте, в долине Фана является необходимым сделать полусуточный обход по скалам и оврагам, так как на дороге обрушился мост. На обратном пути А.Э.Регель посетил известный серный источник, находящийся к западу от Зигди-дарьи, близ деревни Умары. Этот источник имеет температуру кипящей воды, и действительно А.Э.Регель видел целого теленка, сваренного в этом источнике за час до его приезда. Вокруг источника выкопаны небольшие ямы, в которых также можно варить яйца или мясо; одною из этих ям пользуются исключительно индусы-богомольцы.

Из Бальджуна А.Э.Регель сделал поездку в Каратегин, куда он направился через перевал Бидедеру, приводящий к самому слиянию Сурхаба с Хингабом; отсюда наш путешественник проехал вдоль Вахша к источнику Обигарму и вернулся в Бальджуан (файзабадскою дорогою).

Таким образом, в процессе поездки А.Э.Регеля в Восточную Бухару и на Памир были собраны этнографические материалы различного характера относительно антропологического типа горных таджиков, жилища, питания местного населения, гостеприимства, нравов, особенностей шугнанского и язгулемского языков, а также значительные ботаническая и зоологическая коллекции, которые были отправлены из Дарваза в Санкт-Петербург. Кроме того, А.Э.Регелем были обнаружены в окрестностях Бальджуана свинцовые копи, а по сторонам Зиддинского перевала – следы каменного угля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму - Дарьи. – СПб., 1879-270с.
2. А.Э.Регель. Путешествие в Шугнан. «Туркестанские ведомости», 1.05.1884г., №17.С.66-67.

3. «Заметка о поездке А.Э.Регеля в Восточную Бухару через Дюшанбинские перевалы». «Туркестанские ведомости» от 20 ноября 1884г., №46, с.184.
4. Регель А. Э. Поездка в Каратегин и Дарваз // Изв. РГО. – Т. XVIII. – Вып. II. – С.137–141
5. В.А. Очерки Гиссарского края. «Туркестанские ведомости», 5 марта 1910г. - №51. - С.2
6. В.В. Дубовицкий. Деятельность Туркестанского Отдела Русского Географического Общества по изучению территории Таджикистана (1897-1917гг.) - Душанбе-2006. С.143-144
7. История таджикского народа - Т.IV – Позднее средневековье и новое время (XVI в. – 1917г.) - Душанбе-2010. - С.666-667.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Впоследствии, как показала история, Абдурахманханом – правителем Афганистана, правителю Шугнана Юсуф Али – Ша «было предъявлено обвинение в таких грехах, как недостойное почитание Абдурахманхана, уклонение от уплаты податей, приём и оказание почести русскому доктору Регелю и разрешение ему посетить бадахшанские рубиновые копи и др...И, в дальнейшем, Юсуф Али и его приверженцев отправили в Кабул, где все они были казнены» - История таджикского народа.-Т.IV- Позднее средневековье и новое время(XVIв.-1917г.)-Душанбе.-2010.- С.666-667.

FIELD NOTES OF RUSSIAN SCIENTIST A.E.REGEL ON EAST BUKHARA AND PAMIR (1882-1884) AS HISTORICAL-ETHNOGRAPHIC SOURCE

Z.USUFBEKOVA, M. SHOVALIEVA,

Researchers of the department of ethnography
A.Donish Institute of History, archeology and ethnography
Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan
Tel: .(+992)221 37 42

It is known that Russian scientist – botany, doctor A.E.Regel was an active member of Russian Geographical Society (RGS) and 3 times was on a trip in Central Asia at the end of XIX century (1882-1884). He was the first man who had been sent by the Russian Geographical Society to the East Bukhara and Pamirs in 1882-1884 and where he investigated flora and fauna, nature, roads, ethnography of this mountainous region. Till now many of his notes and materials were not published, and our materials are of tremendous value, because they are based on achieve sources.

The Key words: botany, Russian Geographical Society, researcher, East Bukhara, Pamir, Shugnan, Rushan, history, flora, fauna, field notes, Du-shanbe roads (path), Ziddi, achieve sources.

РОЛЬ М.С. АНДРЕЕВА В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Н. ДЖУРАЕВА,

младший научный сотрудник отдела этнографии Института
истории, археологии и этнографии им. А.Дониша
Академии наук Республики Таджикистан

Неоценим вклад исследователя культуры народов Средней Азии, этнографа и языковеда М.С.Андреева в формировании этнографической науки Таджикистана. Неутомимый учёный, руководя несколькими научными экспедициям, он собрал большие этнографические коллекции по народам Средней Азии.

Ключевые слова: этнография, экспедиции, коллекция, музей.

В конце XIX-начале XX вв. Средняя Азия считалась одним из наименее изученных и мало знакомых регионов мира. Фактически начало активного этнографического исследования края, в частности, территории нынешнего Таджикистана, можно отнести к 1900 г., когда в России был сформирован Музей этнографии народов Средней Азии и Казахстана. Царская Россия для изучения различных областей своей империи создавала особые отделы в музеях, в которых выставлялись этнографические экспонаты, собранные российскими исследователями¹.

Насколько был велик интерес русских учёных к Средней Азии, особенно к Памиру и Припамирью, настолько были тяжелы возможности организации широких научных исследований в условиях царской России.

«Средняя Азия, или по прежней терминологии, Туркестан, - писал академик Е.Н.Павловский, - манила тайнами своей природы и её производительных сил многих крупных исследователей – путешественников России; однако проникновение в глубь страны при её бездорожье – особенно в Горную Бухару и на Памир, было делом трудным, а по некоторым промежуточным участкам и прямо опасным. Снаряжение экспедиций требовало по своему времени немало средств и неисчерпаемой энергии и интереса исследователей».²

Выдающийся русский и советский востоковед Михаил Степанович Андреев, внёсший существенный вклад в изучение этнографии таджикского народа, в 1905 г. считал, что «припамирские страны представляют собой тот же Кавказ, с его множеством этнографических единиц. Здесь в каждой долине вы можете встретить своеобразное наречие, увидеть оригинальный обычай, не повторяющийся иной раз даже в соседнем селе».³ Ещё в конце XIX М.С. Андреев века начал изучать таджикский язык и этнографию горных таджиков. Как этнограф, лингвист и историк

он внёс значительный вклад в изучение быта, нравов, обычаев, языка, а также истории материальной культуры таджикского народа.

Хорошее владение несколькими восточными языками помогало ему собирать материалы по этнографии таджикского и узбекского народов не только путем опроса населения, но и на основе изучения многих рукописных источников⁴.

Неоценим вклад М.С.Андреева в исследовании этнографии таджиков, особенно Горного Бадахшана и Ягноба, в частности, в период существования ТОРГО (Туркестанского отдела Русского Географического Общества). Работая секретарём при доверенном лице императора, чиновнике особых поручений Министерства внутренних дел России А.А.Половцеве, командированном в 1896 г. в Ташкент для изучения состояния и задач переселенческого дела в Средней Азии и Закавказье⁵, он дважды сопровождал его в 1902 г. в памирские бекства в связи с беспорядками в Вахане. Началом этнографических исследований М.С.Андреева на территории Таджикистана можно считать его статью, касающуюся долины Вахиё, и ряд других работ, опубликованных в «Туркестанских ведомостях».⁶

Но наиболее серьёзные этнографические исследования им были проведены в Вахане и Ишкашима в 1907 г., во время его путешествия из Индии в Среднюю Азию. Позже эти материалы были опубликованы совместно с А.А.Половцевым.⁷

В том же году М.С.Андреев посетил долину Хуф, один из труднодоступных горных районов Памира, с целью изучить быт и диалекты живущих там таджиков. Сам он признавался, что «долина Хуф, административно входящая в состав Рушана, была настолько изолирована, что он оказался первым европейцем, узнавшим об её существовании и проникшим туда впервые в 1907 г. «О самой долине он узнал от одного хуфца, случайно забредшего в Ташкент».⁸

Значительная часть собранных М.С.Андреевым материалов по этнографии таджиков Бадахшана была включена позже в его крупную работу «Таджики долины Хуф», а также в ряд других трудов учёного.

Русское географическое общество поручило ему работу по составлению этнографической карты Туркестанского края, выполняя которую он посетил Нур-Атинские горы Джизакского уезда и прилегающую к ним территорию Кызылкумов, где фиксировал образцы речи таджиков⁹. После он совершил поездку в Матчу. С большим увлечением учёный собирал материалы для этнографической карты «очень малоизвестной и сравнительно труднодоступной местности, какими являлись в то время Кызыл-кумы». Полученные данные он нанёс на карту Туркестанского военно-топографического округа, изданную в 1907г., в которой дал места проживания каракалпаков, туркмен, тюрков, найманов, узбеков, сартов, мангытов и алтыбеков.

Работу над этнографической картой Туркестанского края М.С.Андреев продолжил в советское время. В 1921 г. была образована Комиссия по изучению племенного состава России (с 1922 г. - СССР), Туркестанский отдел которой возглавлял выдающийся исследователь В.В.Бартольд. Под эгидой этой организации была проведена экспедиция под руководством М.С.Андреева в Самаркандскую область «для создания этнографической карты Туркестана».¹⁰

В 1923 г. М. С. Андреев был избран членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения при Академии наук, а в 1928 г. за научную деятельность он был награждён золотой медалью Географического общества. Все эти годы М.С.Андреев неутомимо организовывал различные экспедиции по сбору и изучению этнографических и фольклорных материалов. Этнографические коллекции поступали в Главный Среднеазиатский музей в Ташкенте, заведующим которого одно время состоял М.С.Андреев, а также в другие музеи.

9 января 1925 г. в Ташкенте состоялось первое учредительное собрание Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Общество находилось в ведении Ревкома Таджикской Республики, а с декабря 1926 г., после избрания ЦИКа Таджикской АССР, оно работало при его содействии и материальной поддержке.¹¹ В начале февраля 1925 г. была определена программа Общества. Она предусматривала проведение этнографических, филологических, исторических, физико-географических и экономических исследований в Таджикистане и других районах Средней Азии, населённых таджиками.

В июне 1925 г. Общество организовало две научные экспедиции: одна под руководством Н.Л.Коржневского, которая направилась к истокам р.Танымас для исследования гор и ледниковой области, другая, во главе с профессором М.С.Андреевым, планировала провести в Таджикистане сбор этнографического и лингвистического материала.

«Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами» приступило в первые годы своего существования к собиранию и изданию данных, способствующих ознакомлению советского общества с населяющими его народностями. Первым сборником научных работ Общества явился сборник статей под общим названием «Таджикистан»,¹² изданный в Ташкенте в 1925 г., цель издания которого состояла в том, чтобы представить малоизвестную в то время Таджикскую Республику. В этом сборнике авторы статей освещают разные вопросы истории Таджикистана, в том числе Кухистана. В сборник вошли 13 материалов, посвящённых истории и этнографии таджиков, флоре и фауне края, его природным условиям, путям сообщения и экономике.

Сборник «Таджикистан» явился первым сводом научных знаний о населении и природных условиях региона. Он открыл серию новых коллективных работ, посвящённых изучению природных условий Таджикистана, отдельных вопросов истории народов Средней Азии, их культуры,

исторических памятников.

В том же 1925 г. М.С.Андреев организовал четырёхмесячную экспедицию по изучению Таджикистана и иранских народов за его пределами по маршруту Ташкент – Ура-Тюбе – долина Зеравшана – Ягноб – Анзобский перевал – Дюшамбе – Каратегин – Дарваз – Припамирье – Памир – Ош. Члены экспедиции собрали исключительно важные научные материалы – более тысячи предметов этнографического характера: уникальные образцы поливной орнаментированной керамики, вышитые свадебные лицевые занавески горных таджичек, головные уборы и т.д.

М.С.Андреев побывал также в долине реки Ягноб, жители которой сохранили не только особый уклад жизни, но и свой древний язык. Ягнобу, который он называл «своего рода человеческой «Беловежской Пущей»»,¹³ и ягнобскому языку, который привлекал к себе внимание всех иранистов, особенно после открытия в начале XX в. в Китайском Туркестане согдийских памятников, М.С.Андреевым были посвящены материалы, касающиеся языка, этнографических особенностей жилища, плана селений, утвари, орудий труда.¹⁴ Учёным были также подготовлены таблицы ягнобских глаголов, чем ему в 1927 г. большую помощь оказали его ученицы Е.М.Пещерова и Н.В.Русинова.¹⁵ М.С.Андреевым было установлено, что ягнобский язык является наследником одного из диалектов согдийского языка.

Глубоко ценя таджикский народ, его историю и культуру, М.С.Андреев принимал активное участие в культурном строительстве в Таджикистане. К примеру, он участвовал в реорганизации Таджикской базы Академии наук СССР в Таджикский филиал АН СССР и создании Института истории, языка и литературы ТФАН СССР. Переехав в 1947 г. по приглашению академика Б.Гафурова в столицу республики Сталинабад, он начал вести активную работу в области этнографических исследований.¹⁶ Ещё до приезда в Таджикистан он собрал много данных в различных местах республики: Гиссаре, Нуреке, Оббурдоне, Матче, Оби-Гарме, Ховалинге, Ходженте, Ура-Тюбе, Каратегине и других.¹⁷

М.С.Андрееву принадлежит честь создания Кабинета этнографии (1947 г.), а также Музея этнографии и археологии при ТФАН СССР, который в 1949 г. стал носить имя учёного. Свои обоснования по организации этих структур он выразил в тезисах «К ближайшим шагам кабинета этнографии, языков, археологии, истории и старого искусства Таджикистана».¹⁸ Учёный вёл также активную работу по подготовке молодых научных кадров, в числе которых были Б.Х.Кармышева, К.Богомолова, Н.Х.Нурджанов, М.Р.Рахимов и другие.

Работы М.С.Андреева по этнографии таджиков Средней Азии, Ишкашима и Вахана, этнологии Афганистана, некоторым особенностям таджикских говоров, язгулемского языка, ягнобских текстов и т.д. вошли в золотой фонд мировой науки. Заслуживает особого внимания капитальный труд М.С. Андреева по этнографии таджиков долины Хуф, из-

данный посмертно. Для этой работы, состоящей из двух выпусков, он собирал материалы с 1901 по 1943 гг.¹⁹

Выдающийся дипломат, работник службы разведки, археолог, путешественник, языковед, историк, этнограф, искусствовед, М.С.Андреев, обладая тонким и высоким вкусом, собрал великолепные коллекции костюмов, памятников народного и придворного искусства, различные орудия труда, другие изделия, которые он, будучи первым их открывателем, представлял на обозрения в музейных экспозициях и на различных выставках. Ныне его собрания украшают музеи России, Таджикистана, Казахстана и Узбекистана.

М.С.Андреев оставил после себя большое научное наследство. Занимаясь проблемами этнографии таджиков, он стал основателем национальной этнографической школы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бронникова О.М., Вишневецкая (Прищепова) В.А. Каталог коллекций отдела Средней Азии и Казахстана МАЭ // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа Л.: Наука, 1989. - С. 180–221. (Сборник МАЭ, Т. XLIII).
2. Е.Н.Павловский. Пути развития науки в Таджикистане// Труды Таджикского ФАН СССР. Т. 21, 1945. - С. 32.
3. М.С.Андреев. Блины в припамирских странах // Туркестанские ведомости, 1905, №32.
4. Акрамова Х.Ф., Акрамов Н.М. Востоковед Михаил Степанович Андреев. Душанбе: Ирфон, 1973. - С.34.
5. О А.А.Половцове и сотрудничестве с ним М.С.Андреева см. Германов В. «Туркестанский след» династии Половцевых. А.Половцев-Второй и Михаил Андреев//Восток свыше. Духовный, литературно-исторический журнал. – Вып. XXVI. – Ташкент, 2012. - С. 94-98.
6. (М.С.Андреев) Вахиё// Туркестанские ведомости, 1899, №93; Он же. О значении слова «лянгарь»// Туркестанские ведомости, 1899 г., №78; Он же. Блины в припамирских странах// Туркестанские ведомости, 1905., №32.
7. М.С.Андреев, А.А.Половцев. Материалы по этнографии иранских племён Средней Азии. Ишкашим и Вахан//. Сб. музея по антропологии и этнографии при Академии наук. – СПб, 1911 г., т. IX. - С. 32.
8. См. Обращение М.С.Андреева к директору ИЯЛИ УзФАН СССР. Додхудоева Л.Н. Научное наследие А.А.Семёнова и М.С.Андреева (архивные документы). – Душанбе, 2013. ИИАЭ АН РТ. Фонд М.С.Андреева. Опись №1, ед. хр. №22. – С.5.
9. Там же. Опись №1, ед. хр. 64.
10. Андреев М.С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г. // Изв. Турк. Отдела Русск. Географ. Общ-ва. Т. XVII. – Ташкент, 1925. - С. 121-140.

11. Шагалов Е.С. Первое научное общество Таджикистана. Душанбе, 1966.
12. Таджикистан. Сб. статей под ред. Н.Л.Корженевского. Ташкент, 1925.
13. См. М.С.Андреев. О собранном мною в разное время (начиная с конца XIX ст. по 1924 г.) материале по языку и быту народов Средней Азии, до сих пор ещё не изданном и б.ч. не подготовленном к изданию. Додхудоева Л.Н. Указ. соч. Фонд М.С.Андреева. Опись №1, ед. хр. 81. – С.5.
14. Указ. соч. Опись №1, ед.хр.№№127, 28, 29, 45, 46, 58, 100, 101 и др.
15. Там же. Опись №1, ед. хр. №№14, 27, 70, 71.
16. Полный список научных публикаций М.С.Андреева и работ его жизни и творчестве М.С.Андреева см. Писарчик А.К., М.С.Андреев – С. 20-23, а также А.К.Писарчик. Этнографическая наука в Таджикистане... - С. 56-59.
17. Додхудоева Л.Н. Указ. соч. Фонд М.С.Андреева. Опись №1, ед. хр. №№ 18, 30, 52, 58.
18. Там же. Опись №1, ед. хр. №11.
19. Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Амударьи) // Труды АН Тадж ССР. Институт истории, археологии и этнографии. Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР. 1953. Вып 1. – С. 74.

ROLE OF M.S.ANDREEV IN THE FORMATION OF ETNOGRAPHIC IN TAJIKISTAN

N. JURAEVA,
Junior researcher

A.Donish Institute of History, archeology and ethnography Academy of
Science of the Republic of Tajikistan

There is a great contribution of ethnographer and linguist, researcher of culture of Central Asia M.S.Andreev in the formation of the tajik ethnography as a head of some scientific expeditions he collected big ethnographic collections on Central Asian people.

Key words: ethnography, expeditions, collections, museum.

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-
ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ "РОЛЬ РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ИССЛЕДОВАНИИ
ТАДЖИКИСТАНА" (К 170-ЛЕТИЮ УЧРЕЖДЕНИЯ РГО)
Г. ДУШАНБЕ, 25 НОЯБРЯ 2015 Г.**

Конференция была организована и проведена Институтом истории, археологии и этнографии им. А.Дониша АН Республики Таджикистан, Географическим обществом Таджикистана, а также Российским центром науки и культуры Россотрудничества Российской Федерации в г.Душанбе.

**РОЛЬ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В
ИЗУЧЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

А.ДЖУРАЕВ,
ТГПУ им С.Айни

В статье рассмотрена роль Географического общества России в изучение территории Средней и Центральной Азии. Особое внимание уделено изучению Памира. Памирская экспедиция впервые выделила Таджикистан в качестве особой горной страны, орографического центра Азии, и установила вертикальную природную поясность.

Ключевые слова: *Средняя Азия, регион, центральный Тянь-Шань, Везувий, Гиссаро - Алтайская система.*

Во второй половине XIX в. крупные географические открытия были сделаны в Средней Азии, что предопределялось политической обстановкой в этом регионе. Если к середине XIX в. в состав России входил Центральный и Южный Казахстан, то в конце века российская граница приняла современное очертание. Политическую независимость сохранили лишь феодальные Хивинское и Бухарское ханства, ставшие протекторатами России. Остальная территория Средней Азии присоединилась к России, и ее хозяйство поставляло хлопок для текстильных фабрик Центра и Северо-Запада России. В связи с этим возникла необходимость комплексного географического исследования региона: почвенного покрова, растительности, климатических условий, орографии, возможностей использования для орошения местных водных ресурсов, бытовых особенностей населения, его расселения. Поэтому основная роль в исследовании региона принадлежала естествоиспытателям широкого профиля – географам, ботаникам, геологам, почвоведом, а также этногра-

фам и историкам. Если в первой половине века характерны маршрутные исследования равнинных областей, то во второй половине осуществлялись комплексные географические исследования всей территории, в том числе и горной. В этом основную роль сыграло Русское географическое общество.

Первым исследователем Центрального Тянь-Шаня был П.П. Семенов, получивший впоследствии право именоваться Тянь-Шанским. Его интерес к данному горному району, как члена Русского географического общества, был не случаен. Он работал над уточнением «Землеведения» К. Риттера и принял решение совершить путешествие на Тянь-Шань для того, чтобы определить наиболее характерные его черты. Поскольку К. Риттер предполагал наличие вулканизма в Средней Азии, то П.П. Семенов совершил предварительную поездку в Италию и поднимался на Везувий.

В 1856-1857 гг. П.П. Семенов организовал, как он сам писал, короткую «научную рекогносцировку» в Центральный Тянь-Шань, проник в бассейн оз. Иссык-Куль, к горному массиву Хан-Тенгри и верховьям р. Нарын. Он представил бесспорные доказательства отсутствия вулканизма в Средней Азии, подметил характерную особенность Тянь-Шаня – наличие параллельных горных цепей широтного простирания и разделяющих их широких и длинных речных долин, открыл огромную ледниковую область, первый установил вертикальную природную поясность.

Почти одновременно началась длительная и плодотворная экспедиционная деятельность в Средней Азии Н. А. Северцова члена Географического общества. В 1857-1858 гг. он возглавил экспедицию Академии наук, которая совершила путешествие из Оренбурга через Мугоджары к низовью Эмбы, где были открыты выходы нефти, потом обследовала северный уступ плато Устюрт, северное побережье Аральского моря, низовья Сырдарьи и прошла вверх по долине Сырдарьи до предгорья Каратау. По материалам экспедиции Н. А. Северцов составил карты Арало – Каспийской степи, описал рельеф, климат, растительность и тогда уже обратил внимание на процесс усыхания Аральского моря.

В последующем Н. А. Северцов занимался изучением Северного и Центрального Тянь-Шаня, совершил первое его пересечение на юг и составил орографическую схему этой горной страны. В конце 70-х гг. в составе Фергано-Памирской экспедиции Русского географического общества Н.А. Северцов исследовал Памир и первый выделил его в качестве особой горной страны орографического центра Азии. Он дал его первое научное описание, отметил главную особенность этой горной страны – сочетание сыртового и грядового рельефа.

В начале 70-х гг. 19 в. комплексным изучением Ферганы и горного района к югу от нее занимался молодой натуралист А. П. Федченко. Он исследовал относящийся ныне к Гиссаро-Алайской системе ряд широтных горных цепей, разделенных длинными и широкими долинами, уста-

новил общность форм животного и растительного мира Памиро-Алайской системы, нагорной Центральной Азии и Гималаев.

В начале 80-х гг. 19 в. особое внимание русского правительства вызвало изучение Памира, который стал объектом англо-русской конкуренции. В то же время даже после исследований Н. А. Северцова значительная часть Памира представляла «белое пятно». Поэтому в 1883 г. была организована специальная Памирская экспедиция, сотрудники которой (особенно геолог Д.Л. Иванов) охватили маршрутами Восточный и Южный Памир, вошедший в состав России.

Крупным исследователем Средней Азии был геолог И.В. Мушкетов с 1884 по 1890 гг. он изучил большую часть Тянь-Шаня, Северный Памир, Алайскую систему, западную часть пустыни Кызылкум. Результаты его экспедиционной деятельности были обобщены в первой геологической карте Средней Азии и юга Казахстана и в двухтомной работе «Туркестан». В 1860-е гг. Россия установила добрососедские отношения с Китаем, что открыло северные, центральные и западные районы страны для русских географических исследований. Активная роль в организации таких экспедиций принадлежала Географическому обществу.

В конце 1850-х гг. Восточный Туркестан был охвачен восстанием коренных народов против китайских феодалов. По заданию западносибирской администрации казах Ч. Ч. Валиханов в 1858—1859 гг. под видом восточного купца совершил в составе торгового каравана опасное путешествие в Кашгарию и выяснил, что эта страна представляет песчаную пустыню, окруженную с трех сторон горными хребтами, а на востоке переходит в Гоби. По материалам путешествия Ч. Валиханов составил первое историко-географическое и этнографическое описание Восточного Туркестана.

Целую эпоху в исследовании Центральной Азии составили экспедиции Н. М. Пржевальского. Будучи офицером Русского Генерального штаба, он в 1870—1873 гг. возглавил Монгольскую экспедицию, организованную Географическим обществом. Эта экспедиция из небольшого забайкальского городка Кяхта через Ургу (нынешний Улан-Батор) проследовала в Пекин, а потом вдоль р. Хуанхэ проникла вглубь Северного Тибета к верховьям р. Янцзы. Научные результаты экспедиции поразили современников. Общая длина маршрута составила 11800 км, из которых на расстоянии 5700 км была проведена глазомерная съемка. Подробно описаны пустыни Гоби, Ордос, Алашань, высокогорные районы Северного Тибета, котловина Цайдам. Опубликованный по результатам экспедиции двухтомник «Монголия и страна тангутов» (1875—1876 гг.) принес автору мировую славу. В 1876—1877 гг. Н. М. Пржевальский совершил свое второе («Лобнорское и Джунгарское») путешествие, которое осталось незавершенным вследствие восстания местных народов и временного обострения отношений с Китаем. В результате были открыты низовья р. Тарим, озеро Лобнор и хребет Алтынтаг, как северная

часть Тибетского нагорья.

В то же время описание Лобнора как пресного озера, породило его загадку, поскольку, по китайским источникам, Лобнор— озеро соленое и лежит севернее, чем на карте Н. М. Пржевальского.

В 1879—1880 гг. Н. М. Пржевальский осуществил свое «Первое Тибетское путешествие». От Зайсана в верховьях Иртыша экспедиция через Джунгарскую Гоби, юго-восточную часть котловины Цайдам проникла вглубь Тибета и, не доходя до его столицы Лхасы лишь 300 км, была вынуждена повернуть назад. Это было связано с тем, что в Лхасе распространились слухи о предстоящем похищении русским отрядом главы ламаистской религии — далайламы. В 1883-1885 гг. Н.М. Пржевальский возглавил «Второе Тибетское путешествие», в котором приняли участие его ученики В. И. Роборовский и П. К. Козлов. Экспедиция прошла из Забайкалья по гигантской дуге: через Монголию, Северный Тибет, Кашгарию в Центральный Тянь-Шань. В 1888 г. в г. Караколе (ныне г. Пржевальск) Н. М. Пржевальский скоропостижно умер в процессе подготовки новой экспедиции. В историю географических открытий Н. М. Пржевальский вошел как один из самых выдающихся путешественников. Общая длина его рабочих маршрутов составила 31,5 тыс. км. Своими экспедициями он в корне изменил научное представление о Центральной Азии.

Крупный вклад в изучение Центральной Азии внес М. В. Певцов. В 1866 г., будучи офицером Генерального штаба, он командовал конвоем хлебного каравана, направленного в один из оазисов Джунгарии. В 1878-1879 гг. он в составе торгового каравана посетил Пекин. По маршруту были изучены рельеф и гидрография Монголии: северный и южный районны Гоби, Монгольский Алтай, Хангайский хребет. После смерти Н.М. Пржевальского он возглавил подготовленную им Третью Тибетскую экспедицию (1889-1890гг.), во время которой показал себя не только выдающимся географом, геодезистом и картографом, но и хорошим организатором. Эта экспедиция определил границы и размеры пустыни Такла-Макан, исследовала горную систему Куньлунь, высокое плато Северо - Западного Тибета, в значительной степени разрешила «загадку Лобнора».

Известным исследователем Центральной Азии был Г.Н. Потанин. Во второй половине 1870-х гг. он совершил трехкратное пересечение Монгольского Алтая, выявил общие черты его орографии, составил карту Западной Монголии. В конце 1870-х гг. он возглавил Монгольско-Тувинскую экспедицию, которая исследовала Западную Монголию и Туву. В середине 1880-х гг. Г.Н. Потанин в Китайской – Тибетской экспедиции совершил пересечение Центральной Азии по 101 меридиану. Изучением Центральной Азии занимался геолог и географ В. А. Обручев, который исследовал Центральный Китай, Северный Тибет и Джунгарию. Многолетней экспедиционной деятельностью в этом районе вы-

делялись ученики Н.М. Пржевальского В. И. Роборовский и П. К. Козлов. Последний на рубеже XIX и XX вв. совершил Монголо-Тибетское путешествие, во время которого провел точную съемку и подробное исследование Монгольского Алтая, изучил северо-восточную окраину Тибетского нагорья на водоразделе верховьев Янцзы и Меконга.

Крупным исследователем Центральной и Восточной Азии был немецкий географ Ф. Рихтгофен, который изучил 13 китайских провинций из 18. Во время многолетней экспедиционной работы Ф. Рихтгофен сложился как географ комплексного плана, который пытался исследовать внутренние связи между строением горных пород, рельефом, климатом, растительностью и животным миром, заселенностью территорий, экономической жизнью и культурой. В фонд мировой географической науки вошли его детальные исследования лёссовых ландшафтов Северного Китая, бассейна р. Хуанхэ, Шаньдунских гор и побережья Юго - Восточного Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю.В Просенков, Н.И. Просенкова «История и методология географии», изд.: Воронежский университет 1991.
2. В.А Анучин. Географические проблемы географии. М, 1960, 264 с.
3. Ю.Н. Гладкий, В.Д. Сухоруков. Экономическая и социальная география зарубежных стран. М.: изд. центр «Академия», 2008.
4. Ю.Г. Савушкин. Экономическая география: история, теория, методы практики; М, 1973.
5. Ю.Н. Гладкий. Экономическая и социальная география зарубежных стран. М: издательский центр «Академия» 2006.

THE ROLE OF THE RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY TO STUDY IN CENTRAL ASIA

The article describes the role of the Russian Geographical Society to study the territory of Central Asia in the second half of the nineteenth century to prissodineniya Average Asian Respublk v.t.ch Tajikistan to Russia . Particular attention was paid to the Pamir Expedition Pamirskoskaya first identified as a distinct mountainous country orographic center of Asia, and established natural vertical zonation .

Keywords : Central Asia , region, central Tien Shan , Vesuvius , Gisar - Altai system .

Intelligence about the author: Alisher Juraev. heads Department of Economic and Social Geography TSPU them . Aini bodies . 907-72-80-80

ВКЛАД ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ АРМИИ - ЧЛЕНОВ РГО В ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМИРА В КОНЦЕ XIX – НАЧ. XX ВЕКОВ

В.ДУБОВИЦКИЙ,

доктор исторических наук, заведующий отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша Академии наук Республики Таджикистан
Душанбе, пр. Рудаки, 33.; (rosdiaspora@rambler.ru, 221-72-10(c)).

В деятельности Туркестанского отдела Русского географического общества (ТОРГО) в период 1897-1917гг. большую роль играли военно-служащие русской армии. Офицеры и генералы армии, а также Отдельного корпуса пограничной стражи России (ОКПСР), проходящие службу в Средней Азии, и направляемые сюда в командировки из центральных военных округов, проводили интенсивное страноведческое исследование территории Памира, в том числе в сфере географии, этнографии, истории, экономики, геологии, ботаники и ряда других наук.

Большой вклад был внесен ими в топографическое и орографическое изучение территории Памира – необходимое для проведения демаркации и делимитации государственной границы с Китаем и Афганистаном в 1895г.

Особо надо отметить сейсмологические исследования последствий землетрясения 1911г. в Рушане, проведенные под руководством офицеров Хорогского погранотряда, а также организацию ими мониторинга Усойского завала на р. Бартанг.

Результаты всех исследований, проведенные русскими военными – членами ТОРГО докладывались на заседаниях этой организации, а также публиковались в научных и популярных изданиях региона, становясь достоянием широкой научной общественности.

Ключевые слова: *сейсмология, этнография, Русское географическое общество, Памир, исследования, география.*

Среди десятков исследователей, членов Русского географического общества, побывавших на территории Горного Бадахшана и Памира в конце XIX – начале XX веков, особо заметен вклад военнослужащих русской армии. Именно их наблюдения и заметки, сделанные во время боевых действий, рекогносцировок и служебных поездок дали первую информацию о географии и климате этой территории, этнографии и истории народов здесь проживающих.

Сам характер деятельности офицеров русской армии предполагал подробное страноведческое изучение любой территории на которую распространялось внимание командования: они воспринимались либо как тыловая база армии, либо как потенциальный театр военных действий. И то и другое включало необходимость знания рельефа местности, путей сообщения, климата, экономики региона, этнографии населения (в том числе – особенностей его религиозной жизни и политической ориен-

тации). Все эти сведения обобщались в специальных военно-политических обзорах, издаваемых либо штабом Туркестанского Военного округа в Ташкенте, либо Генеральным Штабом русской армии в Петербурге.

Особенно интенсивными такого рода исследования стали с организацией в 1897г. Туркестанского отдела Русского географического общества (ТОРГО). За весь период существования этой организации, ее членами были десятки офицеров, активно публиковавших свои сообщения об исследованиях как в ежегодных Известиях ТОРГО, так и отдельными книгами.

В числе последних представляют интерес работы страноведческого характера, включающие в себя, наряду с географическими и топографическими характеристиками местности, сведения по экономике, истории и этнографии описываемого региона. Прежде всего, к такого рода работам можно отнести военно-стратегический обзор территории Восточной Бухары, подготовленный группой офицеров во главе с Н.Н.Юденичем в 1897г. и содержащий обширную информацию по материальной культуре населения региона.¹

К тому же роду работ относится и военно-стратегический очерк по территории Восточной Бухары, подготовленный подполковником А.Е.Снесаревым по результатам рекогносцировки 1904г.

В работе дается подробная характеристика местности южнее Гиссарского хребта, состояние коммуникаций, переправ через реки, климат по сезонам года и прочие сведения, важные для передвижения и действий войск в случае вооруженного конфликта.

Большое место уделено характеристике населения Восточной Бухары. Характеризуя народонаселение территории, автор указывает, что подавляющее большинство его – таджики. Одновременно он ошибочно выделяет в особые ираноязычные группы население Дарваза и Каратегина.² Говоря о населении Восточной Бухары, А.Е.Снесарев указывает: «Таджики представляют собой оседлое население, а узбеки и каракиргизы (киргизы – В.Д.) находятся в поре оседания: в некоторых пунктах мы находим уже совершенно оседлые группы этих народностей, а в некоторых – почти еще совсем кочевые».³ Касаясь пропорции и ареалов проживания таджикского населения в регионе, автор указывает, что на территории Дарваза население сплошь таджикское, а на территории Бальджуанского и Кулябского бекств представители этого народа составляют две трети населения. Эти данные подтверждаются и этнографическими исследованиями, проведенными два десятилетия позднее, в период работы Комиссии по национально-территориальному размежеванию Средней Азии.⁴

А.Е.Снесарев, касаясь вопросов языкознания населения региона, и характеризуя языки припамирских народов, справедливо отмечает общую распространенность таджикского (персидского) языка.⁵

Несомненным вкладом А.Е.Снесарева в изучение этнографии населения Горного Бадахшана стала его научная статья «Религия и обычаи горцев Западного Памира».⁶ Здесь он подробно рассматривает особенности культа секты исмаилитов, взаимоотношения исмаилитского населения Горного Бадахшана с суннитским окружением Восточной Бухары и Афганистана, а также особенности материальной культуры шугнанцев, ваханцев, дарвазцев связанные с определенной географической изолированностью этой территории.

Говоря о работе проделанной А.Е.Снесаревым в области этнографии, нельзя не упомянуть в целом о большом вкладе русских военно-служащих в изучение географии, геологии, а также истории и культуры таджикского народа. При этом данная оценка относима, прежде всего, к офицерам Памирского отряда, многие из которых являлись членами ТОРГО. Среди них, в первую очередь, необходимо назвать штабс-капитана Б.Л.Громбчевского, совершившего в 1880-х годах ряд экспедиций на границах Памира и Гиндукуша. Так в 1889—1890гг. капитан Б.Л.Громбчевский организовал экспедицию за Гиндукуш в сопровождении 7-ми казаков и нескольких джигитов-проводников. Ввиду политических осложнений в Афганистане, ему не удалось проникнуть за Гиндукуш, в страну сияпушей (Кафиристан). Экспедиция посетила Дарваз, Рушан, Шугнан, Восточный Памир, Раскем, верховья р.Караташ-дарьи, Южную Кашгарию (Яркенд, Хотан и Полу), Сарыкол.⁷

В 1891г. Б.Л.Громбчевский принимал участие в поездке туркестанского генерал-губернатора, барона А.Б.Вревского на Памир. Это мероприятие знаменовало собой начало перехода Памира под русский контроль.

В 1892г. Б.Л.Громбчевский участвовал в Памирском походе полковника М.Е.Ионова.

Большой вклад в исследование Памира внес и полковник В.Н.Зайцев, первый начальник Памирского отряда на Восточном Памире. Им не только была организована пограничная охрана рубежей, но и проведены мероприятия для развития экономики Памира и горного Бадахшана, а также произведены первые посевы зерновых и огородных культур в целях акклиматизации.⁸

Летом 1894г. В.Н.Зайцевым выбрана новая база Памирского отряда – в кишлаке Чим (Хорог), на берегу Пянджа – нынешний административный центр Горно-Бадахшанской Автономной Области (ГБАО).

В конце своей служебной карьеры В.Н.Зайцев был начальником Ошского уезда Ферганской области, в подчинение которого входил и Памир, где его усилиями проводились многочисленные научные исследования и хозяйственное обустройство территории.

К той же категории страноведческих обзоров, как и «Восточная Бухара» А.Е.Снесарева, относится работа капитана А.Косиненко, подготовленная по результатам его экспедиции 1909г. Наряду с физико-географическим описанием местности, месторождений полезных иско-

паемых, флоры и фауны, путей сообщения, автором дана характеристика ареалов расселения таджикского и киргизского населения на Памире и в Горном Бадахшане, особенности материальной и духовной культуры исмаилитов, а также данные о проживании отдельных групп населения в различных регионах Восточной Бухары.⁹

Большой интерес вызывают работы подполковника Отдельного корпуса пограничной стражи России (ОКПСР) Д.Н.Логофета, долгие годы прослужившего в Средней Азии и активно сотрудничавшего с РГО. В основном, его работы носят публицистический характер и содержат богатый материал по истории, этнографии, текущей политической обстановке на территории Закаспийской области (Туркменистан), южных районов Узбекистана и Таджикистана. Исключением можно считать его работу «Страна бесправия. Бухарское ханство в его современном состоянии», а также «Бухарское ханство под русским протекторатом», являющихся политологическими исследованиями по последнему независимому государству Средней Азии.¹⁰

Д.Н.Логофету принадлежат обширные, хотя и недостаточно обобщенные этнографические наблюдения по территории Гиссарского, Кулябского, Кабадианского и Курган-Тюбинского бекств. В основном они носят характер путевых заметок. Отсутствие специального востоковедческого образования и незнание местных языков не дали возможность Д.Н.Логофету провести глубокие исследования исторического и этнографического характера и привели к ошибкам в этой области.

Так неточным следует считать замечание Д.Н.Логофета о том, что «незначительная часть таджиков находится в числе городского населения различных городов Бухары, но вся масса их живет в своих горных кишлаках».¹¹

Абсолютно неправильным нужно признать и утверждение Д.Н.Логофета о существовании у таджиков трех главных наречий: каратегинского, дарвазского и шугнанского. Это можно объяснить как недостаточной изученностью вопросов языкознания Средней Азии в начале XXв., так и слабостью лингвистической подготовки самого исследователя.

Значительный интерес представляют и статистические сведения по расселению жителей на территории Восточной Бухары, а также о размере населенных пунктов. Д.Н. Логофет указывает, что «менее заселенными (в Бухарском эмирате – В.Д.) являются бекства Восточной Бухары, где первое место по численности занимают Каратегинское, Кулябское, Бальджуанское. Самыми же малозаселенными являются бекства Дарвазское, Курган-Тюбинское, Кабадианское».¹²

Касаясь вопросов материальной культуры населения Восточной Бухары, Д.Н.Логофет останавливается на фортификационных сооружениях Гиссарского и Каратегинского бекств. Характеризуя цитадели Регара и Гиссара, он указывает, что они представляли собой укрепления из глинобитных стен со сторожевыми башнями из жженого кирпича.¹³

Кроме того, автор упоминает о дополнительных крепостных стенах, охватывающих часть Гиссара и о четырех глинобитных башнях, построенных в одну линию и прикрывающих город с востока.¹⁴

У Д.Н.Логофета, как и большинства авторов конца XIX–нач. XX вв. описание архитектуры и строительной техники носит характер отдельных наблюдений - отмечается географическое положение селений, внешний вид построек, внутренняя планировка, применяемые строительные материалы.¹⁵ Так Д.Н.Логофет, ставший во время путешествия в 1907г. свидетелем катастрофического землетрясения в г. Каратаге, специально останавливается на вопросах сейсмоустойчивости здешних построек, указывая на бессистемность застройки населенных пунктов и недопустимую слабость деревянных конструкций зданий, что при значительных подземных толчках приводит к обрушениям глинобитных крыш и огромным жертвам. В то же время, он специально указывает на большую сейсмоустойчивость конструкций жилых построек в Каратегине: «За исключением последних (киргизов – В.Д.), пользующихся войлочными юртами, все население бекства живет в глинобитных саклях особой постройки: с толстыми до 2-х аршин стенами, низкими и устойчивыми, могущими противостоять снегам и землетрясениям».¹⁶

В области изучения духовной культуры населения Восточной Бухары Д.Н.Логофетом зафиксированы достаточно интересные фольклорные материалы. Среди девяти преданий, записанных исследователем на территории этого региона, пять имеют религиозный сюжет.¹⁷

Говоря о результатах изучения этнографии таджикского народа ТОРГО в период 1897-1917гг. нужно отметить, что в этот период была издана лишь одна работа, претендующая на фундаментальное освещение данного вопроса.¹⁸ Ее автором был А.П.Шишов – старший врач 1-го Туркестанского стрелкового батальона, за долгие годы службы в Средней Азии увлекшийся изучением этнографии таджикского и узбекского населения. Необходимо подчеркнуть, что названный труд был задуман в качестве большой обобщающей монографии по этнографии и антропологии таджикского народа. В написании его первой части (этнографической) автором были использованы как материалы собственных наблюдений, так и многочисленные материалы по теме, русских и зарубежных (в основном английских) исследователей о таджиках Афганистана, Персии и Кашгарии.

В своей работе А.П.Шишов попытался дать обобщенную картину материальной и духовной жизни таджикского народа в современных ему условиях. Наряду с подробными характеристиками различных отраслей ремесленного производства, в которых были заняты таджики, характеристикой ареала расселения народа по территории Средней Азии и их культурного взаимодействия с тюркоязычным населением, автор подробно останавливается на таком малоисследованном аспекте, как употребление наркотиков. Богатая медицинская практика, которую исследователь получил за более чем двадцатилетний срок работы врачом в Фер-

гане, а затем в Ташкенте, давала ему большой материал об употреблении опиума, гашиша и других наркотиков среди различных слоев как местного, так и европейского населения.¹⁹

Вместе с тем, этнографические характеристики населения в области духовной культуры и национального характера часто поверхностны, спорны и требуют критического подхода.²⁰

К большому сожалению, труд А.П.Шишова не был завершен в его антропологической части. Судьба собранных для него материалов, представляющих огромный интерес для современной науки, неизвестна.

Среди офицеров русской армии и ОКПСР, являвшихся членами РГО или ТОРГО особо выделяется И.Д.Ягелло, активно работавший в области этнографии и языкознания шугнанских и ваханских таджиков в период 1914-1917гг., будучи начальником Памирского отряда; а также капитан Н.Туманович, работавший в области этнографии и языкознания шугнанцев.²¹

Таким образом, вклад русских военных в исследование Памира велик и многообразен, но, к сожалению, до настоящего времени недостаточно изучен в советской и современной российской и таджикской историографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ИТОРГО. – Ташкент, 1898г., Т.1, Вып.1, С.91-92.

² А.Е. Снесарев Восточная Бухара. Военно-стратегический очерк. – Сборник географических, топографических, статистических материалов по Азии. – СПб, 1906г., вып. XXIX.

³ Там же, С.38.

⁴ См. Б.Х. Кармышева. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана.- М., 1976г., с.42-66.

⁵ А.Е. Снесарев. Восточная Бухара... С.41.

⁶ А.Е. Снесарев. Религия и обычаи горцев Западного Памира// Туркестанские Ведомости, 1904г., №89.

⁷ См: Громбчевский Б.Л. Отчет о командировании в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 году старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области поручика Б. Л. Громбчевского. — Новый Маргелан, 1887; Громбчевский Б.Л. Наши интересы на Памире. Военно-политический очерк. — Новый Маргелан, 1891; Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. — Новый Маргелан, 1891; Громбчевский Б.Л. Докладъ Подполковника Б. Л. Громбчевскаго, читанный въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба 14 марта 1891 года, Санкт-Петербургъ.

⁸ См: Отчет о действиях Памирского отряда капитана Зайцева в период с 26.IV.1893 по 18.X.1894 года.

⁹ (Косиненко) Извлечение из доклада Косиненко о поездке на Памир и в

¹⁰ См: Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909; Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским

¹¹ Там же, С.160.

¹² Там же, С.157.

¹³ Там же, С.227.

¹⁴ Там же, С.236-237.

¹⁵ Р.Л.Неменова. О селениях Дарваза// Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук, 1956г., вып.10-11, С.38.

¹⁶ Там же. С.335.

¹⁷ Д.Н.Логофет. В горах и на равнинах Бухары (очерки Средней Азии). –

¹⁸ Шишов А.П. Таджики (этнографические и антропологические исследования). в 2-х ч.- Ташкент, 1910г., ч.1, Этнография.

¹⁹ Там же, С.85-87.

²⁰ Там же. С. 35-40: 74-76.

²¹ Н.Туманович. Краткая грамматика и словарь шугнанского наречия. – Ташкент., 1908г.

CONTRIBUTION OF RUSSIAN ARMY OFFICERS MEMBERS OF THE RUSSIAN GEOGRAPHIC SOCIETY IN PAMIR RESEARCH IN THE END OF 19 – EARLY 20 CENTURIES

Key words: Academic Research, Ethnography, Seismology, Usay Abatis, Turkestan Branch, Russian Geographic Society.

Soldiers of the Russian army have had a big contribution in the work of Russian Geographic Society during 1897-1917. Officers and generals, including A Separate Corps of Border Defense of Russia serving in Central Asia and sent to this region from central military districts have had intensive country-related research of Pamir territories in the areas of geography, ethnography, history, economics, geology, botany, etc.

They contributed significantly in topography and orography studies of Pamir territories which was necessary for demarcation and delimitation of the (state) border with China and Afghanistan in 1895.

Especially it worth mentioning the result of seismology research of 1911 earthquake consequences in Rushan, conducted under the supervision of Khorog Border branch officers, and monitoring of Usay abatis conducted by them in Bartang river.

Results of all research conducted by Russian militaries - members of the Separate Corps of Border Defense of Russia have been reported in regular meeting of this organization, were published in academic and popular journals in this region and were publicly available.

ЗНАЧЕНИЕ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ИССЛЕДОВАНИИ ГОРНЫХ РЕГИОНОВ ТАДЖИКИСТАНА

Х.МУХАББАТОВ,

доктор географических наук

Русское географическое общество (РГО), сыграла весьма огромную роль в изучении просторов Азиатского континента.

После присоединения Закавказья во второй половине XIX века взоры России были обращены на Центральную Азию. Она нужна была как сырьевая база для русской текстильной промышленности, испытывавшей хлопковый голод, так как во время гражданской войны в США (1860-1865 гг.) доставка хлопка из Америки прекратилось. Кроме того, Центральная Азия была и довольно емким рынком для сбыта тканей и других изделий. В этой связи в течение 1864-1873 гг. феодальные ханства Хивы, Бухары и Коканда были присоединены к России.

Присоединение Средней Азии к России открыло новые возможности для русских исследователей, которые стали все более интересоваться природным богатством, бытом и культурой этих народов. К этому времени территория современного Таджикистана представляла собой совершенно неисследованную страну не только в географическом, но и в этнографическом и геологическом отношениях.

Легко заметить, что расширение границ России шло настолько стремительно, что географическая изученность этих территорий не могла угнаться за ним ввиду отсутствия в России специального исследовательского географического учреждения.

С другой стороны, было бы немислимым организация экспедиций в труднодоступные территории Азиатского континента и Центральной Азии в частности, без глубоких знаний географической науки. Таковы предпосылки образования Географического общества в России.

С первых лет своего существования РГО развернуло обширную экспедицию, издательскую и просветительную деятельность. Оно внесло огромный вклад в изучение Урала, Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии, Кавказа, Ирана, Индии, Новой Гвинеи, Арктики, Антарктиды и т.д. Эти исследования связаны с именами крупных учёных и путешественников Л.А. Кропоткина, П.П.Семенова-Тян-Шанского, Н.М. Пржевальского, Н.Н. Миклухо-Маклая, В.А. Обручева, Л.С. Берга и др.

Первые шаги в изучение географии и природных богатств Центральной Азии, в том числе и Таджикистана, связаны с именами русских учёных, членов РГО, проводивших маршрутные исследования в середине XIX века. Так, в 1841 г. первая научная экспедиция во главе К.Ф.Бутенева прибыла в Бухару. В состав экспедиции входили: М.Богословский, Н.В.Ханьков, Я.П.Яковлев и А.А.Леман. Эта экспеди-

ция, преодолевая огромные преграды, дошла до озера Искандаркуль. Ею были собраны богатейшие материалы по флоре и полезным ископаемым Зеравшанской долины.

В 1868-1871 гг. А.П.Федченко первым обследовал Зеравшанский, Туркестанский, Гиссарский хребты, посетил Алайскую долину открыл Заалайский хребет. Создал первую схему орографии системы Гиссаро-Алая. В начале 70-х годов XIX века А.П.Федченко посетил Ферганскую долину, в том числе город Худжанд. В своих записках он наряду с достопримечательностями подробно описывает развитие ремесленного производства и шелководства. С 1873 г. на территории Средней Азии работали члены РГО Д.И.Мушкетов и Г.Д. Романовский. Они положили начало современному представлению о геологическом строении Таджикистана и Средней Азии в целом.

В 1875 г. была организована первая и вместе с тем крупная экспедиция в юго-восточные районы Таджикистана во главе с Н.А.Маевым (1835-1896), которая обследовала Гиссарское и Кулябское бегства и вошла в историю как первая Гиссарская экспедиция. Н.А.Маевым было проведено еще несколько экспедиций в 1877-1879 годах, в результате которых получены более достоверные и обширные сведения геологического, географического и этнографического характера.

Огромный интерес представляет книга члена РГО Г.А. Арандаренко «Досуги в Туркестане», где автор дает важные сведения о природе, развитие хозяйства, этнографии и искусственного орошения в горных регионах Таджикистана. «Несмотря на прекрасные арыки в горах, - отмечал Г.А.Арандаренко, - проходящие местами длинные скалистые туннели ... справедливо признаешь в незнакомых с нивелирами туземных практических ирригаторов».

В 1883 г. состоялась экспедиция на Памир с участием Д.Л.Иванова. Пройдя труднейший путь по перевалам, ледникам он попал в кишлак Сарез, который через 30 лет исчез под водой. Д.Л.Иванов дал орографическое и геологическое описание Памира, а также занимался обследованием верховья Зеравшана.

Экспедиция, возглавляемая В.Ф. Ошаниным пересекла западные отроги Гиссарского хребта, прошла по Сурхандарьинской и Гиссарской долинам, проникла в горную область Каратегина; ею были открыты хребты Петра Первого и Каратегинский, а также самый крупный материковый ледник в Азии, который В.Ф.Ошанин назвал именем А.П.Федченко.¹¹ За этот период ряд интересных маршрутов по Таджикистану совершает зоолог и географ Н.А. Северцов, который исследовал центральную часть Тянь-Шаня, собрал большой материал по орографии Памира, его флоры и фауны. Важное место в изучении физической географии Таджикистана занимают также работы П.П.Семенова-Тян-

---

¹¹ В.И.Ошанин. Каратегин и Дарваз. Изв. РГО. Т. 17, отд. 2, 1881.

Шанского и Г.Д. Романовского.

Климат Средней Азии, в частности Зеравшанской долины, изучал выдающийся русский климатолог А.И.Воейков (1912 г.). Он совершил длительное путешествие, результатом которого было первое научное описание климатических условий Средней Азии и некоторых районов Таджикистана, вошедшие в классический труд «Климат земного шара».

Изучение почв ведет свое начало от крупнейшего русского почвовед С.С.Неуструева. Он изучил и дал научное описание почв Ферганы и Памира, которые посетил в 1912 г.

Видным исследователем Средней Азии И.В. Мушкетовым были обследованы многие, в т.ч. и северные районы Таджикистана. Результаты его исследований были обобщены в двухтомном труде «Туркестан» (1915), где дана также геологическая карта Средней Азии.

Прекрасное географическое описание Алая и Памира (1896 г.) принадлежит академику С.И. Коржинскому. Исследования Д.В. Наливкина позволили по новому подойти к физико-географическим вопросам, в частности орографии Таджикистана. Он также изучал геологию и вопросы древнего оледенения (1915 г.). Значительный вклад в обследовании Памира внёс выдающийся учёный и путешественник Г.Е. Грумм-Гржимайло.

В начале XX века несколько путешествий на Памир совершил Б.А. Федченко (сын А.П. Федченко) с целью изучения растительности, озер и ледников.

Интерес учёных и исследователей членов РГО к изучению Таджикистана был настолько велик, что они не считались с материальными и финансовыми трудностями.

Все указанные путешествия были посвящены главным образом, физико-географическому, геологическому или этнографическому изучению территории Таджикистана. Вместе с тем в некоторых из них приводились экономико-географические данные. Например, в трудах А.А. Кушакевича имеются данные о ткацком, гончарном и чугунолитейном производстве в Худжанде¹².

Н.Г. Малицкий и М.С. Андреев сообщают интересные сведения о древней горной промышленности Северного Таджикистана.

В Советский период РГО был переименован в государственное, и оно проявляло огромные усилия по систематическому изучению природных богатств страны и Таджикистана в частности.

В советский период ВГО периодически возглавляли весьма авторитетные учёные, как академики Н.И. Вавилов (с 1931 по 1940), Л.С. Берг (с 1940 по 1950), Е.Н.Павловский (с 1952 по 1964гг.) и т.д.

ВГО всегда было сильно проявление инициативы относящихся к его компетенции. Оно было в числе инициаторов создания миллионной

---

¹² А.А.Кушакевич. Сведения о Ходжентском уезде. Зап. РГО. Спб. 1871.

карты СССР и введения поясного времени. Активно участвовало в составлении Большого Советского Атласа мира и особенно Морского Атласа. Оно первым подняло голос в защиту приоритета русских в открытии Антарктиды, его заявление было использовано Советским правительством в ноте, разосланной в 1949 г. зарубежным государствам по поводу режима в Антарктиде.

Основные формы деятельности ВГО со дня образования и до сих пор являются:

- обсуждение научных докладов;
- проведение широких научных конференций;
- созыв географических съездов;
- экспертиза и консультации по всем вопросам географии;
- организация экспедиций и научных поездок;
- популяризация географических знаний;
- присуждение медалей и премий за лучшие научные труды (золотые медали им. П.П.Семенова-Тян-Шанского, Ф.П.Литке, Н.М. Пржевальского);
- издательская деятельность.

Первая экспедиция в Таджикистан после Октябрьской революции, была организована в 1923 г. под руководством Н.Л.Корженевского.

В 1928 году на Памире начала работу советско-германская высокогорная экспедиция во главе с О.Ю.Шмидтом. Огромный вклад в изучение природы, природных богатств и экономики республики внесла Таджикская комплексная экспедиция (1928 г.), преобразованная затем в Таджикско-Памирскую (1928-1933). С 1928 г. Академия наук СССР ежегодно направляет научные экспедиции под руководством академика Горбунова Н.П. в Таджикистан и на Памир. Это позволило за короткий срок провести обширные исследования и поисковые работы.

В состав экспедиции были включены крупные учёные с мировыми именами члены Географического общества, как академики Н.И.Вавилов, А.Е.Ферсман, В.Л.Комаров, С.Ф.Ольденбург, Е.Н.Павловский, Н.П. Герасимов и многие другие.

Подводя итоги работы Таджикско-Памирской экспедиции, академик А.Е.Ферсман говорил: «За четыре года экспедиции под руководством Н.П.Горбунова проделана огромная аналитическая и творческая работа, разбужена мысль, зажжено увлечение, созданы кадры, поставлены вехи, протянуты нити триангуляционных сетей: географический ландшафт схвачен в своих основных чертах и на его карте уже сейчас могут закономерно решаться проблемы географии производительных сил, проблемы их размещения и план их использования».¹³ На самом деле в течение относительно короткого промежутка времени была выполнена огромная работа, которая и сейчас вызывает удивление своим размахом

---

¹³ Проблемы Таджикистана. Том 1, Л., Изд-во АН СССР, 1933. С.6.

и многогранностью. Выступая на I конференции по развитию и размещению производительных сил Таджикистана в Ленинграде (1933 г.) академик Н.И.Вавилов говорил: - «Таджикистан обладает исключительной возможностью для получения самых высокосортных сухофруктов. Сахаристость абрикоса, винограда и других плодовых, здесь чрезвычайно высока, достигает почти мировых крайностей».¹⁴ Он, в частности указал на необходимость установления правильного севооборота и широкой организации селекционной работы, создания прочной кормовой базы для эффективного развития животноводства. Эти идеи великого учёного остаются в силе и поныне.

Академик В.Л.Комаров, изучая горные экосистемы Таджикистана, отметил, что уничтожение насаждений усилит паводки, расширит процессы смыва почвы и выветривания горных склонов.

Тогда в 30-е годы В.Л.Комаров бил тревогу по поводу уничтожения горных лесов, и арчевников, в то время леса составляли 8% территории республики, а сейчас составляют немногим около 3%.

К большому сожалению, в связи с бедностью населения в последние годы набирает силу и темпы процесс истребления не только лесов, но и всего того, что можно использовать в качестве топлива.

Участники Таджикско-Памирской экспедиции огромное значение придавали богатствам минерально-сырьевых ресурсов и гидроэнергетики. Ещё тогда было указано на высокие показатели эффективности гидроэлектростанций в районах, ныне известных под названиями Нурек, Рагун, Шураб, Сангтуда, Байгази. Участниками промышленно-энергетической секции был сделан вывод о том, что гидроэнергия Таджикистана будет иметь очень низкую себестоимость, является экологически чистой и отличается высокой конкурентоспособностью на мировом рынке. Сегодня ряд идей о строительстве крупных ГЭС на горных потоках Таджикистана требует серьёзных усилий по их претворению в жизнь. Речь идет о строительстве Рогунской, Шурабадской, Даштиджумской ГЭС.

Благодаря усилиям Географического общества и Таджикско-Памирской экспедиции, в тот период научные исследования по географии Таджикистана получили дальнейшее развитие.

В числе гляциологических исследований наиболее важной является работа Р.Д.Забирова «Оледенение Памира» (1955). Весьма ценен труд Л.Н.Бабушкина «Агроклиматическое районирование Средней Азии» (1964), ставший основным для выбора площадей под сельскохозяйственные культуры, особенно под хлопчатник. Значительными физико-географическими исследованиями являются работы В.А.Бугаева «Климат Средней Азии и Казахстана», О.Е.Агаханянца «Физико-географический очерк Памира» (в двух томах 1964, 1965 гг.).

---

¹⁴ Проблемы Таджикистана. Том 2, Л., 1934. С. 18.

Члены ГО Москвы, Ленинграда, Киева, Ташкента принимали участие и оказывали непосредственную помощь в подготовке кадров и в экономико-географическом исследовании территории Таджикистана.

В 1953 г. при Академии наук республики учреждено Таджикское географическое общество – филиал ВГО СССР. На съезде первым президентом Таджикского ГО был избран академик А.П.Недзвецкий.

Результатами научной деятельности ГО Таджикистана явились публикации множества сборников «Труды таджикского филиала ГО». Важными исследованиями в области географии являются работы Д.А.Чумичева «Таджикская ССР» (1954), Р.И.Селиванова «Природа и природные ресурсы Таджикистана» (1958), Г.Т.Сидоренко «Растительность Кураминского хребта» (1953), К.В.Станюковича «Растительность гор СССР» (1973), К.Ш.Джураева «Экономическое значение водных ресурсов Таджикистана» (1975) и т.д. Члены ГО Таджикистана внесли весомый вклад в создание комплексного «Атласа Таджикской ССР» (1968), монографии «Таджикистан: природа и природные ресурсы» (1982) и «Природные ландшафты Таджикской ССР» (1991).

После распада Советского Союза таджикские географы не потеряли научные связи с географическими учреждениями России и других стран СНГ. При Международной ассоциации Академии наук уже много лет существует и плодотворно действует Объединенный Научный Совет по фундаментальным географическим проблемам. В его работе активное участие, кроме ведущих учёных России, Белоруссии, Украины, Казахстана, Азербайджана, Армении и Туркменистана принимают и таджикские географы.

На одном из последних заседаний Совета (2013 г.) почётный председатель Русского географического общества, академик В.М.Котляков отметил важность решения Правительства Республики Таджикистан и Президиума Академии наук Республики Таджикистан о создании Национального Атласа Таджикистана и добавил, что Совет считает его актуальным и готов оказать всемерную научную поддержку в разработке материалов Атласа. Национальный Атлас Республики Таджикистан это фундаментальное географическое произведение, призванное дать целостное представление о природе, населении, хозяйстве, экологии, истории, культуре республики, общенациональный свод научно-обработанных и взаимно согласованной пространственно-временной информации всех отраслей экономики, управления, науки и образования страны. Атлас будет выполнять роль культурного посланца Таджикистана за рубежом, а также посредника в развитие экономических и культурных связей с Россией.

ЗНАЧЕНИЕ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ИССЛЕДОВАНИИ ГОРНЫХ РЕГИОНОВ ТАДЖИКИСТАНА

Х.М. МУХАББАТОВ

В статье отмечается, что присоединение Средней Азии в частности Таджикистана к России открыло новые возможности для членов Русского географического общества, которые стали все больше интересоваться природным богатством, бытом и культурой таджикского народа. К этому времени территория современного Таджикистана представляла собой совершенно неисследованную страну не только в географическом, но и в этнографическом и геологическом отношении.

Ключевые слова: *пространства, размещение, исследование, изучение, природные ресурсы, экспедиция.*

Unofficial translation

THE VALUE OF RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY IN THE INVESTIGATION OF MOUNTAINOUS REGIONS OF TAJIKISTAN

Mukhabbatov Kh.M.

Annotation

In the article its emphasized that connection of Central Asia and in particular Tajikistan to Russia have opened a new opportunities for members of the Russian Geographical Society, which started to pay more interest to natural resources, lives and culture of Tajik people. At this time, the territory of modern Tajikistan was completely unexplored not only in geographical but also in ethnographical and geological terms.

О ПОНЯТИЯХ «ГОРА», «ХРЕБЕТ», «ГОРНАЯ СТРАНА» И «РЕЛЬЕФ ТАДЖИКИСТАНА»

А.НИЁЗОВ,

Институт геологии, сейсмостойкого строительства и сейсмологии
Академии наук Республики Таджикистан, aniyozov@bk.ru

Таджикистан, как территориально - географическая политическая единица, является горной страной. Это аргументируется тем, что 93% его территории составляют горы. В доступной Википедии также называется эта цифра. В литературе подчеркивается, что «Таджикистан – горная страна [8, с. 17]. «Горная страна обычно подразумевает обширную территорию, занятую горами (см.: например [2]). Следовательно, Таджикистан – горная страна. Происхождение термина «Таджикистан – горная страна» и цифры 93%, как показал обширный поиск, неизвестно. Поэтому представляется интересным рассмотреть насколько обоснованы такое классификация и количественная оценка.

Наиболее раннее упоминание этого термина применительно к Таджикистану и его окружению содержится в научных работах конца 19 века русских географов – Е.Грумм-Гржимайло, Д.Л.Иванова, А.П.Карпинского, С.И.Коржинского П.Е.Косякова, А.Ф.Миддендорфа, Г.Д.Романовского, Н.А.Северцова, А.П.Федченко и др. Но в них не приводится обоснование, т.е. критерии такой классификации (отнесения) территории Таджикистана к горной. Нет количественного обоснования «гористости» также и в последующих, наиболее фундаментальных трудах Таджикской комплексной экспедиции АН СССР, Памирской Таджикской комплексной и Таджикско-Памирских экспедиций первой половины 20 века.

Создается впечатление, что нет научно обоснованного критерия отнесения территории Таджикистана к горной стране.

Гора, как и равнина, хребет, лощина, седловина относится к формам рельефа – неровностям поверхности Земли. Рассматриваемый круг вопросов относится к понятийной категории геодезии, точнее ее раздела – топографии. Эти термины являются центральными также и в геоморфологии, географии, но в научных рамках формулируются и используются в топографии. В топографической литературе [5–7и др.], к сожалению, нет общепринятого толкования термина «гора». Обычно считается, что «Гора – это возвышающаяся над окружающей местностью конусообразная форма рельефа. ... Линия слияния скатов с окружающей местностью называется подошвой или основанием горы», или «Гора - положительная форма рельефа, для которой характерны относительно крутые склоны и вершина, возвышающаяся над подножием не менее чем на 200–300 м. Крутизна склонов гор обычно превышает 10–15°, диам. основания – от сотен метров до нескольких десятков или даже сотен километров», или «Выпуклость земной поверхности, напоминающая купол или конус, называется горой или холмом в зависимости от высоты. Холмом называют возвышенность, приподнимающуюся над окружающей местностью не более чем на 200 м» [4, с. 37]. Поклад Г.Г. считает, что «холм, гора – выпуклая конусообразная форма рельефа возвышающаяся над окружающей местностью... Горы отличаются от холма размерами и крутизной скатов: при высоте над окружающей местностью до 200 м подобная форма ... называется холмом, а более 200 м с крутыми скатами – горой» [7, с. 47-48].

Как видно, в приведенных определениях, равно как и в других, отсутствует указания на «порог», т.е. абсолютную отметку (от уровня моря) точек (или точки) поверхности горы. Поэтому понятно, что горы есть и на равнинах, и на низменностях и, даже, под океанами.

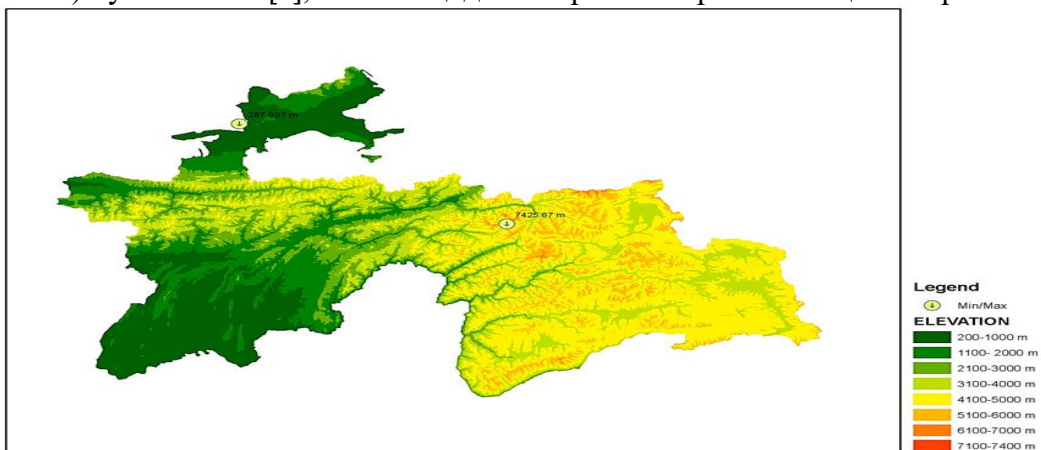
Таким образом, единственным критерием отнесения формы рельефа к горе является относительное превышение ее вершины над прилегающим окружением (подошвой, основанием) более чем на 200 м.

Наиболее запутанным является термин «горная страна». Горная страна обычно это «обширная территория, занятая горами, имеющая

определённые границы и географическое название, напр. Альпы, Кавказ, Копетдаг, Тянь-Шань, Памир, Саяны» [2]. В этом определении «границы» и «географическое название», как видно, являются чисто географическими, а не политико-географическими категориями. Его продолжение, к сожалению, вносит только путаницу: «Имеет большую (до нескольких тысяч километров) протяжённость и сложную конфигурацию. Одна или несколько горных стран могут входить в горную систему или совпадать с ней. Иногда термин употребляют как синоним термина «горы»». В определении не указано площадное соотношение (или число) гор, поэтому территория многих стран автоматически становятся горными странами. В числе Непала, Китая и др. сюда попадает, например, Греция, значительная часть территории которой находится на абсолютных отметках свыше 200 м. Крупный историк, академик Виппер Р.Ю. в своем учебнике (1913 г.) так писал о Греции: «Эта страна очень гориста; по всем направлениям расходятся горные кряжи и ветви» [Виппер, с. 146]. А доступная Википедия утверждает, что в Греции «Горные массивы занимают почти четверть поверхности территории страны». Но почему-то не считают, что Греция это горная страна.

Антиподом горы, хребта, седловины, т.е. положительных форм рельефа, считается, «нейтральная» форма – равнина. «Равнина – относительно ровная поверхность с небольшими (до 300–400 м) колебаниями высот и преобладанием малых (до 5–10°) уклонов» [2].

Если брать за основу критерий «гористости» не абсолютную высоту точек рельефа, а уклон в 10°–15°, то не менее 40–55% территории Таджикистана не может считаться горной (рисунок). А если за основу брать «небольшие (до 300–400 м) колебания высот и преобладанием малых (до 5–10°) уклонов» [2], то площадь «горной страны» еще сократится.

Орфографическая, изогипсно-высотная карта территории Таджикистана (с сечением 1000 м) (по цифровой модели).

В заключение небезынтересно приводить расширенное толкование термина «равнина». «Равнина... один из двух основных типов рельефа

земного шара (второй – горы). Равнины встречаются на разных абс. высотах на суше и на дне океанов и морей (подводные равнины). На суше различают равнины: низменные, или низменности, расположенные ниже у.м. (напр., Прикаспийская низм.), низкие – на выс. до 200 м, возвышенные – 200–500 м, нагорные (плоскогорья, плато), наклонные подгорные» [2, дословно]. С учетом этого определение территории Таджикистана (по крайней мере значительную ее часть) следует отнести к нагорной равнине, т.е. не горе, а равнине!. Это утверждение усиливается определением «плоскогорье»: «Плоскогорье - горная территория, в рельефе которой преобладают плоские и слабоволнистые водоразделы, сочетающиеся с отдельными горными массивами, кряжами и глубоко врезанными речными долинами. Абс. высоты 700–1500 м и более, относительные 200–300 м и более»[2]. Могут быть возражения, что нагорье, плоскогорье – это равнины на горе, или в горной стране, но источник утверждает, что равнина – это отдельный, самостоятельный тип (форма) рельефа, как и гора. Тут дихотомия исключена.

Относительно 93%. В географическом описании Таджикистана вслед за другими указывается, что «большая часть его территории занята мощными, сильно расчлененными хребтами (*что не соответствует реальной картине – см.рис. – А.Н.*), а около лишь 1/10 площади составляют равнины» [8, с. 17]. Следовательно, горам «останется» около 90%, что ближе к 93%. Но в указанном источнике не показано как выведена эта цифра, откуда она взята.

Можно сказать только одно: цифра 93% кочует из одной научной, научно-популярной книги в другую, но не удается установить ни автора «расчета», ни источника. А количественная оценка рельефа территории Таджикистана ее не утверждает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виппер Р. Ю. История древнего мира. Москва: Изд-во "Республика", 1993 (по изданию 1913 г.). – 511 с.
2. Географическая энциклопедия. Адрес доступа: http://enc-dic.com/enc_geo/
3. Господинов Г.В., Сорокин В.Н. Топография. - Москва: МГУ, 1974. – 360 с.
4. Карабцова З.М. Геодезия. Владивосток: Изд-во ТИДОТ ДВГУ, 2002. – 151 с.
5. Кусов В.С. Геодезия и основы аэрометодов. - Москва: Изд-во МГУ, 1995. – 160 с.
6. Маслов А.В. Гордеев А.В, Батраков Д.Г. Геодезия. Москва: Недра, 1980. – 481 с.
7. Поклад Г.Г., Гриднев С.П. Геодезия. Москва: Академический Проект, 2007. – 590 с.
8. Советский союз. Таджикистан (Географическое описание). Москва: Мысль, 1968. – 238 с.

РОЛЬ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ ЗЕРАВШАНСКОГО РЕГИОНА

Ш. РАХМОНОВ,
ТГПУ им. С. Айни

В конце XIX в. - в начале XX в. на территории Средней Азии и в частности в Зеравшанской долине русскими учеными и специалистами проводились исследования в области географии, ботаники, геологии, экономики, демографии и др.

Царское правительство интересовалось недавно присоединенным краем, были организованы экспедиции в Туркестан, большую роль в которых сыграло «Русское географическое общество» и его Туркестанское отделение. Они финансировали, объединяли и оказывали всяческую поддержку исследователям Средней Азии. Много сделали русские ученые для освещения географии отдельных регионов Средней Азии и Зеравшанской долины в особенности. Среди них в первую очередь нужно отметить А. П. Федченко, Н. А. Северцова, И. В. Мушкетова и др. Зеравшан изучали и описывали представители различных профессий (инженеры, топографы, военные и др.). В их работах немало интересных сведений экономико-географического характера.

Историю экономико-географического изучения Зеравшанского региона можно разделить на два самостоятельного периода: дореволюционный охвативший период географического его изучения и советский период комплексного изучения региона.

До XIX в. в научном плане экономико-географическое состояние Зеравшанского региона никто не исследовал, если не считать отрывочных сведений, собранных некоторыми путешественниками.

В 1841 г. на научной основе начались исследования долины Зеравшан экспедицией «Миссии инженера Бутенева в Бухару» географом Н. В. Ханьковым, горным инженером М. М. Богословским и натуралистом А. Леманом. Эта «миссия» проделала следующий путь: города Бухара – Самарканд – Пенджикент – селение Яркишлак – крепость Урметан – кишлак Захматабад (ныне Айни) – р. Фан-Дарья – крепость Сарвадар – р. Пасруд, озеро Куликалон – селение Киштут – Пенджикент – Самарканд – Бухара. Экспедиция дала богатые и разнообразные по своему характеру материалы. Н. В. Ханьков, всесторонне изучив владения Бухарского эмира, куда входила и Зеравшанская долина написал большой труд «Описание Бухарского ханства», где представил всю сумму новейших для того времени данных о Бухаре, ее топографии, естественных ресурсах, климатических особенностях, землетрясениях, занятиях

населения и т. д. [15]. Другой член экспедиции – М. М. Богословский в труде «Записки о долине Зеравшан и горах ее окружающих» дает общее описание гор, приводит сведения о почвах, геологическом строении гор, о случаях угольных пожаров, о качестве каменного угля, о золоте и его качестве, о главных каналах и др.

А. Леман собрал коллекцию из более чем 180 новых видов растений и других весьма ценных ботанических материалов. Из числа открытых А. Леманом растений 18 видов и 1 род (Alexander) названы его именем. Заслуга А. Лемана заключается еще в том, что он дал ценные сведения о богатстве недр этой долины.

Экспедиция А. Лемана также открыла в массиве Кара-Тау (Сиёх-кӯх) богатые месторождения каменного угля.

А. Леман, Н. В. Ханьков и М. М. Богословский в своих работах отметили, что местное население не только не знало ничего об этих ценных залежах, но не имело даже малейшего представления вообще о практическом значении каменного угля. Таким образом, собранные гербарии и коллекции А. Лемана впервые приподняли завесу тайны над флорой и фауной пустынь, полупустынь, оазисов и отчасти гор Средней Азии.

Однако исследования участников «миссии инженера Бутенева в Бухару» в долине Зеравшана распространились только до кишлака Айни (бывшего Захматабада), вверх исследователи не прошли. Только спустя более чем четверть века после А. Лемана, в 1870-1871 гг. растительный покров, животный мир и географические особенности Зеравшанской долины изучали А. П. Федченко и его жена О. Б. Федченко [16]. В свою первую поездку они исследовали долину среднего течения Зеравшана, т. е. от Самарканда до селения Дашти Кози. Находясь в городе Пенджикенте, А. П. Федченко ознакомился в общих чертах с хозяйственной деятельностью местного населения.

Вторую свою поездку исследователи А. П. и О. Б. Федченко осуществили в верхние части долины по маршруту Ура-Тюбе через перевал Аучи селения Оббурдон. Больше всего А. П. Федченко заинтересовала хозяйственная деятельность местных жителей. Немалых результатов экспедиция достигла и в области этнографических исследований.

В третью поездку экспедиция А. П. Федченко занималась изучением орографии горной страны в верховьях Зеравшана. Впервые были пройдены все зоны растительности до границы вечных снегов и собраны коллекции животных и гербарий. Среди собранных экземпляров особый интерес представлял растение самбул, бывшее до того времени загадкой для ученого мира.

Летом 1870 года Зеравшанская, или Искандеркульская экспедиция,

---

¹⁵ З. И. Тагаев. К вопросу изучения Зеравшанской долины. Материалы по производительным силам Таджикистана, т. VII, 1961 г., с.15

¹⁶ А. П. Федченко, Краткий отчет о путешествии в бассейн верхнего Зеравшана, Известия общества любителей естеств., т. X, выпуск 1, 1872 г., с. 22.

возглавляемая генерал-майором Л. К. Абрамовым, исследовала долину Зеравшана от Самарканда до ледника. В этой экспедиции участвовали горные инженеры Д. К. Мышенков и Д. Л. Иванов, натуралист А. П. Федченко, топографы Л. К. Сокоес, И. П. Старцев и П. А. Аминов [17].

Экспедиция прошла по следующему маршруту: Самарканд – Зеравшанский ледник – обратно до устья реки Фан-Дарьи – по долинам рек Фан-Дарья, Искандердарья – озеро Искандер-Куль – кишлак Пасруд – перевал Куликалон – кишлак Киштут – города Пенджикент и Самарканд. Заслуги этой экспедиции значительны, она впервые прошла всю долину и достигла нижнего конца Зеравшанского ледника и дала точные сведения о всей долине в целом. Впервые была составлена топографическая карта района.

Пять раз путешествовал в верховья Зеравшана и в области Гиссарского и Зеравшанского хребтов (1879, 1880, 1883, 1884 и 1885 гг.) капитан Барщевский Л. С. [18]. Во время своих поездок он производил маршрутные съемки, обращая особое внимание на богатства недр, исследовал минеральные источники, рудные месторождения, а главное, собрал очень ценные естественно-исторические, археологические и этнографические коллекции.

С 1880 г. долину Зеравшана посетили горный инженер Г. Д. Романовский, геолог И. В. Мушкетов, ботаник А. Э. Регель.

В результате проведенных исследований были получены следующие научные данные:

- Зеравшанский ледник до путешествия И. В. Мушкетова считали не проходным, недоступным не только европейцам, но и местным жителям, что оказалось не верным и после экспедиции ледник стал причисляться к разряду проходных;
- выяснилось, что Туркестанский и Зеравшанский хребты есть продолжение Алайского хребта;
- изучены геология, геоморфология и гляциология района Зеравшанского ледника. Было обнаружено значительное распространение в восточной части Туркестанского хребта сиенитов и частично нефелиновых сиенитов.

В 1887 г. долину горного Зеравшана исследовала экспедиция капитана П. А. Бегильдеева. Эта экспедиция дала краткие сведения об орографии, гидрографии, климате и почвенно-растительном покрове района. В 1888 г. начинает свое путешествие в долину горного Зеравшана известный русский исследователь Средней Азии П. П. Семенов. П. П. Семенов дал краткую географическую характеристику левого и правого берегов реки Зеравшан от Самарканда до кишлака Урметан, изучал раститель-

---

¹⁷ Д. К. Мышенков, Геологические наблюдения во время Зеравшанской экспедиции, Зап. РГО, т. 4, 1871 г.

¹⁸ З. И. Тагаев. К вопросу изучения Зеравшанской долины. Материалы по производительным силам Таджикистана, т. VII, 1961 г., с. 19

ный покров долины и альпийские луга.

В 1889 г. горную долину Зеравшана посетила экспедиция капитана К. А. Стеткевича. Она изучала физико-географические особенности пройденного пути и дала интересные сведения о фруктовых садах долины, об арче у Куликалона и прочие.

В 1896 и 1897 годах известный исследователь Средней Азии ботаник В. И. Липский посетил бассейн реки Зеравшан.

Участники экспедиции вели метеорологический журнал, измеряя температуру не только воздуха, но и почвы, отчасти и водных источников. Были собраны геологические коллекции в количестве 252 образцов различных горных пород, нанесены на карту малоисследованные и совсем неисследованные районы.

В 1910 г. в Пенджикенте, Киштутском и Куликалонском районах проводил ботанические исследования Б. А. Федченко (сын А. П. Федченко).

С 1910 по 1911 гг. Туркестанский хребет и верховья Зеравшана исследовал И. П. Преображенский по маршруту – г. Пенджикент – Зеравшанский ледник. Во время исследования он изучал геологию, геоморфологию и географические особенности долины Зеравшан и особенно Зеравшанский ледник. Изучал месторождения Киштутского каменного угля и месторождения содалита, находящихся на реке Тагаби-Сабаха [19].

Советский период исследований Зеравшанской долины отличается от предыдущих систематическим и комплексным изучением географических условий. Широкий размах приняли геологические, гидрогеологические, геоморфологические, ботанические и другие исследования. Вместо одиночек-исследователей в долине Зеравшан стали работать крупные экспедиции, в составе которых были географы, геологи, геоморфологи, ботаники, зоологи, почвоведы, гидрогеологи и другие специалисты.

В 1924 г. были организованы гидрогеологические исследования в долине среднего течения реки Зеравшан. С этой целью сюда были командированы геологи С. Ф. Машковцев, В. А. Николаев, П. И. Бутов в качестве начальников трех самостоятельных исследовательских партий. Основная задача исследований состояла в изучении бассейна реки Зеравшан в гидрогеологическом отношении. Кроме того изучали горные хребты, окаймляющие долину Зеравшан с южной и северной сторон, примерно между меридианом Пенджикента и Самарканда.

Особо важное значение для изучения производительных сил Зеравшанской долины и республики в целом, имела Таджикская комплексная экспедиция (1932 г.) и Таджикско-Памирская комплексная экспедиция АН СССР (1928-1933 гг.). Работа экспедиции была направлена, главным образом, на изучение полезных ископаемых и геологии республики и ре-

---

¹⁹ З. И. Тагаев. Материалы по производительным силам Таджикистана, т. VII, 1961 г., с. 21.

гионов. Кроме этого, ими изучались вопросы физической географии, гидроэнергетики, плодового садоводства, и др.

В 1926 г. геолог Т. М. Василевский дал подробное описание орографии, геологии участка между рекой Фан-Дарья и меридианом Пенджикента.

В 1926 году Панов А. П. восстанавливает метеорологическую станцию в Пенджикенте (990 м. абс.), вновь организует метеорологическую станцию в Захматабаде (ныне Айни) (1836 м. абс.), дождемерные станции в Киштуте (1302 м) и Хурми (1486 м. абс.).

В 1929 году под руководством М. И. Брика была начата разведка каменного угля на Завранском участке, так как по условиям залегания пластов этот участок имел лучшие возможности для эксплуатации, чем Киштутский участок.

С 1930 по 1932 гг. в Киштут-Завранском районе велись геологоразведочные работы Г. С. Чикрызовым. В результате здесь было открыто месторождение каменного угля, которое и сейчас имеет большое экономическое значение для республики. В результате работы экспедиции в долине Зеравшана обнаружены полезные ископаемые такие как: золото, серебро, ртуть, олово, мышьяк, сурьма и др.

В результате всех комплексных исследований Зеравшанской долины выяснилось, что она располагает значительными природными ресурсами, имеющими промышленное значение, богата водно-энергетическими ресурсами, которые могут быть широко использованы для производства дешевой по себестоимости электроэнергии и орошения вновь осваиваемых земель. Эти материалы стали основой по комплексному изучению и развитию производительных сил Зеравшанской долины.

РОЛЬ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ИЗУЧЕНИЕ НЕДР ТАДЖИКИСТАНА

С. БОБОЕВ,

начальник геологического отдела Главного управления геологии
при Правительстве Республики Таджикистан

Геологические исследования Таджикистана начались сразу после включения в состав России большей части территории Средней Азии и образования Туркестанского Генерал-губернаторства.

В 1845г. было учреждено Русское географическое общество и впервые же годы своей деятельности оно обратило серьезное внимание на область Памира. Уже в 1848 г. выходит в свет статья П.С. Савельева «Средняя Азия», призывавшая к изучению этой страны, ее горных районов, в частности Памира.

Год спустя в Записках Русского географического общества была напечатана статья П. Чихачева об исследованиях верховьев Сыр - и Аму-Дарьи и нагорной площади Памира. П. Чихачев писал об огромном значении изучения верховьев крупнейших азиатских рек, о питательности трав на пастбищах Восточного Памира.

Первым геологом, положившим начало систематическим исследованиям этого края, был известный русский геолог И. В. Мушкетов, который начиная с 1874 г., приступил к обследованию долины Сыр-Дарьи между Самаркандом и Ташкентом, от Тянь-Шаня до Кульджи. Позднее, когда в 1876 г. к России было присоединено Кокандское ханство, и открылся путь на Алайскую долину и на Памир, И.В. Мушкетовым попутно с изучением геологического строения этих районов были осмотрены уже известные месторождения руд, угля, также он занимался поисками новых месторождений.

Геологические исследования Таджикистана начались сразу после включения в состав России большей части территории Средней Азии и образования Туркестанского Генерал-губернаторства.

Год спустя в Записках Русского географического общества была напечатана статья П. Чихачева об исследованиях верховьев Сыр - и Аму-Дарьи и нагорной площади Памира. П. Чихачев писал об огромном значении изучения верховьев крупнейших азиатских рек, о питательности трав на пастбищах Восточного Памира.

Первым геологом, положившим начало систематическим исследованиям этого края, был известный русский геолог И. В. Мушкетов, который начиная с 1874 г., приступил к обследованию долины Сыр-Дарьи между Самаркандом и Ташкентом, от Тянь-Шаня до Кульджи. Позднее, когда в 1876 г. к России было присоединено Кокандское ханство, и открылся путь на Алайскую долину и на Памир, И.В. Мушкетовым попутно с изучением геологического строения этих районов были осмотрены уже известные месторождения руд, угля, также он занимался поисками новых месторождений.

И.В.Мушкетов в течение 1874-1880гг. исследовал геологическое строение Средней Азии, опубликовал многочисленные работы, среди которых капитальная монография «Туркестан», изданная в 1906 г.

В 1881г. им вместе с профессором Г.Д.Романовским была составлена первая геологическая карта Туркестанского края масштаба 1:1260000, опубликованная в 1884 г.

К этому же периоду относятся геологические исследования Д.Л. Иванова на Памире. В результате экспедиции была составлена первая более или менее достоверная географическая карта центральной части Памира, на которой показали истинное расположение ряда рек и хребтов; определена абсолютная высота трехсот пунктов. Д.Л. Иванов опубликовал лишь несколько небольших статей с изложением самых важных результатов наблюдений в Известиях Императорского Русско-

го географического общества и в Записках Минералогического общества за 1883-1886 г.г. Д.Л. Иванов подтвердил заключение И.В. Мушкетова о наличии по северной периферии Памира полосы еще более молодых мезозойских и кайнозойских толщ. В статьях Д.Л.Иванова опубликованы первые сведения о месторождениях серебра в долине Гунта, железа в долине Мургаба, меди и свинца в низовьях Кудары, золота в Саук-Сае.

В 1904-1906гг. Дарваз изучал петербургский геолог Яков Самойлович Эдельштейн. Им составлена первая в истории исследования Памира мелкомасштабная, но достаточно подробная геологическая карта, охватившая части бассейнов рек Пяндж, Ванч, Оби-Хингоу и верховья Оби-Хингоу. В изданной в 1907 г. его книге «Верхнепалеозойские слои Дарваза» тщательно описаны пройденные маршруты, в том числе состав и взаимоотношения распространенных здесь пород. Он значительно уточнил сведения о геологии Дарваза.

В 1908 г. южную часть Дарваза посетил Алексей Васильевич Нечаяев, продолживший к югу составленную Я.С. Эдельштейном геологическую карту, собравший коллекцию раковин животных каменноугольного и пермского периодов и описавший содержащие их породы. Ту же южную часть Дарваза в 1912г. посетил петербуржец С.Н. Михайловский. Им составлена геологическая карта участков, в пределах которых распространены юрские, меловые и кайнозойские толщи. Результаты опубликованы в 1914г. в Записках Горного института.

В 1914г. Заалайский хребет пересек через перевал Терс-Агар сын И.В. Мушкетова – Дмитрий Иванович Мушкетов, поднявшийся и на перевал Кызыл-Арт. Д.И.Мушкетов работал в Тянь-Шане. Им дополнены сведения о геологических структурах Заалая.

Первым геологом, который мог по личным наблюдениям составить представление о геологии всего Памира, стал Дмитрий Васильевич Наливкин. Анализ собственных материалов и сведений предшественников позволил Д.В.Наливкину создать первую схему строения (тектоники) Памира. Последующие исследования показали, что в основных чертах схема Д.В.Наливкина была верной, хотя со временем дополнялась и изменялась. Он также подробно описал формы рельефа, возникшие в процессе оледенения, которое, по его мнению, было двукратным и разделялось временем существования обширных озер. Д.В.Наливкин кратко охарактеризовал районы добычи золота в бассейнах рек Саук-Сай, Арзынг, Ванч, Язгулем, Кудара и Танымас. В 1916г. была опубликована его статья «Предварительный отчет о поездке летом 1915г. в Горную Бухару и на западный Памир».

Говоря о геологических исследованиях дореволюционного периода, необходимо вспомнить имя профессора В.Н.Вебера – автора первого в СССР курса «Полевая геология» (1923г.), который еще в начале XX века написал книгу «Полезные ископаемые Туркестана» и вме-

сте со своими коллегами издал сорокаверстную сводную геологическую карту Туркестана (1925г.).

После десятилетнего перерыва в 1927г. на Памире работала Памирская экспедиция Геологического комитета. Возглавил ее Д.В.Наливкин, который стал к этому времени заведующим Среднеазиатской секции Геологического комитета.

Все материалы и исследования, проведенные Русским географическим обществом, послужили реальной основой для организации более широкомасштабных, систематических геологических исследований на территории Таджикистана.

ЗНАЧЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕРРИТОРИИ ТАДЖИКИСТАНА В 20-Е И 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

А.САМИЕВ, Ш.СОДИКОВ,
ТГПУ им С. Айни

В статье рассматриваются роль русских исследователей в изучение территории Таджикистана. Отмечается весьма важное значение Таджикско-Памирской комплексной экспедиции в составе ученых с мировым именем, как Н. П. Горбунов, Н.И.Вавилон, А.Е.Ферсман, Е.Н. Павловский и др. Наряду с изучением природных богатств, особое внимание была уделено вопросам развития гидроэнергетики с учетом охраны окружающей среды.

Ключевые слова: *экспедиция, исследования, горные системы, природные ресурсы, производительные силы, рациональное размещение.*

Таджикистан всегда был привлекательным объектом для путешественников и исследователей – географов поскольку представляет собой уникальный географический и геополитический объект. Именно по этой причине после установления Советской власти, несмотря на экономические и финансовые трудности, Центральная власть организовала крупные экспедиции и направляла их для комплексного исследования территории Таджикистана. Заметную роль в этом плане сыграла Таджикско-Памирская экспедиция (1929-1933), в состав которой были включены ученые с мировым именем Н.И. Вавилов, А.Е. Ферсман, Н.П. Горбунов, В.Д. Комаров, Е.Н. Павловский, Д.В. Наливкин и др. Эта экспедиция выполнила огромную работу в комплексном пространственном исследовании республики. В этой связи нужно отметить, что ведущие участники экспедиции были членами Русского географического общества, а академики Н.И. Вавилов и Е.Н. Павловский в течение продолжительного времени возглавляли Географическое общество СССР. Участники экспедиции особое внимание уделяли исследованию природных ресурсов Таджикистана, вопросам эффективного их использования, рационально-

го размещения предприятий и отраслей. Это означало, что последние выполнялись под географическим уклоном и призваны были носить системный характер.

Уровень организации и функционирования Таджикско-Памирской экспедиции оказался чрезвычайно высоким и она получила признание со стороны научной общественности и правительства СССР. Экспедиции АН СССР 30-х годов служили в качестве предтечи Таджикской базы Академии наук СССР. Именно они определяли структуру и масштабы стационарных научных исследований в Таджикистане в последующие годы. Вскоре была создана Таджикская база Академии наук СССР для работы, в которой Центром были отправлены высококвалифицированные ученые и специалисты из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Киева и других крупных центров научной мысли.

В истории географических исследований Таджикистана комплексные экспедиции, инициированные Академией наук Советского Союза в 20-е -30-е г. занимают самую яркую страницу. По своему размаху и степени организационно - экономического обеспечения исследования Памира не знали подобных примеров ни до, ни после этих экспедиций. Впервые в истории была предпринята попытка комплексного, системного изучения природных ресурсов и производительных сил Памира и всего Таджикистана. Следует особо отметить, что ни в одной горной системе мира за всю историю подобные экспедиции не проводились. Именно Таджикская комплексная экспедиция и Таджикско-Памирские экспедиции, организованные Академией наук СССР, положили начало систематическому изучению производительных сил Таджикистана в разрезе всех природно-экономических зон. Несмотря на то, что со времени Первой Ленинградской конференции, подводившей итоги экспедиционных работ, прошло более 70 лет, многие выдвинутые в то время научные обобщения, рекомендации и выявленные проблемы не потеряли своего значения поныне.

Советское правительство и Академия наук СССР мотивировали решение об организации экспедиции необходимостью вовлечения в хозяйственный оборот богатых природных ресурсов горного региона для ускоренного преодоления технико-экономической и социально-культурной отсталости Таджикистана. Кроме того предполагалось, что с выполнением экспедиционных работ так называемые «белые пятна» в научном изучении Памира и всего Таджикистана больше не останутся.

После 40-х годов XX в. вплоть до настоящего времени такого рода экспедиции больше не организовывались. Экспедиции в тот период носили узко - отраслевой характер. Практика показала неправильность такого подхода. Причина заключалась в том, что результаты комплексных экспедиций носили с собой синергический эффект.

Результаты исследований Таджикско-Памирской экспедиции получили высокую оценку со стороны советского правительства, Академии наук СССР и правительства Таджикской ССР. Свидетельством тому ста-

ла Первая Конференция по изучению производительных сил Таджикистана, состоявшаяся 10-16 апреля 1933г. в Ленинграде с участием представителей ЦК ВКП (б) и Советского правительства.²⁰ Решения этой конференции до сих пор не потеряли свою значимость. Так, еще на ленинградской конференции член Таджикско-Памирской экспедиции академик В.Л. Комаров, изучивший горные системы Таджикистана, выразил опасение по поводу массовой вырубке горных лесов и арчевников. В 30-е годы площадь под горными лесами составляла 8% территории республики. Из-за интенсивного уничтожения лесов их площадь ныне составляет 3% от всей территории страны. Этот процесс имеет свое продолжение. Высокий уровень бедности населения выступает в качестве основной причины уничтожения высокоценных лесных массивов в горах. К тому же ныне для этой же цели уничтожаются кустарники. Нехватка электроэнергии и бытового топлива, которые объясняются низкими доходами горных домохозяйств, создают предпосылки для уничтожения горной флоры и фауны. Так, в Рамитском ущелье были уничтожены стада бухарских оленей, а в Варзобском и Альмасинском ущельях были вырублены горные леса на площади 5,5 тыс. га. Эти леса имели природозащитное значение и предохраняли горные склоны от эрозии. В Ховалинском и Бальджувонском районах почти полностью были вырублены высокоценные боярышниковые заросли.

Участники Таджикско-Памирской экспедиции еще в те времена обращали свой взор на возможности строительства ГЭС, которые могли бы обладать самыми высокими показателями эффективности. Они обосновывали места строительства новых ГЭС, которые ныне являются общеизвестными (Нурек, Рогун, Шураб, Сангтуда и Байпазы). Согласно их расчетам, гидроэнергия производимая в Таджикистане, должна была обладать самой низкой себестоимостью, отличаться высокой конкурентоспособностью на мировом рынке электроэнергии. К тому же они говорили о высокой экологической чистоте энергии, вырабатываемой ГЭС.

Анализ результатов экспедиции 20-х - 30-х годов в настоящее время имеет определенное научное и практическое значение. Последнее относится к организации и методам работы экспедиций, оценки их позитивных и негативных аспектов, анализ полученных экспедициями результатов с позиции сегодняшнего развития науки и потребностей экономики независимого Таджикистана, выявление необходимости продолжения тех работ экспедиции, которые остались незавершенными и не получившие продолжение в последующие годы. Необходимым является также внесение научного вердикта тем результатам этих экспедиций, которые потеряли свою значимость с позиции современной науки и практики и выявить те положения и итоги, которые в нынешних условиях вновь стали актуальными.

---

²⁰ Проблемы Таджикистана. Т.2. – Л.. 193. – С.83.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбунов Н. По неисследованному Памиру (избранные труды). М.: Наука, 1987. - 307 с.
2. Мухаббатов Х. , Хоналиев Н. Памир: ресурсный потенциал и перспективы развития экономики. Душанбе: МАСТЕР принт, 2005.- 241с.
3. Проблемы Таджикистана: Труды первой конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР /АН СССР. СОПС.- Л.: Изд-во АН СССР, 1933-1934. – Т.1. – 1933. – 315 с.; Т.2, - 1934.- 253 с.
4. Постников А.В. Схватка на «Крыше мира» М.: Изд. Памятники исторической мысли, 2001. - 413с.

THE SIGNIFICANCE OF GEOGRAPHICAL RESEARCH OF TAJIKISTAN'S TERRITORIES IN THE 20'S AND 30'S

Keywords: expedition research, mountain systems, natural resources, the productive forces, the rational allocation.

Annotation

The article discusses the role of Russian researchers in the study of the territory of Tajikistan. The important Tajik-Pamir combined expedition, consisting of world-renowned scientists such as N.P. Gorbunov, N.I.Vavilon, Fersman, E. N. Pavlovsky and others, is also a very important endeavor that the article speaks about.

Along with the study of natural resources, particular attention is paid to the development of hydropower, taking into account environmental protection.

РОЛЬ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В КОМПЛЕКСНОМ ИЗУЧЕНИИ ТАДЖИКИСТАНА

Р. ДИЛОВАРОВ,

ТНУ, член-корр. АПСН РФ, к.г.н., доцент кафедры экономики и управления туризма

Изучение исторических архивных материалов о работе и научной деятельности русских позволяет сделать вывод, что русские предприниматели, путешественники и исследователи имели тесные торгово-экономические связи с государством Саманидов уже со времен его формирования.

С самого начала организации Русского географического общества в трудах русских ученых, путешественников и дипломатов впервые появилось понятие «Таджикия» и ее территориальное расположение. В

научных, природоведческих трудах и записках его членов особое внимание уделялось изучению природы, населения и хозяйства таджиков, истории формирования их экономических связей с близкими соседями.

Особый интерес русского государства и его географического общества к нынешней территории Таджикистана заключался в его геополитическом расположении, так как часть территории Таджикистана - «Памир» - связана с государственными границами Китая, Афганистана и Индии, которая была в центре геополитического влияния не только Российского государства, но таких государств, как Великобритания, Германия, Афганистан, Индия и Китай, чьи интересы не совпадали с политикой русского государства, и которая была ареной геополитической борьбы за владение выгодными территориями. В решении этих вопросов огромное значение имели труды ученых, путешественников и Русского географического общества, в которых они выступали за сохранение территории нынешнего Таджикистана. Особый вклад в решение многих геополитических вопросов внес член Русского географического общества ученый, геополитик и дипломат Николай Федорович Петровский, который вошел в историю востоковедения всего мира. Его взгляды на решение многих проблем достаточно полно отражены в книге «Туркестанские записки», выпущенной в Москве в 2010 г. Письма содержат сведения о русско-китайских, англо-афганских отношениях, событиях из истории присоединения Памира к России, разделении линии государственной границы по Сариколскому хребту и по рекам Пяндж и Аму-дарья, а также о научных исследованиях по Восточному Туркестану. Выдающиеся ученые- академики С.Ф.Ольденбург, В.В.Бартольд и Ю.Крачковский отдали должное вкладу Н.Ф. Петровского в науку геополитики Востока. В письмах к С.Ф.Ольденбургу и барону В.Р.Розину, Н.Ф.Петровский настоятельно рекомендовал начать широкое изучение письменного наследия Индии и Центральной Азии. Используя свое положение дипломатического представителя России в Восточном Туркестане, он всячески способствовал развертыванию здесь научных исследований по физической географии, изучению природных ресурсов, археологии, археогеографических направлений. Он принимает непосредственное участие в создании Туркестанского отдела общества любителей естествознания, антропологии, этнографии и Среднеазиатского ученого общества, являющегося «пионером» научного общества дореволюционного Туркестана. Он анализировал Кокандское восстание 1875-1876 гг. и в своей статье в «Вестнике Европы» назвал причиной восстания появление «вахобизма», который тогда проник в Среднюю Азию. Это говорит о том, что, наряду с изучением природы населения, хозяйства, истории, торговых отношений, он также изучал влияние различных направлений религии на человеческое общество, его работа до сих пор не потеряла своего значения и предостерегает против таких направлений религии.

Ученые – члены Русского географического общества внесли ог-

ромный вклад в такие отрасли науки, как география, геология, ботаника, зоология, лингвистика, этнография. Для их исследования ученые прошли десятки километров пешком и верхом по труднодоступным горным хребтам, ледникам, рекам, долинам и проникли на Памир, в Каратегин, Дарваз, Зеравшан, Гиссар, Вахш и Куляб. Они понимали, что если отойти чуть в сторону от намеченного маршрута, то какая-то часть территории Таджикистана останется никому неизвестной. Многие из членов Русского географического общества были первыми европейскими исследователями, побывавшими в этой горной стране. Необходимо напомнить, что первым европейцем, прошедшим с севера на территорию Памира - до Аличурской долины был член Русского географического общества Н.А.Северцов. первым посетившем Шугнан был русский геоботаник А.Э. Регель в 1882 г., первым членом Русского географического общества, совершившем маршрут по восточному Памиру, был горный инженер Г.Л.Иванов.

Вблизи Искандаркуля, по окраине Фанских гор, прошел естествоиспытатель из состава Русской миссии в Бухаре инженер-майор Бутеньев, который совершил в 1841г. путешествие вверх по Зеравшану до гор Кан, Маг вблизи Такфона. И.В.Мушкетов, оценивая их труд, писал: «Первая экспедиция интересна тем, что она дала разнообразные и богатые результаты».

Каждый из ее участников внес много новых и важных данных в познание естественно-исторического характера территории. Первым из членов Русского географического общества, посетившим в 1870 г. озеро Искандаркуль в составе экспедиции генерала А.К. Абрамова, были геоботаник А.П.Федченко, геолог Д.К.Мышенков, этнограф А.Л.Кун, топограф М.Аминов и астроном Л.Н.Соболев, внесшие огромный вклад в комплексное изучение территории Зеравшанской долины.

Благодаря комплексному исследованию территории членами Русского географического общества были опровергнуты легенды, созданные на основе сведений прежних иностранных путешественников, близко не подходивших к территории Таджикистана. Фантастические представления о будто бы обитавших в горном Таджикистане «племенах карликов» (датчанин Олуфсен и др.) и о разных других чудесах, которые приписывались этому краю.

В капитальных трудах русских ученых появились впервые точные сведения по географическим, климатическим, гляциологическим и этнографическим направлениям, которые имели огромное научно-практическое значение для исследователей всего мира.

Русские ученые критически изучали, переосмысливали труды и концепции западных и восточных авторов и утвердили приоритет русской науки по проблемам методики изучения территорий в социально-экономическом и географическом плане.

Большой вклад в изучение Таджикистана внесли русские ученые, которые комплексно исследовали разные научные направления: зоогеография – Н.А.Северцов, Д.Н., Иванов посвящает свои исследования природе и природным ресурсам Памира, экспедиция П.Е.Косякова и доктора Регеля в 1881-83 гг. проникает вглубь Бадахшана с целью комплексного изучения его хозяйства и населения.

Профессор Г.Д.Романовский изучает социально-экономическую жизнь горных районов. Организатор Русского географического общества, академик С.И. Коржаневский в 1876 году дал прекрасное географическое описание Памира и Алая.

Большое значение для изучения науки в Таджикистане имели исследования в областях истории, культуры, лингвистики, истории религии в конце 19 - начале 20 вв. Тогда появились и первые научные труды крупнейших историков Средней Азии А.А.Семенова, М.С.Андреева. Необходимо отметить, что научные изыскания изначально велись разрозненно и определялись интересами самих ученых и касались определенных направлений науки. Однако эти исследования носили перспективный характер.

После национального территориального размежевания уделяется большое внимание изучению и определению перспектив развития экономики Таджикистана. Исходя из этого, в 1926 году было создано Среднеазиатское экономическое бюро по делам Таджикистана и была образована комиссия в составе ответственных работников и крупных специалистов, в состав которой входили члены Географического общества, которые ранее уже проводили свои исследования. Задача комиссии заключалась в изучении состояния и перспектив развития отраслей народного хозяйства и оказании содействия в территориальной организации производительных сил республики.

На основе изучения отчетов, анализа и предложения ученых – членов Русского географического общества ставился вопрос о создании первых вузов, научно-исследовательских учреждений, экспедиционных исследований, организации Академии наук и других научных центров. В реализации этих мероприятий активное участие принимали такие выдающиеся советские ученые, как А.Е.Ферсман, К.И.Скрябин, В.В.Бартольд. Весной 1932г. была создана Таджикская база Академии наук СССР – первое комплексное научное учреждение Республики. Ее возглавил М.П.Горбунов, а затем академик С.Ф. Ольденбург. База начала свою деятельность с решения задач социально-экономического характера, а также развития и размещения производительных сил.

В дальнейшем из небольших научных ячеек, которые были созданы из числа членов географического общества, выросли специализированные отраслевые институты геологии, ботаники, зоологии, языка и литературы, истории, крупные научные отделы, в том числе географические и Филиал советского географического общества Таджикистана.

В этих научных учреждениях работали и подготавливались научные и научно-педагогические кадры Республики по направлениям, по которым проводятся исследования. Они охватывают сотни научных проблем в области естественных, технических, сельскохозяйственных, медицинских, общественных и гуманитарных наук, основу которых заложили первые энтузиасты - члены Русского, а затем советского географического общества.

Наряду с научными исследованиями, по этим направлениям были подготовлены многие научные и научно-педагогические кадры для всех отраслей народного хозяйства. На основе изучения и рекомендации русских ученых на территории Южного Таджикистана был размещен крупнейший промышленный комплекс, были построены промышленные предприятия, гидроэлектростанции и производственные комплексы, результаты их исследований и рекомендации по развитию и размещению производительных сил пока полностью не реализованы.

Хотелось бы, чтобы Русское географическое общество совместно с Таджикским географическим обществом, отраслевыми институтами АН, вузами республики с целью увековечивания имен первопроходцев Русского географического общества, которые внесли огромный вклад в изучение Таджикистана, совместно выпустили Памятную Красную книгу с указанием имен и фотографий и вклада в развитие производительных сил, чтобы их труды были примером для нового поколения таджикских исследователей природы и природных сил Таджикистана.

СОДЕРЖАНИЕ

Р.Масов, В. Дубовицкий. Историческое значение добровольного присоединения Горного Бадахшана к России.....	3
Л.Додхудоева. К вопросу о таджикско – молдавских культурных связях.....	12
Ф. Абдурашитов. Из истории миграционных процессов периода второй мировой войны	23
Р.Мукимов. Традиции и современность в архитектуре инженерных сооружений на территории Горного Бадахшана.....	30
А.Саидов, Х.Н. Фарохяр. Сведения Махмуда ибн Вали об отношениях Бухарского ханства с Индией и Ираном.....	34
С. Мукимова, М. Шерматов. Положительные особенности планировки горных селений Таджикистана.....	41
Х. Камол. Политическое положение Хорасана во второй половине XV в.	46
Ф. Аҳмадов. Инъикоси баъзе масоили таърихи давлати Сомониён дар осори академик Абдулғанӣ Мирзоев...	54
А. Рамазаниначи. Попытка восстановления дипломатических отношений Венеции с Ираном во второй половине XVI в.	60
Х. Максадов. Влияние Марагинской школы (XIII в.) на европейскую науку средневековья и эпохи возрождения.....	67
С. Бобомуллов, Н.М., Виноградова, Б. Бобомуллов. Результаты исследований могильника Фархор - памятника эпохи средней бронзы на юге Таджикистана, весной 2014 года.....	73
З.Юсуфбекова, М.Шовалиева. Полевые заметки А.Э.Регеля по Восточной Бухаре и Памиру (1882-1884 гг.) как историко-этнографический источник.....	99

<i>Н. Джураева.</i> Роль М.С. Андреева в формировании этнографической науки в Таджикистане.....	108
Материалы Международной научно-исторической конференции "Роль Русского географического общества (РГО) в исследовании Таджикистана" (к 170-летию учреждения рго) г. Душанбе 25 ноября 2015 г.	
<i>А.Джураев.</i> Роль Русского географического общества в (РГО) Изучение территории Средней и Центральной Азии.....	114
В.Дубовицкий. Вклад офицеров русской армии - членов рго в исследование Памира в конце XIX – нач. XX веков.....	119
<i>Х.Мухаббатов.</i> Значение Русского географического общества в исследовании горных регионов Таджикистана.....	126
<i>А.Ниёзов.</i> О понятиях «Гора», «Хребет», «Горная страна» и «Рельеф Таджикистана».....	132
Ш. Рахмонов. Роль Русского географического общества в географическом изучении производительных сил Зеравшанского региона.....	136
<i>С. Бобоев.</i> Роль Русского географического общества в изучение недр Таджикистана.....	140
<i>А.Самиев, Ш.Содиқов.</i> Значение географических исследований территории Таджикистана в 20-е и 30-е годы XX века.....	143
<i>Р.Диловаров.</i> Роль Русского географического общества в комплексном изучении Таджикистана.....	146

МУАРРИХ

ИСТОРИК

(Научный журнал)

№ 4

Художественный редактор **Х. Холов**
Технический редактор **М. Саидов**

Подписано к печати 1. 04. 2016.

Формат 70x100 1/16

Печ.л. 9,0. Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии «Нашри Камол»
г. Душанбе, ул. Борбад, 23а.

